

УДК 13
ББК 87
С 20

Оформление *М. Медведь*

Сартр Ж.-П., Бовуар С.

С 20 Аллюзия любви. – М.: Алгоритм, 2007. – 240 с.

ISBN 978-5-9265-0527-3

«Любящий требует клятвы и раздражается от нее. Он хочет быть любимым свободой и требует, чтобы эта свобода как свобода не была бы больше свободной». Эти слова Ж.-П. Сартра могли бы стать девизом его жизни. В 1929 году вместо руки и сердца Сартр предложил своей возлюбленной заключить «Манифест любви»: быть вместе, но при этом оставаться свободными. Симону де Бовуар, которая больше всего на свете дорожила своей репутацией свободно мыслящей особы, такая постановка вопроса вполне устраивала.

Отношения Сартра и Бовуар были на редкость прочными, несмотря на своеобразный подход к проблемам любви. Основные аспекты их «любовной» философии представлены в книге, предлагаемой ныне вниманию читателей.

**УДК 13
ББК 87**

ISBN 978-5-9265-0527-3

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

ПРЕДИСЛОВИЕ

«МАНИФЕСТ ЛЮБВИ» ЖАН-ПОЛЯ САРТРА И СИМОНЫ БОВУАР

В июне 1905 года родился человек, названный впоследствии самым крупным философом XX века. Как и большинство гениев, в быту он был «странен», и странной казалась его современникам жизнь, которую он себе выбрал. Теперь его «невыписываемость» в бытовые условности кажется нам продолжением его философской системы, а избранная им спутница, с которой он шел рука об руку по судьбе и по лабиринтам философской мысли, вызывает наше уважение: хотя бы за то, что смогла его вытерпеть долгие годы совместного пути.

В середине прошлого века Жан-Поль Сартр, провозгласивший человека свободным, и Симона де Бовуар, «родоначальница» феминизма, каждый по-своему научили современников думать: открыто и свободно, как думали сами они.

Каждый человек, утверждал Сартр, должен быть творцом своей судьбы. Эту истину он постиг еще в детстве. Он был единственным ребенком у рано овдовевшей матери, которая не чаяла в нем души. Она всех убедила в том, что будущее ее сына предreshено: он непременно станет великим писателем. Да и дедушка нисколько не сомневался в том, что его любимый внук — вундеркинд. И маленькому Жан-Полю ничего не оставалось, как поддержать взрослых и принять правила их странной и непонятной ему игры. В послево-

енном романе о детстве «Слова» он напишет: «Я не выбирал призвания, мне его навязали. Взрослые, угнездившиеся в моей душе, указывали пальцем на мою звезду: звезды я не видел, но палец видел и верил им, якобы верившим в меня».

И все же он осмелился усомниться. Подростком задумался о том, кому нужен этот спектакль. Придя к выводу, что лично ему не нужен, он с восторгом скинул с себя вериги «вундеркиндства». Ничего криминального он не совершал, но ошибки в сочинениях и обычные для его возраста мелкие хулиганства казались матери и деду чуть ли не крушением всех надежд. Между Жан-Полем и взрослыми выросла стена отчуждения. Сам писатель признавался, что основная тема его творчества — подлинное счастье быть самим собой и непонимание окружающих («Ад — это другие!» — этой формулой он наградит XX век) — родом из детства.

Его верная подруга Симона де Бовуар, названная впоследствии феминистками всех рангов и мастей «крестной матерью», родилась в 1908 году. И если из Сартра исключительную личность делали, то Симона сама с детства не желала быть такой, как все. Капризная и своенравная девочка терроризировала родителей, беспрестанно им напоминая: «Я сама по себе». А те готовы были исполнить любую ее прихоть, лишь бы предотвратить ссору. Но повод для недовольства у маленькой Симоны всегда находился. «Все дело в моей сильной жизнеспособности и экстремизме», — объясняла свои приступы раздражения, изрядно измотавшие родителей, уже взрослая Симона.

Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр познакомились в 1929 году во время учебы в Сорбонне. Со стороны казалось, что они никак не подходят друг другу: стройная, всегда элегантная Бовуар и Сартр — невысокий, с брюшком, к тому же слепой на один глаз. Но красавица Симона не обращала внимания на неказистость поклонника, она была очарова-

на его умными речами, недюжинным интеллектом, остроумием и не в последнюю очередь тем, что у них было много общего во взглядах на жизнь и на их любимую философию. Со студенческих лет за Симоной закрепилась слава опасного полемиста, легко улавливающего неуверенность или фальшь в аргументах собеседника. Судя по всему, она была единственным достойным противником Сартра, невероятно азартного в дискуссии, а уж разглядеть в темпераментном оппоненте страстную женщину ему, не менее азартному в покорении слабого пола, не составляло труда.

Вместо руки и сердца Жан-Поль предложил своей возлюбленной заключить «Манифест любви»: быть вместе, но при этом оставаться свободными. Симону, которая больше всего на свете дорожила своей репутацией свободно мыслящей особы, такая постановка вопроса вполне устраивала, она выдвинула лишь одно встречное условие: взаимная откровенность всегда и во всем — как в творчестве, так и в интимной жизни. Знать мысли и чувства Сартра представлялось ей более надежной гарантией их отношений, нежели законный брак.

По окончании университета жизнь организовала им первое испытание: Симона получила место преподавателя философии в Руане, Жан-Поль — в Гавре. В течение нескольких лет они общались только посредством переписки. Со временем эта вынужденная необходимость превратилась в неискоренимую привычку на всю жизнь. Позднее они писали друг другу письма, даже находясь в одном городе. Сартр никогда не скрывал, что в жизни боялся только одного: потерять Симону, которую называл своей сутью. Но вместе с тем уже после двух лет знакомства ему показалось, что их отношения слишком прочны, «безопасны», подконтрольны, а значит — несвободны.

Чтобы избавиться от неминуемой скуки, 30-летний Сартр начинает встречаться с совсем еще юной Ольгой Ко-

закевич, бывшей ученицей Симоны. Ольга не только избавила Сартра от приступов дурного настроения и апатии, но и стала первым членом «семьи» — своеобразного сообщества любовников и любовниц, разделявших не только мировоззренческие, но и альковные интересы «философского союза». Вскоре Ольга стала любовницей и Симоны. По ее воспоминаниям, буквально с первой минуты знакомства ее пленила эта очаровательная женщина, показавшаяся такой одинокой.

Время от времени Симона встречалась с женщинами. Подобные отношения она считала вполне естественными. В своей книге *The Second Sex* (которую можно перевести и как «Второй пол», и как «Второй секс») она не скрывала, что считает лесбийские отношения идеальной формой посвящения юной девушки в таинство секса. Впрочем, в этой книге основное свое внимание Симона сосредоточила на проблеме, разрешить которую ей не мог помочь даже Сартр: с древних времен интеллектуальное развитие и женская идентичность представлялись несовместимыми. «Синий чулок, бесполое существо» — если даже ученые женщины не думали сами о себе в подобных негативных терминах, это за них делали мужчины, лучшим комплиментом которых было: «Она думает как мужчина».

* * *

В 1938 году Бовуар и Сартр обосновались в Париже, поселившись в разных комнатах отеля «Мистраль». Симона терпеть не могла «одомашненности», а потому большую часть времени они проводили в кафе, где в то время и «делалось» искусство. Экзистенциализм как «философия жизни» именно во французском своем варианте — Мальро, Ануя, Камю и, разумеется, Сартра — практически смыкался с художественной литературой, которую экзистенциа-

листы считали наиболее эффективным средством воздействия на жизнь.

«Писать — значит действовать», — говорил Сартр. Его роман «Тошнота», выведший на подмостки истории новый тип героя, имел шумный успех и, естественно, не обошелся без Симоны. Именно она подсказала мэтру французской философской мысли «вмонтировать» рефлексию его героя Рокантена в детективный сюжет. В благодарность Сартр посвятил этот роман ей, а Ольге Козакевич — вероятно, из чувства справедливости, досталось посвящение другого сартровского шедевра — сборника рассказов «Стена».

Перед самой войной у Сартра появилось еще одно увлечение — Ванда, сестра Ольги. Она тоже была удостоена чести стать членом «семьи» — после того, как Сартр успешно справился с ее девственностью. Затем было образовано эмоциональное и сексуальное трио с Бьянкой Бьененфельд. А у Симоны был в то время роман еще и с Жак-Лораном Боссом, одним из студентов Сартра. Жак-Лоран также на долгое время стал членом их «семьи», поскольку был одновременно и любовником Ольги. О своих отношениях с Жак-Лораном Бовуар написала Сартру: «Это было великолепно. Правда, порой чересчур страстно». У Бовуар с Сартром не было секретов друг от друга, но все же не столь «продвинутых» членов семьи они берегли: роман Симоны с Боссом держался в секрете от Ольги.

Вторая мировая война никак не изменила структуру «семьи». Сартр был призван в армию. В его отсутствие забота о содержании «семьи» легла на Симону. Ей пришлось работать в поте лица, чтобы помогать «сестрам Коз», Ольге и Ванде, да к тому же ее беспокоил ушедший на фронт Босс, хотя и чуть меньше, чем солдат Сартр, место которого было, по ее мнению, не в окопах, а за письменным столом. «Дорогой, — писала ему Симона, — как только у тебя

будет время, займись своей философской системой». Именно в армии, вняв ее совету, Сартр начал работу над главной своей книгой — философским трактатом «Бытие и Ничто», закончил первую главу романа «Дороги свободы».

В 1940 году немецкие войска вошли на территорию Франции. Сартр оказался в лагере для военнопленных. Немецкий лагерь пробудил в нем театральное призвание. Задом, где состоялась премьера его трагедии-притчи «Мухи», которой вскоре суждено было обойти все европейские сцены, стал барак за колючей проволокой. Пьеса была воспринята соотечественниками как величайшая дерзость, в ней они увидели иносказание о Франции под сапогом захватчика. Вскоре после своего «дебюта» Сартру чудом удалось бежать, используя фальшивые документы. По возвращении в оккупированный Париж он стал активным участником движения Сопротивления.

* * *

Окончание войны и переход к мирной жизни, полной смятения и поруганных ценностей, стали для многих людей, переживших оккупацию, невыносимо сложным временем. После «мучительной адаптации к миру» Сартр провозгласил себя «завербованным, состоящим на службе у текущей истории, призванным вмешиваться в ее ход». Организовав вместе с Симоной журнал *Les Temps Modernes* — один из самых влиятельных среди левых изданий того времени, Сартр вошел в бюро Всемирного Совета Мира. После войны Бовуар и Сартр оказались на гребне славы. Опубликованные романы и философские труды принесли им репутацию «властителей дум». В Париже появились «экзистенциалистские кафе» с непременно черным потолком — дабы посетителям было легче сосредоточиться на переживании «тоски», «тревоги», «абсурда» или «тошноты».

К тому времени Сартр и Бовуар были вместе уже 16 лет. Симону в народе шутливо называли Нотр Дам Де Сартр и Ла Гранд Сартрез (по аналогии, соответственно, с собором и с ликером).

Отношения Сартра и Бовуар были на редкость прочными, несмотря на разный подход к осмыслению философской проблемы любви. Для Сартра любовь всегда стоит под знаком конфликта — это опасная иллюзия, сковывающая свободу человека. Сартр допускал лишь свободу «одинокого героя», который постоянно пребывает в поиске своей аутентичности. Бовуар, не отрицая иллюзорности любви, основанной на общественных ограничениях и условиях, говорила, что человеческой свободе, тем не менее, должна быть придана «форма» путем сотрудничества с другими людьми.

Как бы то ни было, отношения Сартра и Бовуар ничто не могло разрушить, даже интрижки Сартра с молоденькими актрисами Долорес Ванетти и Мишель Вьян, даже угрожающе серьезный роман сорокалетней Бовуар с молодым чикагским писателем Нельсоном Алгреном. Эта четырехлетняя связь закончилась печально для обеих сторон. Нельсон надеялся, что Симона навсегда останется с ним, а она именно этого и боялась, потому что не могла себе представить, что предаст Сартра.

Разрыв с Алгреном оказался для Симоны болезненным. Она забылась лишь в 1954 году в объятиях 27-летнего Клода Ланцмана, который был на 20 лет ее моложе. Ланцман был очарован Бовуар, ее пронизательным умом и уверенностью в себе. Один из немногих поклонников Симоны, он сумел разглядеть в ней обычную женщину, любящую жизнь и боящуюся смерти. Их отношения продолжались семь лет и благополучно сошли на нет по обоюдному согласию.

В отличие от большинства людей, чей революционный пыл с возрастом превращается в благодушие или даже равнодушие, Сартр и Бовуар на шестом десятке стали открыто демонстрировать свои леворадикальные настроения.

В 1961 году Сартр и Бовуар выступили на стороне Алжира, стремившегося высвободиться из-под колониальной зависимости от Франции. За что их принялись травить французские неонацисты, так называемые «ультра», требовавшие расстрела Сартра. Дважды в его дом бросали бомбы. На насилие Сартр, посетовавший, что «слишком долго принимал перо за шпагу», отреагировал весьма своеобразно: отказался от ордена Почетного легиона и Нобелевской премии в области литературы. На этом политические приключения не закончились: в 1970 году Сартр и Бовуар были арестованы за распространение маоистской газеты *La Cause du Peuple*.

С некоторых пор они полюбили путешествовать. Объездив едва ли не весь мир, встречались с Фиделем Кастро, Че Геварой, Мао Цзэдуном, Хрущевым и Тито.

Даже на склоне лет Сартр оставался верен себе, не избегая любовных авантюр. Особенно сильной страстью он воспылал к Арлетт эль-Каим, молоденькой студентке из Алжира, ставшей не только убежденной сторонницей экзистенциализма, но и личным секретарем обожаемого «гуру», что очень не нравилось Симоне. Последнее время она все чаще выражала свое недовольство «милым другом».

В середине 70-х Сартр практически ослеп и, хотя говорил: «Я мог бы писать и во мраке», объявил о своем уходе из литературы. Зато пристрастился к выпивке и транквилизаторам, которые заняли в его жизни место, прежде отводимое женщинам. Даже любительница эпатажа Симона не-

годовала по поводу интервью 70-летнего Сартра, в котором он весело признался, что с виски и таблетками он «соображает в три раза быстрее, чем без них».

Сартр умер 15 апреля 1980 года. Во время его похорон по пути следования траурного кортежа собралось более 50 тысяч человек. Для Симоны его кончина оказалась сильным испытанием: она была опустошена и потеряла всякий интерес к жизни. Остаток дней она провела в квартире с окнами, выходящими на кладбище Монпарнас, где покоился прах ее друга. Симона де Бовуар умерла через шесть лет после Сартра, почти день в день — 14 апреля 1986 года — и была похоронена рядом с ним.

Анна Николаева

Часть 1

Жан-Поль Сартр

ЛЮБОВНЫЕ ПОРАЖЕНИЯ

(отрывки из книги «Бытие и ничто»)

Самообман в любви

Человеческое бытие не является только бытием, посредством которого отрицательности раскрываются в мире, оно есть также бытие, которое может занимать отрицательные позиции в отношении себя.

Позиции отрицания в отношении себя позволяют поставить новый вопрос: кем должен быть человек в своем бытии, чтобы он мог отрицать себя? Но речь не может идти о том, чтобы рассмотреть позицию «отрицание себя» в ее универсальности. Следует выбрать и исследовать определенную позицию, которая была бы одновременно существенной для человеческой реальности и такой, чтобы сознание направило свое отрицание не к внешнему, а к самому себе. Эта позиция, как нам представляется, должна быть позицией самообмана.

Нужно исследовать более подробно действия из самообмана и описать их. Это описание, может быть, позволит нам определить с большей четкостью условия возможности самообмана, то есть ответить на вопрос: «Чем должен

быть человек в своем бытии, если он согласен пребывать в самообмане?»

Вот, например, женщина, которая пришла на первое свидание. Она знает достаточно хорошо намерения, которые мужчина, говорящий с ней, питает на ее счет. Она знает также, что ей рано или поздно нужно будет принять какое-то решение. Но она не хочет спешить с этим; она заинтересована только в почтительном и скромном отношении к ней партнера.

Она не понимает это поведение как попытку реализовать то, что называют «первыми шагами», то есть она не хочет видеть возможности развития этого поведения во времени; она ограничивает его тем, чем оно является в настоящем; она не хочет читать во фразах, которые ей говорят, ничего, кроме их определенно выраженного смысла. Если ей говорят: «Я так вами люблю», она обезоруживает эту фразу, лишая ее сексуального заднего плана; она придает речам и поведению своего собеседника непосредственные значения, которые рассматривает как объективные качества.

Мужчина, говорящий с ней, кажется искренним и вежливым, как стол является круглым или квадратным, как стенные обои являются голубыми или серыми. И качества, таким образом соединяемые с личностью, которую она выслушивает, закрепляются в вещественном постоянстве, выступающем ничем иным, как проекцией на временное течение их сугубо настоящего состояния. Но именно это не является тем, что она хотела бы; она глубоко чувствительна к желанию, которое она вызывает, но обнаженное и грубое желание ее унижало и страшило бы.

Вместе с тем она не находила бы никакого очарования в уважении, которое было бы лишь уважением. Чтобы удовлетворить ее, необходимо чувство, которое адресовалось бы полностью к ее *личности*, то есть к ее полной свободе, и которое было бы признанием ее свободы. Но в то же вре-

мя необходимо, чтобы это чувство было бы полностью желанием, то есть чтобы оно адресовалось к ее телу как объекту. Однако на этот раз она отказывается понимать желание таким, каково оно есть; она не дает ему даже названия и признает его только в той мере, в какой оно возвышается до восхищения ею, почтения, уважения и превращается полностью в формы более возвышенные, чем оно является, до такой степени, чтобы не выступать больше лишь в виде теплоты и плотности.

Но вот ее берут за руку. Это действие ее собеседника может изменить ситуацию, вызывая непосредственное решение: довериться этой руке — значит согласиться на флирт, взять на себя определенные обязательства; отнять свою руку — значит порвать эту тревожную и неустойчивую гармонию, которая составляет обаяние свидания. Речь идет о том, чтобы как можно дальше оттянуть возможный момент решения. Известно, что тогда происходит: молодая женщина доверяет свою руку, но не *замечает*, что доверяет. Она не замечает этого, поскольку вдруг оказывается, что она в этот момент становится вся духовной. Она ведет своего собеседника к самым возвышенным сферам сентиментальной спекуляции, она говорит о жизни, своей жизни, она показывает себя в своем существенном аспекте: личностью, сознанием. И в это время совершается разрыв тела и души; ее рука неподвижно покоится меж теплых рук ее партнера, ни соглашающаяся, ни сопротивляющаяся — как вещь.

Мы скажем, что эта женщина пребывает в самообмане. Но мы видим тотчас, что она использует различные способы, чтобы утвердиться в этом самообмане. Она обезоруживает действия своего партнера, сведя их только к бытию того, чем они являются, то есть к существованию по способу в себе. Но она позволяет себе наслаждаться его желанием в той степени, в какой она понимает желание как не являющегося тем, чем он является, то есть признает его трансценденцией.

Наконец, глубоко чувствуя присутствие своего собственного тела, может быть, даже до смущения, она реализуется как не *являющаяся* своим телом, она созерцает его со своей высоты в качестве пассивного объекта, с которым могут *происходить* события, но который не может ни вызвать их, ни избежать, поскольку все его возможности находятся вне его.

Какое единство встречаем мы в этих различных аспектах самообмана? Им является определенный способ образовывать противоречивые понятия, то есть способ, который объединяет в них идею и отрицание этой идеи. Основное понятие, которое таким образом порождается, использует двойное свойство человеческого бытия — быть и *фактичностью*, и *трансцендентностью*. Эти две стороны человеческой реальности могут и, по правде говоря, должны быть восприимчивы к действительной координации. Но самообман не хочет ни координировать их, ни преодолеть их в синтезе. Для него речь идет о том, чтобы утверждать их тождество, полностью сохраняя их различие. Это значит утверждать фактичность как *являющуюся* трансцендентностью и трансцендентность как *являющуюся* фактичностью таким образом, чтобы можно было бы в тот момент, в который постигают одно, находиться напротив другого.

Прототип формул самообмана будет дан нам в некоторых известных выражениях, которые и были задуманы, чтобы произвести свой эффект в духе самообмана. Известно, например, название произведения Жака Шардонна¹: «Любовь — это гораздо больше, чем любовь». Можно видеть, как здесь осуществляется единство между *настоящей* любовью в ее фактичности («контакт двух кожных покровов»), чувственность, эгоизм, механизм прустовской ревности, борьбы

---

¹ Шардонн (наст. фам. Бутейо) Жак (1884—1968) — французский писатель. — Ред.

полов Адлера¹ и т. д.) и любовью как *трансцендентностью* («огненный поток» Мориака², зов бесконечности, эрос Платона, космическая тайная интуиция Лоренса³ и т. д.).

Здесь как раз отделяются от фактичности, чтобы внезапно оказаться по ту сторону настоящего и действительного состояния человека, по ту сторону психологического в метафизической целостности. Напротив, название одной пьесы Сармана⁴ — «Я слишком велик для себя» — также представляет свойства самообмана; мы брошены вначале в полную трансцендентность, чтобы внезапно оказаться в узких рамках нашей фактической сущности. Подобные структуры представлены в известном выражении: «Он стал тем, чем он был» или в противоположном, не менее известном выражении: «Он такой, каким, наконец, его изменяет вечность».

Разумеется, эти различные формулировки имеют только *внешний вид* самообмана; они явно задуманы в этой парадоксальной форме, чтобы поразить ум, привести его в замешательство загадкой. Но именно эта видимость имеет для нас значение. Здесь важно как раз то, что они не образуют новых, основательно структурированных понятий; напротив,

---

¹ *Адлер Альфред* (1870—1937) — австрийский психолог и психиатр, основатель «индивидуальной психологии». Примыкал к кружку Фрейда. Его концепция психической болезни основывается на идее компенсации чувства неполноценности. Адлер критиковал учение Фрейда за преувеличение роли сексуальности и бессознательного в поведении людей. В отличие от Фрейда акцентировал внимание на роль социальных факторов. Идеи Адлера способствовали модификации фрейдизма и возникновению неофрейдизма. — *Ред.*

² *Мориак Франсуа* (1885—1970) — французский писатель. Один из ведущих представителей «католического» направления во французской литературе XX в. Лауреат Нобелевской премии (1952). «Огненный поток» — название романа Мориака, вышедшего в 1923 г. — *Ред.*

³ *Лоренс Дэвид Герберт* (1885—1930) — английский писатель, автор ряда романов: «Сыновья и любовники», «Жезл Аарона», «Любовник леди Чаттерлей» и др. Его книги поднимают нравственные проблемы, в них используется психоанализ Фрейда. — *Ред.*

⁴ *Сарман Жан* (1897—?) — французский писатель. — *Ред.*

они построены таким образом, чтобы постоянно оставаться в распадении, чтобы всегда был возможен переход от природного настоящего к трансценденции и обратно.

В самом деле, видно, как самообман может использовать все эти суждения, которые имеют цель установить, что я не есть то, чем я являюсь. Если бы я не был тем, чем я *являюсь*, я мог бы, например, серьезно рассматривать этот упрек, который мне делают в строгой форме, и, может быть, вынужден был бы признать его истину. Но как раз посредством трансцендентности я избегаю всего того, чем я являюсь. Я не могу даже оспаривать обоснованность упрека в том смысле, в котором Сюзанна говорит Фигаро: «Доказывать, что я права, значит признать, что я могу быть неправа».

Я нахожусь в плоскости, где никакой упрек не может меня касаться, потому что то, чем я *являюсь* в действительности, и есть моя трансцендентность; я себя избегаю, я ускользаю от себя, я оставляю свою старую одежду в руках моралиста. Двусмысленность, необходимая в самообмане, проистекает здесь из утверждения, что я *являюсь* своей трансцендентностью по способу бытия вещи. В самом деле, только так я могу чувствовать себя ускользнувшим от всех этих упреков. Как раз в этом смысле наша молодая женщина очищает желание от того, что в нем есть унижительного, стремясь рассматривать только чистую трансцендентность, которая избегает даже названия. И, наоборот, «я слишком велик для себя» показывает, что трансцендентность, измененная в фактичность, является источником бесконечных оправданий для наших неудач или слабостей. Таким же образом юная кокетка поддерживает трансцендентность в той степени, в которой почтение, уважение, обнаруживаемые действиями ее поклонника, находятся уже в трансцендентной плоскости. Но она останавливает здесь эту трансцендентность, она наполняет ее всей фактичностью настоящего: уважение есть не что иное, как только уважение, оно оказывается застывшим и не возвышает себя ни над чем.

Но это «метастабильное» понятие «трансцендентности-фактичности» если и является одним из основных инструментов самообмана, не единственное в своем роде. Используют также и другую двойственность человеческой реальности, которую мы выразим в общих чертах, говоря, что ее бытие-для-себя предполагает дополнительно бытие-для-другого. Для любого из моих действий всегда возможно совмещение двух взглядов — моего и другого. Однако как раз действие в этих двух случаях не будет представлять одну и ту же структуру. Но между этими двумя аспектами моего бытия не существует различия появления в бытии, как если бы я был для себя истиной о себе и как если бы другой имел обо мне только искаженный образ.

Равное достоинство быть моим бытием для другого и моим бытием для себя допускает постоянно распадающийся синтез и постоянное бегство от для-себя к для-других и от для-других к для-себя. Можно было видеть, как молодая женщина использовала наше бытие-в-середине-мира, то есть наше инертное присутствие как пассивного объекта среди других объектов, чтобы внезапно освободиться от функций своего бытия-в-мире, то есть от бытия, которое обеспечивает существование мира, проектируя себя по ту сторону мира к своим собственным возможностям...

В самообмане нет ни циничной лжи, ни научно сформированных понятий, вводящих в заблуждение. Но первое действие самообмана есть бегство от того, от чего нельзя бежать, бегство от того, что есть. Итак, сам проект бегства открывает в самообмане глубокий распад внутри бытия, и именно этим распадом он хочет быть. По правде говоря, две непосредственные позиции, которые мы можем принять перед нашим бытием, обусловлены самой природой этого бытия и его непосредственным отношением с в-себе. Правдивость стремится бежать от глубокого распада моего бытия к состоянию в-себе, которым она должна быть

и совсем не является им. Самообман стремится бежать от состояния в-себе к глубокому распаду моего бытия. Но самый этот распад он отрицает, как отрицает в отношении себя, что является самообманом. Избегая посредством «небытия-того-чем-являешься» в-себе, которым я не являюсь, по способу «бытия-того-чем-не-являешься», самообман, отрицающий себя как самообман, имеет в виду в-себе, которым я не являюсь в способе «небытия-того-чем-не-являешься»¹. Если самообман возможен, то именно он является непосредственной и постоянной угрозой всякого проекта человеческого бытия; это значит, что сознание скрывает в своем бытии постоянный риск самообмана. И источником этого риска выступает именно сознание, которое в своем бытии одновременно есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является...

Любовь является конфликтом

Трансцендировать трансцендентность другого или, напротив, поглотить в себя эту трансцендентность, не устраняя ее характера трансцендентности, — таковы две первичные установки, которые я принимаю по отношению к другому. Здесь слова нужно понимать с осторожностью; неверно, что я являюсь вначале, а потом «стремлюсь» объективировать или ассимилировать другого; но в той степени, в какой появление моего бытия оказывается появлением в присутствии другого, в какой я являюсь преследующим бегством и преследующим-преследуемым, я оказываюсь в самой ос-

---

¹ Если безразлично, быть правдивым или пребывать в самообмане, поскольку самообман завладевает правдивостью и проскальзывает в самое начало ее проекта, то это не означает, что нельзя радикально избежать самообмана. Но это предполагает возобновление бытия, развращенного им самим, что мы называем аутентичностью, описанию которой здесь не место. — *Примеч. авт.*

нове своего бытия проектом объективации и ассимиляции другого. Я являюсь испытанием другого — вот первоначальный факт. Но это испытание другого — само по себе установка по отношению к другому, то есть я могу *быть в присутствии другого*, не будучи этим «в-присутствии» в форме иметь в бытии.

Эти две позиции, которыми я являюсь, оказываются противоположными. Каждая из них есть смерть другой, то есть поражение одной мотивирует принятие другой. Следовательно, не существует диалектики моих отношений с другим, но есть круг, хотя каждая позиция обогащается от поражения другой. Однако нужно отметить, что в самой глубине одной всегда остается присутствующей другая, именно потому, что ни одна из двух не может быть поддерживаема без противоречия. Точнее, каждая из них есть в другой и порождает смерть другой; следовательно, мы никогда не можем выйти из круга. Необходимо не терять из виду эти замечания, приступая к исследованию фундаментальных установок по отношению к другому; мы будем вначале рассматривать действия, которыми для-себя пытается ассимилировать свободу другого.

* * *

Все то, что нужно для меня, нужно и для другого. В то время как я пытаюсь освободиться от захвата со стороны другого, другой пытается освободиться от моего; в то время как я стремлюсь поработить другого, другой стремится поработить меня. Здесь речь не идет об односторонних отношениях с объектом-в-себе, но об отношениях взаимных и подвижных. Отсюда описания, которые последуют, должны рассматриваться под углом зрения *конфликта*. Конфликт есть первоначальный смысл бытия-для-другого.

Если мы исходим из первичного открытия другого как *взгляда*, то должны признать, что испытываем наше непо-

стижимое бытие-для-другого в форме *обладания*. Мною владеет другой; взгляд другого формирует мое тело в его наго-те, порождает его, ваяет его, производит таким, каково оно *есть*, видит его таким, каким я никогда не увижу. Другой хранит секрет — секрет того, чем я являюсь. Он производит мое бытие и посредством этого владеет мной, и это владение есть не что иное, как сознание обладания мной. И я, признавая свою объективность, испытываю то, что он имеет это сознание. Через сознание другой есть для меня одновременно тот, кто украл мое бытие, и тот, кто делает то, «что существует» бытие, которое есть мое бытие.

Так я понимаю эту онтологическую структуру; я ответ-ствен за мое бытие-для-другого, но я не есть его основание; оно появляется для меня, следовательно, в форме случай-ного данного, за которое я, однако, отвечаю, и другой ос-новывает мое бытие, поскольку это бытие является в фор-ме «есть»; но он за него не отвечает, хотя он его основал в полной свободе, в своей свободной трансцендентности и посредством нее.

Таким образом, в той степени, в какой я открываюсь себе как ответственный за свое бытие, я *беру на себя* это бытие, каково я есть, иначе говоря, я хочу его возобновить или, в более точных понятиях, я есть проект возобнове-ния своего бытия. Это бытие, которое мне аппрезентируется как *мое бытие*, но на расстоянии, подобно пище Тантала, я хочу схватить его рукой, чтобы овладеть им и основать его своей свободой. Если в одном смысле мое бытие-объекта является неподдерживаемой случайностью и чистым «об-ладанием» меня посредством другого, то в другом смысле это бытие выступает в качестве указания на то, что было бы нужно, чтобы я возобновил его и основал, с тем чтобы быть своим основанием. Но это мыслимо только в том слу-чае, если я ассимилировал бы свободу другого.

Таким образом, мой проект возобновления себя явля-ется существенно проектом поглощения другого. Во вся-

ком случае, этот проект должен оставить неприкосновенной природу другого. Это значит следующее:

1. Я не прекращаю для этого утверждать другого, то есть отрицать собой, что я являюсь другим; другой, будучи основанием моего бытия, не может раствориться во мне без того, чтобы не исчезло мое бытие-для-другого. Если, таким образом, я проектирую реализовать единство с другим, это значит, что я проектирую ассимилировать инаковость (*alterite*) другого, как таковую, как мою собственную возможность. В самом деле, речь для меня идет о том, чтобы сделаться бытием, приобретая возможность стать в отношении себя на точку зрения другого. Но речь не идет, однако, о том, чтобы приобрести чистую абстрактную возможность познания. Это не чистая *категория* другого, которую я проектирую себе усвоить; такая категория непонятна и невысказима. Но дело касается конкретного испытания другого, переживающего и чувствующего; именно этого конкретного другого как абсолютной реальности, с которой я хочу объединиться в его инаковости.

2. Другой, которого я хочу ассимилировать, вовсе не является объектом-другим. Или, если хотите, мой проект соединения с другим совсем не соответствует овладению заново моим для-себя как себя и переводу трансцендентности другого к моим возможностям. Речь для меня не идет о том, чтобы устранить мою объективность, объективируя другого, что соответствовало бы моему *освобождению* от своего бытия-для-другого, но, напротив, я хочу ассимилировать его именно как рассматривающего-другого, и этот проект ассимиляции предполагает растущее признание моего рассматриваемого-бытия. Одним словом, я отождествляюсь полностью с моим рассматриваемым-бытием, чтобы поддержать напротив себя свободу рассматривающего-другого, и так как мое бытие-объекта является единственным возможным отношением меня к другому, то именно это — единственное

бытие-объекта, которое может служить мне инструментом, чтобы произвести ассимиляцию *свободы другого*.

Таким образом, как реакция на поражение третьего экстаза, для-себя хочет отождествиться со свободой другого как основывающей его бытие-в-себе. Быть в себе самом другим — идеал, который всегда конкретно имеется в виду в форме бытия в себе самом *этим другим*, — и является первым значением отношений с другим; это свидетельствует о том, что мое бытие-для-другого преследуемо указанием на абсолютное-бытие, которое было бы собой в качестве другого и другим в качестве себя и которое, полагая свободно в качестве другого свое бытие-себя и в качестве себя бытие-другого, было бы бытием из онтологического доказательства, то есть Богом.

Этот идеал мог бы реализоваться, если бы я преодолел первоначальную случайность моих отношений с другим, то есть если бы не было никакого внутреннего отрицательно-го отношения между отрицанием, которым другой делается другим, чем я, и отрицанием, которым я делаю себя другим, чем он. Эта случайность непреодолима: она является *фактом* моих отношений с другим, как мое тело является *фактом* моего бытия-в-мире. Следовательно, единство с другим не реализуемо. Но оно есть по праву, так как ассимиляция для-себя и другого в той же самой трансцендентности необходимо повлекла бы исчезновение свойства инаковости другого. Условием того, чтобы я проектировал тождество со мной другого, как раз и является упорное отрицание мной, что я есть другой.

Наконец, этот проект объединения является источником *конфликта*, потому что в то время как я испытываю себя как объект для другого и проектирую ассимилировать его в этом испытании и через него, другой постигает меня в качестве объекта в середине мира и вовсе не проектирует меня ассимилировать. Было бы, следовательно, необхо-

димым, поскольку бытие-для-другого предполагает двойное внутреннее отрицание, воздействовать на внутреннее отрицание, которым Другой трансцендирует мою трансцендентность и делает меня существующим для другого, то есть *воздействовать на свободу другого*.

* * *

Этот нереализуемый идеал, раз он преследует мой проект в присутствии другого, нельзя уподоблять любви, так как любовь есть действие, то есть органическая совокупность проектов к моим собственным возможностям. Но он является идеалом любви, ее мотивом и ее целью, ее собственной ценностью. Любовь как первичное отношение к другому является совокупностью проектов, которыми я намерен реализовать эту ценность.

Эти проекты ставят меня в непосредственную связь со свободой другого. Именно в этом смысле любовь является конфликтом. В самом деле, мы отмечали, что свобода другого есть основание моего бытия. Но как раз потому, что я существую через свободу другого, у меня нет никакой защиты, я нахожусь в опасности в этой свободе; она оформляет мое бытие и *делает меня бытием*, она дает и забирает у меня ценности и является причиной постоянного пассивного ухода моего бытия в себя.

Безответственная, находящаяся вне досягаемости эта изменчивая свобода, в которую я включаюсь, может приобщить меня в свою очередь ко множеству способов различного бытия. Мой проект возобновить свое бытие может реализоваться, только если я захвачу эту свободу и редуцирую ее к свободному бытию, подчиненному моей свободе. В то же время это оказывается единственным способом, которым я могу действовать на внутренне свободное отрицание, которым Другой конституирует меня в Другого, то

есть которым я могу подготовить пути будущего отождествления Другого со мной.

Возможно, это станет более ясным, если подойти к проблеме с чисто психологической стороны. Почему любящий хочет быть *любимым*? Если бы Любовь была чистым желанием физического обладания, она в большинстве случаев легко могла бы быть удовлетворена. Герой Пруста, например, который поселил у себя свою любовницу и сумел поставить ее в полную материальную зависимость от себя, мог ее видеть и обладать ею в любое время дня, должен был бы чувствовать себя спокойным. Известно, однако, что он терзается тревогой. Именно через сознание Альбертина ускользает от Марселя, даже если он рядом с ней, и поэтому он не знает передышки, как если бы он ее созерцал и во сне. Однако он уверен, что любовь хочет взять в плен «сознание». Но почему она этого хочет? И как?

Понятие «собственности», которым так часто объясняют любовь, действительно не может быть первичным. Почему я хотел бы присвоить себе другого, если бы это не был именно Другой, дающий мне бытие? Но это предполагает как раз определенный способ присвоения: именно свободу другого как таковую мы хотим захватить. И не по желанию власти: тиран насмехается над любовью; он удовлетворяется страхом. Если он ищет любви у подданных, то это из-за политики, и если он находит более экономное средство их покорить, он его тут же применяет.

Напротив, тот, кто хочет быть любимым, не желает порабощения любимого существа. Он не довольствуется несдерживаемой и механической страстью. Он не хочет обладать автоматом, и, если его желают оскорбить, достаточно представить ему страсть любимого как результат психологического детерминизма; любящий почувствует себя бесценным в своей любви и своем бытии. Если бы Тристан и Изольда сошли с ума от любовного напитка, они вызывали

бы меньший интерес. Случается, что полное порабощение любимого существа убивает любовь любящего. Цель пройдена, любящий вновь остается один, если любимый превращается в автомат. Следовательно, любящий не желает владеть любимым, как владеют вещью; он требует особого типа владения. Он хочет владеть свободой как свободой.

Но, с другой стороны, любящий не может удовлетвориться этой возвышенной формой свободы, которой является свободная и добровольная отдача. Кто удовлетворился бы любовью, которая дарилась бы как чистая преданность данному слову? Кто согласился бы слышать, как говорят: «Я вас люблю, потому что по своей воле соглашаюсь вас любить и не хочу отречься от этого; я вас люблю из-за верности самому себе»?

Таким образом, любящий требует клятвы и раздражается от нее. Он хочет быть любимым свободой и требует, чтобы эта свобода как свобода не была бы больше свободной. Он хочет одновременно, чтобы свобода Другого определялась собой, чтобы стать любовью, и это не только в начале приключения, но в каждое мгновение, и вместе с тем чтобы эта свобода была пленена *ею самой*, чтобы она обратилась сама на себя, как в сумасшествии, как во сне, чтобы желать своего пленения. И это пленение должно быть отдачей одновременно свободой и скованной нашими руками.

Не любовного детерминизма мы будем желать у другого в любви, не недостижимой свободы, но свободы, которая *играет* в детерминизм и упорствует в своей игре. И от себя любящий не требует быть *причиной* этого радикального преобразования свободы, а хочет быть уникальным и привилегированным поводом. В самом деле, он не может хотеть быть причиной, не погружая тотчас любимого в середину мира как орудие, которое можно трансцендировать. Не в этом сущность любви. В Любви, напротив, любящий хочет быть «всем в мире» для любимого. Это значит, что он

помещает себя на сторону мира; он является тем, кто резюмирует и символизирует мир; он есть *это*, которое включает все другие «эти», он соглашается быть *объектом* и является им.

Но, с другой стороны, он хочет быть объектом, в котором свобода другого соглашалась бы теряться, а другой согласился бы найти свою вторую фактичность, свое бытие и свое основание бытия — объектом, ограниченным трансцендентностью, к которому трансцендентность Другого трансцендирует все другие объекты, но который она вовсе не может трансцендировать. Однако он желает установить круг свободы Другого, то есть чтобы в каждый момент, когда свобода Другого соглашается с этой границей в своей трансцендентности, указанное согласие уже присутствовало бы как его движущая сила. Значит, посредством уже выбранной цели он хочет быть выбираем как цель.

Это позволяет нам понять до конца то, что любящий требует от любимого: он хочет не *воздействовать* на свободу Другого, но априори существовать как объективная граница этой свободы, то есть быть данным сразу с ней и в ее самом появлении как граница, которую она должна принять, чтобы быть свободной. Поэтому то, что он требует, является склеиванием, связыванием свободы другого ею самой; эта граница структуры является в действительности *данной*, и одно появление данного как границы свободы означает, что свобода *делает себя существующей* внутри данного, являясь своим собственным запретом ее переходить. И этот запрет рассматривается любящим *одновременно* и как переживаемый, то есть как испытываемый, одним словом, как фактичность, и как добровольный. Он должен быть добровольным, поскольку должен возникать только с появлением свободы, которая выбирает себя как свобода. Но он должен быть только переживаемым, поскольку должен быть всегда присутствующей невозможностью, фактичностью, которая

течет обратно к свободе Другого до ее сердцевины. И это выражается психологическим требованием, чтобы свободное решение любить меня, которое ранее принял любимый, проскальзывало как околдовывающая движущая сила *внутри* его настоящего свободного вовлечения.

Сейчас можно понять смысл такого требования: это фактичность, которая должна быть действительной границей для Другого в моем требовании быть любимым и которая должна завершиться тем, чтобы быть *его собственной* фактичностью, то есть *моей* фактичностью. Поскольку я есть объект, которого Другой приводит к бытию, я должен быть границей, присущей самой его трансцендентности; так что Другой, появляясь в бытии, делал бы из меня бытие в качестве абсолютного и непревышаемого, не как ничтожащее Для-себя, но как бытие-для-другого-в-середине-мира. Таким образом, хотеть быть любимым — значит заражать Другого его собственной фактичностью, значит стремиться к тому, чтобы он был вынужден постоянно воссоздавать вас как условие свободы, которая покоряется и берет на себя обязательства, значит одновременно хотеть, чтобы свобода создавала факт и чтобы факт имел бы преимущество над свободой.

Если бы такой результат мог быть достигнут, это закончилось бы в первую очередь тем, что я был бы в *безопасности* в сознании Другого. Вначале потому, что мотив моего беспокойства и стыда заключается в постижении и испытывании себя в моем бытии-для-другого в качестве того, кто всегда может быть переведен в другую вещь, что является чистым объектом ценностного суждения, простым средством и орудием. Мое беспокойство проистекает из того, что я необходимо и свободно беру на себя это бытие, которым Другой делает меня в абсолютной свободе: «Бог знает, кто я есть для него! Бог знает, как он меня мыслит». Это означает: «Бог знает, каким он сделал меня бытием», и я пресле-

дуем этим бытием, которое я опасаясь встретить однажды на повороте дороги, которое мне так чуждо, но которое все же есть *мое бытие* и которое, я знаю также, несмотря на мои усилия, я никогда не встречу. Но если Другой меня любит, я становлюсь *непревышаемым*; это значит, что я должен быть абсолютной целью; в этом смысле я спасен от *орудийности*; мое существование в середине мира становится точным коррелятом моей трансцендентности-для-меня, поскольку моя независимость абсолютно защищена. Объект, которым Другой должен сделать меня в бытии, есть объект-трансцендентность, центр абсолютного отношения, вокрут которого упорядочиваются как чистые *средства* все вещи-орудия мира.

В то же время как абсолютная граница свободы, то есть абсолютный источник всех ценностей, я защищен от всякого возможного обесценения; я оказываюсь абсолютной ценностью. И в той степени, в какой я принимаю на себя свое бытие-для-Другого, я принимаю себя как ценность. Следовательно, хотеть быть любимым — значит хотеть поместиться по ту сторону всякой системы ценностей, быть полагаемым другим как условие всякой оценки и как объективное основание всех ценностей. Это требование составляет обычную тему разговоров между любящими, будь то, как в «Тесных Воротах» («La Porte Etroite»)¹, когда женщина, которая хотела быть любимой, отождествляла себя с аскетической моралью самовозвышения, желая воплотить идеальный предел этого самовозвышения, как обычно случается, когда любящий требует, чтобы любимый своими действиями принес ему в жертву традиционную мораль, беспокоясь о том, чтобы знать, изменит ли любимый своим друзьям ради него, «украдет ли», «убьет ли ради него» и т. д. С этой точки зрения мое бытие должно ускользать от *взгляда* любимого; или,

---

¹ Роман А. Жида (1909). — *Ред.*

скорее, оно должно быть объектом взгляда другой структуры. Я не должен больше быть видимым на фоне мира как «это» среди других *этих*, но мир должен открываться исходя из меня. В той степени, в какой появление свободы делает то, что мир существует, я должен быть в качестве условия-границы этого появления и даже условия появления мира. Я должен быть тем, чья функция делает существующими деревья и воду, города и села, других людей, чтобы затем дать их другому, который располагает их в мире, так же как в матриархальных обществах мать получает титулы и имена не для того, чтобы их хранить, но чтобы непосредственно передать своим детям. В одном смысле, если я должен быть любимым, я есть объект, по доверенности которого мир будет существовать для другого; в другом смысле я есть мир. Вместо того чтобы быть этим, выделяясь на фоне мира, я есть объект-фон, на котором выделяется мир. Таким образом, я успокоен, взгляд другого не придает мне больше конечности: он больше не закрепляет мое бытие в *то, что я просто есть*. Я не могу быть *рассматриваем* как безобразный, как маленький, как трусливый, поскольку эти черты необходимо представляют фактическую ограниченность моего бытия и восприятие моей конечности как конечности.

Разумеется, мои возможности остаются трансцендированными возможностями, мертвыми-возможностями; но я обладаю всеми возможностями; я есть все мертвые-возможности мира; посредством этого я прекращаю быть бытием, которое понимается исходя из других существующих или из их действий; но в любящей интуиции, которой я требую, я должен быть дан как абсолютная целостность, исходя из которой должны пониматься все существующие и все их собственные действия. Можно бы сказать, искажая малоизвестную формулу стоиков, что «любимый может трижды обанкротиться». Идеал мудреца и идеал того, кто хочет

быть любимым, в действительности совпадают в том, что тот и другой хотят быть целостностью-объекта, доступной глобальной интуиции, которая будет постигать действия в мире любимого и мудреца как частичные структуры, которые интерпретируются исходя из целостности. И так же, как мудрость выступает в виде состояния, достигаемого абсолютным преобразованием, свобода другого должна абсолютно преобразоваться, чтобы мне стать любимым.

Это описание до сих пор в достаточной мере совпадает с известным гегелевским описанием отношений господина и раба. Тем, чем гегелевский господин является для раба, любящий хочет быть для любимого. Но аналогия на этом кончается, так как господин у Гегеля требует свободы раба только лишь побочно, так сказать, неявно, в то время как любящий требует *с самого начала* свободы любимого. В этом смысле, если я должен быть любимым другим, я должен быть свободно выбираем как любимый. Известно, что в обычной любовной терминологии любимый обозначается понятием «избранник». Но этот выбор не должен быть относительным и случайным: любящий раздражается и чувствует себя обесцененным, когда он думает, что любимый выбрал его *среди других*. «Но вот, если бы я не приехал в этот город, если бы я не посещал «такого-то», ты меня не знала бы, ты меня не любила бы?» Эта мысль огорчает любящего: его любовь становится любовью среди других, любовью, ограниченной фактичностью любимого и его собственной фактичностью, а также случайностью встреч: она становится *любовью в мире*, объектом, который предполагает мир и который может, в свою очередь, существовать для других. То, что он требует, он выражает неловкими словами, запятанными «вещизмом»; он говорит: «Мы были созданы друг для друга» или употребляет выражение «родственные души». Но это нужно интерпретировать так: хорошо известно, что считать себя «созданными друг для друга» —

значит сослаться на первоначальный выбор. Этот выбор может быть выбором Бога как бытия, которое является абсолютным выбором; но Бог представляет здесь только переход к границе в требовании абсолютного.

В действительности любящий требует, чтобы любимый сделал в отношении его абсолютный выбор. Это означает, что бытие-в-мире любимого должно быть любящим-бытием. Это появление любимого должно быть свободным выбором любящего. И так как другой есть основание моего бытия-объекта, я требую от него, чтобы свободное появление его бытия имело единственной и абсолютной целью — выбор *меня*, то есть чтобы он выбрал бытие для основания моей объективности и фактичности.

Таким образом, моя фактичность оказывается «спасенной». Она не является больше тем непостижимым и непреодолимым данным, от которого я бегу; она есть то, для чего другой свободно делает себя существующим; она есть цель, которую он перед собой ставит. Я его заразил своей фактичностью, но так как именно в качестве свободы он ею был заражен, он ее посылает мне как возобновляемую и согласованную фактичность; он есть ее основание, с тем чтобы она была его целью. Исходя из этой любви я постигаю, стало быть, по-другому свое отчуждение и собственную фактичность. Она есть, как для-другого, более не факт, а право. Мое существование есть, поскольку оно *требуется*. Это существование, поскольку я его беру на себя, становится чистой щедростью. Я есть, поскольку я себя отдаю. Эти любимые вены на моих руках, они существуют как раз через доброту. Какой я добрый, имея глаза, волосы, ресницы и неустанно раздавая их в избытке щедрости, в этом непрестанном желании, которым другой свободно делается бытием. Вместо того чтобы перед тем, как быть любимыми, тревожиться этим неоправданным возвышением, неоправдываемым нашим существованием, вместо того чтобы чув-

ствовать себя «лишними», мы чувствуем сейчас, что это существование возобновляется и в малейших своих деталях становится желаемым абсолютной свободой, которой оно в то же время обусловлено; и мы хотим сами себя с нашей собственной свободой. Это и есть основа любовной игры; когда она существует, мы чувствуем себя оправданными в существовании.

Вместе с тем, если любимый может нас любить, он всегда готов быть ассимилированным нашей свободой, так как это любимое-бытие, которое мы желаем, и есть уже онтологическое доказательство, примененное к нашему бытию-для-другого. Наша объективная сущность предполагает существование *другого*, и наоборот, именно свобода другого основывает нашу сущность. Если бы мы смогли интериоризовать всю систему, мы были бы своим собственным основанием.

Такова, следовательно, реальная цель любящего, поскольку его любовь является действием, то есть проектом самого себя. Этот проект должен вызвать конфликт. В самом деле, любимый постигает любящего как другого-объекта среди других, то есть он воспринимает его на фоне мира, трансцендирует его и использует. Любимый является *взглядом*. Он, следовательно, не должен использовать ни свою трансценденцию, чтобы определить конечную границу своих возвышений, ни свою свободу, чтобы взять ее в плен. Любимый не знает желания любить. Отсюда, любящий должен соблазнить любимого; и его любовь не отличается от этого действия соблазна. В соблазне я совсем не стремлюсь открыть в другом свою субъективность; я мог бы это делать, впрочем, только *рассматривая* другого; но этим взглядом я устранил бы субъективность другого, а именно ее я хочу ассимилировать. Соблазнить — значит брать на себя полностью свою объективность для другого и подвергать ее риску; значит ставить себя под его взгляд, делать себя рассматривае-

мым им и подвергать опасности *рассматриваемое-бытие*, чтобы осуществить новый уход и присвоить себе другого в моей объектности и через нее. Я отказываюсь покидать почву, на которой я испытываю свою объектность; именно на этой почве я хочу вступить в борьбу, делая себя *очаровывающим объектом*.

Но очарование — это *состояние*; это сознание быть *ничто* в присутствии бытия. Соблазн имеет целью вызвать у другого сознание своей ничтожности перед соблазняющим объектом. Посредством соблазна я намерен конституироваться как полное бытие и заставить *признать* меня как *такового*. Для этого я конституируюсь в значимый объект. Мои действия должны *указывать* в двух направлениях. С одной стороны, на то, что напрасно называют субъективностью и что скорее является объективной и скрытой глубиной бытия; действие не производится только для него самого, а указывает на бесконечный и недифференцированный ряд других реальных и возможных действий, которые я предлагаю в качестве конституирующих мое объективное и незамеченное бытие.

Таким образом, я пытаюсь руководить трансцендентностью, которая меня трансцендирует, и отослать ее к бесконечности моих мертвых-возможностей как раз для того, чтобы быть непревзойденным именно в той степени, в какой единственно непревзойденной оказывается бесконечность.

С другой стороны, каждое из моих действий пытается указать на самую большую плотность возможного-мира и должно представлять меня в качестве связанного с самыми обширными областями мира; или я *представляю* мир любимому и пытаюсь конституироваться как необходимый посредник между ним и миром, или я просто обнаруживаю своими действиями бесконечно различные возможности в мире (деньги, власть, связь и т. д.). В первом случае я пытаюсь конституироваться как бесконечная глубина, во вто-

ром — отождествляюсь с миром. Этими различными методами я *предлагаю* себя в качестве непревзойдаемого. Это предложение не может быть достаточным само по себе; оно есть только окружение другого, оно не может иметь фактической ценности без согласия свободы другого, которая должна взять себя в плен, признавая себя в качестве ничто перед моей полнотой абсолютного бытия.

* * *

Однако очарование, даже если оно должно вызвать в другом очарованное бытие, не достигает само по себе того, чтобы вызвать любовь. Можно поддаться очарованию оратора, актера, эквилибриста, но это не значит, что кого-либо из них любят. Конечно, нельзя оторвать от него глаз, но он выделяется еще на фоне мира, и очарование не полагает очаровываемый объект как окончательную границу трансцендентности; совсем напротив, оно *есть* трансцендентность. Когда же, однако, любимый в свою очередь станет любящим?

Ответ прост: когда он будет проектировать быть любимым. В себе другой-объект никогда не имеет достаточно силы, чтобы вызвать любовь. Если любовь имеет своим идеалом присвоение другого как другого, то есть как рассматривающую субъективность, этот идеал может быть проектирован только исходя из моей встречи с другим-субъектом, но не с другим-объектом.

Соблазн может приукрасить другого-объекта, который пытается меня соблазнить, лишь обладая свойством *дорогого* объекта, которым «нужно завладеть»; он подвигнет меня, может быть, на большой риск, чтобы завоевать его; но это желание присвоения объекта в середине мира не должно быть смешано с любовью. Любовь может родиться у любимого только из опыта, который он получает от своего отчуждения и своего бегства к другому. Но любимый, если

он находится здесь, снова преобразуется в любящего, только если он проектирует быть любимым, то есть если то, что он хочет завоевать, является не телом, а субъективностью другого как такового. Действительно, единственное средство, которое он смог бы задумать, чтобы реализовать присвоение, — это заставить полюбить себя.

Таким образом, нам представляется, что любить — это в своей сущности проект заставить полюбить себя. Отсюда и новое противоречие, и новый конфликт; каждый из любящих полностью пленен другим, поскольку он хочет заставить любить себя за исключением всех остальных; но в то же время каждый требует от другого любви, которая вовсе не сводится к «проекту быть любимым». Он требует, чтобы другой, не стремясь первоначально заставить любить себя, имел бы интуицию одновременно созерцательную и аффективную своего любимого как объективную границу его свободы, как неизбежное и избранное основание его трансцендентности, как целостность бытия и высшую ценность.

Требуемая таким образом от другого любовь не может ничего *требовать*; она является чистой вовлеченностью без взаимности. Но как раз эта любовь не могла бы существовать иначе как в качестве требования любящего; совсем другое дело, когда любящий пленен; он пленен самим своим требованием в той степени, в какой любовь является требованием быть любимым; она есть свобода, которая хочет себе тела и требует внешности; иначе говоря, свобода, которая изображает бегство к другому, которая в качестве свободы требует своего отчуждения.

Свобода любящего в самом его усилии заставить другого любить себя в качестве объекта отчуждается, уходя в тело-для-другого, то есть создает себя как существующую измерением бегства к другому; она оказывается постоянным отрицанием полагания себя в качестве чистой самости, так как это полагание себя как самого себя повлекло бы ис-

чезновение другого в качестве взгляда и появление другого-объекта, следовательно, состояния вещей, где сама возможность быть любимым устранилась бы, поскольку другой редуцировался бы к измерению объективности. Это отрицание, стало быть, конституирует свободу как зависящую от другого, и другой как субъективность становится непревзойденной границей свободы для-себя, высшей целью, поскольку он хранит ключ от его бытия.

Мы снова находим здесь, конечно, идеал любовного предприятия: отчужденную свободу. Но именно тот, кто хочет быть любимым, и поскольку он хочет, чтобы его любили, отчуждает свою свободу. Моя свобода отчуждается в присутствии чистой субъективности другого, который основывает мою объективность; она отнюдь не должна отчуждаться перед лицом другого-объекта. В этой форме отчуждение любимого, о котором мечтает любящий, было бы противоречивым, поскольку любимый может основать бытие любящего, только трансцендируя его, в сущности, к другим объектам мира; стало быть, эта трансцендентность не может конституировать одновременно объект, который она превосходит как трансцендированный объект и предельный объект всякой трансцендентности.

Таким образом, в любовной паре каждый хочет быть объектом, для которого свобода другого отчуждается в первоначальной интуиции; но эта интуиция, которая была бы, собственно говоря, любовью, есть лишь противоречивый идеал для-себя; следовательно, каждый отчуждается лишь в той степени, в какой он требует отчуждения другого. Каждый хочет, чтобы другой его любил, не отдавая себе отчета, что любить — значит хотеть быть любимым и что, следовательно, желая, чтобы другой его любил, он хочет только, чтобы другой хотел, чтобы он его любил. Любовные отношения оказываются системой неопределенных отсылок, ана-

логичных чистому «отражению-отражаемому» сознания под идеальным знаком *ценности* «любовь», то есть соединения сознаний, где каждое сохраняло бы свою «инаковость», чтобы основать другое.

В действительности как раз сознания отделены непреодолимым ничто, поскольку оно является одновременно внутренним отрицанием одного другим и фактическим отрицанием, находящимся между двумя внутренними отрицаниями. Любовь является противоречивым усилием преодолеть фактическое отрицание, сохраняя полностью внутреннее отрицание. Я требую, чтобы другой любил меня, и делаю все возможное для реализации своего проекта; но если другой меня любит, он в принципе обманывает меня своей любовью; я требовал от него, чтобы он основал мое бытие в качестве привилегированного объекта, утверждаясь как чистая субъективность передо мной; и в то время как он меня любит, он испытывает меня в качестве субъекта и погружается в свою объективность перед моей субъективностью.

Проблема моего бытия-для-другого остается, следовательно, без решения, любящие остаются каждый для себя в полной субъективности; ничто не освобождает их от обязанности существовать каждый для себя; ничто не приходит, чтобы устранить их случайность и спасти их от фактичности. По крайней мере, каждый выиграл от того, что не находится больше в опасности от свободы другого, но совсем по-другому, о чем он и не думал; в действительности совсем не от того, что другой делает его бытие объектом-границей своей трансцендентности, но потому, что другой испытывает его в качестве субъективности и хочет испытывать только как такового.

Выигрышем еще является постоянный компромисс; с самого начала в каждый момент каждое из сознаний мо-

жет освободиться от его оков и созерцать сразу другого в качестве *объекта*. Когда чары прекращаются, другой становится средством среди средств; он является, конечно, тогда объектом для другого, как он и желал этого, но объектом-орудием, объектом, постоянно трансцендируемым; иллюзия зеркальных игр, которая составляет конкретную реальность любви, тут же прекращается.

Наконец, в любви каждое сознание пытается тут же поставить *под защиту* свое бытие-для-другого в свободе другого. Это предполагает, что другой находится по ту сторону мира как чистая субъективность, как абсолют, посредством которого мир приходит в бытие. Но достаточно того, чтобы любящие вместе были бы *рассматриваемыми* третьим, чтобы каждый испытал объективацию не только самого себя, но и другого. Другой сразу же перестает для меня быть абсолютной трансцендентностью, которая основывает меня в моем бытии, но он оказывается трансцендентностью-трансцендируемой, посредством не меня, но другого, и мое первоначальное отношение к нему, то есть мое отношение любимого бытия к любящему, застывает в мертвую-возможность.

Это уже не переживаемое отношение объекта как границы всякой трансцендентности в свободе, которая его основывает, но это любовь-объект, который отчуждается целиком к третьему. Такова истинная причина того, почему любящие ищут уединения. Как раз появление третьего, каким бы он ни был, является разрушением их любви.

Но фактическое уединение (мы одни в моей комнате) совсем не является уединением *по праву*. В самом деле, даже если никто не видит нас, мы существуем для *всех* сознаний, и у нас есть сознание существования для всех; отсюда вытекает, что любовь как основной модус бытия-для-другого имеет в своем бытии-для-другого источник своего краха.

Тройная разрушаемость любви. Мазохизм как принятие виновности

Мы определим сейчас тройную разрушаемость любви. Во-первых, она является, в сущности, обманом и отсылкой в бесконечность, потому что любить — это значит хотеть, чтобы меня любили, следовательно, хотеть, чтобы другой желал, чтобы я его любил. И доонтологическое понимание этого обмана дается в самом любовном порыве; отсюда — постоянная неудовлетворенность любящего. Она проистекает, как это часто говорят, не из недостойности любимого бытия, но из скрытого понимания того, что любовная интуиция, как интуиция-основание, оказывается недостижимым идеалом. Чем больше меня любят, тем больше я теряю свое *бытие*, тем больше я отказываюсь от своей собственной ответственности, от своей собственной возможности бытия.

Во-вторых, пробуждение другого всегда возможно, он может в любой момент представить меня как объект; отсюда — постоянная неуверенность любящего.

В-третьих, любовь является абсолютом, постоянно *релятивизируемым* другими. Нужно было бы быть в мире единственным с любимым, чтобы любовь сохраняла свой характер абсолютной оси отношения. Отсюда — постоянный стыд (или гордость, что то же самое здесь) любящего.

Таким образом, напрасно я пытался бы потеряться в объективном; моя страсть не приведет ни к чему; другой меня отсылает сам или через других к моей неоправдываемой субъективности. Это утверждение может вызвать полное отчаяние и новую попытку осуществить ассимиляцию другого и меня самого. Ее идеалом будет обратное тому, что мы только что описали; вместо того чтобы проектировать овладение другим, сохраняя в нем его «инаковость», я буду проектировать овладение меня другим и потерю себя в его субъективности, чтобы освободиться от своей.

Это предприятие находит свое выражение в конкретной *мазохистской* установке; поскольку другой есть основание моего бытия-для-другого, то, если бы я поручил другому сделать меня существующим, я не был бы больше только бытием-в-себе, основанным в его бытии свободой. Здесь именно моя собственная субъективность рассматривается как препятствие первоначальному акту, посредством которого другой основывал бы меня в моем бытии; речь идет здесь прежде всего о ней, чтобы отрицать ее с *моей собственной свободой*. Я пытаюсь, следовательно, включиться полностью в свое бытие-объекта; я отказываюсь быть чем-либо, кроме объекта; я нахожусь в другом; и так как я испытываю это бытие-объекта в стыде, я хочу и люблю свой стыд как глубокий знак моей объективности; а так как другой постигает меня как объект посредством *настоящего желания*, я хочу быть желаемым, я делаю себя объектом желания в стыде.

Эта установка была бы в достаточной степени похожей на установку любви, если, вместо того чтобы стремиться существовать для другого как объект-граница его трансцендентности, я, напротив, не возражал бы, чтобы со мной обходились как с объектом среди других, как с инструментом, который можно использовать; значит, в действительности речь идет о том, чтобы отрицать *мою* трансцендентность, а не его. Я не могу на этот раз проектировать пленение его свободы, но, наоборот, желаю, чтобы эта свобода была бы и хотела быть радикально свободной. Чем больше я буду ощущать себя переведенным к другим целям, тем больше я буду наслаждаться отказом от своей трансцендентности. В пределе я проектирую не быть больше ничем, кроме *объекта*, то есть принципиально *в-себе*. Но поскольку свобода, которая поглотила бы мою свободу, будет основанием этого в-себе, мое бытие снова стало бы своим основанием.

Мазохизм, как и садизм, является принятием на себя (assumption)¹ виновности. Я виновен, потому что я являюсь объектом. Виновен по отношению к самому себе, поскольку я соглашаюсь на свое абсолютное отчуждение, виновен по отношению к другому, так как я ему предоставил случай быть виновным через радикальное отсутствие моей свободы как таковой. Мазохизм является попыткой не очаровывать другого своей объективностью, но очаровывать самого себя своей объективностью-для-другого, то есть заставить другого конституировать меня в объект таким способом, чтобы я нететически постигал свою субъективность в качестве *ничто* в присутствии в-себе, которое я представляю в глазах другого. Он характеризуется как некоторого рода головокружение — головокружение не перед земной пропастью, но перед бездной субъективности другого.

Но мазохизм является и должен быть в самом себе поражением; для того чтобы очароваться своим я-объектом, необходимо, чтобы я мог бы реализовать интуитивное восприятие этого объекта, каким он является *для другого*, что в принципе невозможно. Таким образом, отчужденное я, далекое от того, чтобы я мог даже начать очаровываться им, остается в принципе непостижимым. Мазохист прекрасно может ползать на коленях, показывать себя в смешных, нелепых позах, позволять использовать себя как простое неодушевленное орудие; именно *для другого* он будет непристойным или просто пассивным, для другого он будет *принимать* эти позы; для себя он навсегда осужден *отдаваться* им. Как раз в трансцендентности и через нее он располагается как бытие, которое нужно трансцендировать; и чем больше он будет пытаться насладиться своей объективностью, тем больше он будет переполняться сознанием своей субъективности, вплоть до тревоги. В частности, мазохист,

---

¹ От *assumer* — брать на себя, притязать (*фр.*); *assumption* можно перевести и как возвышение. — *Ред.*

который платит женщине, чтобы она его стегала, обращает ее в инструмент и поэтому располагается в трансцендентности по отношению к ней. Таким образом, мазохист кончает тем, что превращает другого в объект и трансцендирует его к его собственной объективности. Вспомните, например, терзания Захер-Мазоха¹, который, чтобы сделать себя презираемым, оскорбляемым, доведенным до униженного положения, вынужден был пользоваться большой любовью, которую предлагали ему женщины, то есть действовать на них, воспринимая их как объект. Так объективность, во всяком случае, ускользала от мазохиста, и могло даже случиться и часто случалось, что, стремясь постигнуть свою объективность, он находил объективность другого, которая, вопреки его воле, высвобождала его субъективность.

Мазохизм, следовательно, в принципе есть поражение. Здесь нет ничего, что могло бы нас удивить, если мы поймем, что мазохизм является «пороком» и что порок есть, в сущности, любовь к поражению. Но мы не можем описывать здесь структуры порока как такового. Нам достаточно отметить, что мазохизм есть постоянное усилие устранить субъективность субъекта, делая ее заново ассимилированной другим, и что это усилие сопровождается изнуряющим и восхитительным сознанием поражения, причем таким, что само это поражение, которым кончает субъект, рассматривается как его основная цель².

---

¹ *Захер-Мазох Леопольд фон* (1836—1895) — австрийский писатель. Известен, прежде всего, эротическими романами («Венера в мехах» [1870] и др.), с патологическими мотивами которых связано происхождение термина «мазохизм». — *Ред.*

² В терминах этого описания оно, по крайней мере, является формой эксгибиционизма, который должен быть включен в число мазохистских установок действий. Например, когда Руссо выставлялся напоказ прачкам «не непристойным объектом, но объектом смешным» — см. его «*Исповедь*», гл. III. — *Примеч. авт.*

Безразличие, желание, ненависть, садизм

Смысл искомого нами конфликта [в любви] был бы в том, чтобы полностью высветить борьбу двух противостоящих свобод как свобод. Но это намерение не может быть непосредственно осуществлено, ведь, поскольку я укрепляюсь в своей свободе перед другим, я делаю из другого трансцендируемую-трансцендентность, то есть объект.

Историю этого поражения мы сейчас и попытаемся проследить. Следует понять здесь направляющую схему; на другого, который смотрит на меня, я в свою очередь направляю взгляд. Но взгляд рассмотреть нельзя; в то время как я смотрю на взгляд, он исчезает, я вижу только глаза. В этот момент другой становится бытием, которым я владею и которое признало мою свободу. Казалось бы, что моя цель достигнута, поскольку я обладаю бытием, которое имеет ключ от моей объектности, и я могу заставить его испытать мою свободу множеством способов. Но в действительности все проваливается, так как бытие, которое остается у меня в руках, есть другой-объект. Как таковой он потерял ключ от моего бытия-объекта и владеет просто моим образом, который является не чем иным, как одним из его объективных чувств, и больше меня не касается; и если он испытывает следствия моей свободы, если я могу воздействовать на его бытие множеством способов и трансцендировать его возможности ко всем моим возможностям, то это потому, что он является объектом в мире и как таковой не в состоянии признать мою свободу.

Мое разочарование полное, поскольку я старался присвоить свободу другого и поскольку я сразу замечаю, что я могу действовать на другого лишь в силу того, что эта свобода исчезла под моим взглядом. Это разочарование будет движущей силой моих последующих попыток отыскать сво-

боду другого *через* объект, каков он есть для меня, и найти привилегированные действия, которые помогли бы мне присвоить эту свободу посредством полного присвоения тела другого. Эти попытки, как можно догадаться, в принципе обречены на поражение. Но возможно также, что «рассматривать взгляд» было бы моей первоначальной реакцией на мое бытие-для-другого. Это значит, что я могу при моем появлении в мире выбрать себя как рассматривающего взгляд другого и основывать свою субъективность на исчезновении субъективности другого.

Именно эту установку мы назовем *безразличием по отношению к другому*. Речь идет тогда о *слепоте* по отношению к другим. Но понятие «слепоты» не должно ввести нас в заблуждение; я не подвергаюсь этой слепоте как состоянию; я *есть* собственная слепота в отношении других, и эта слепота включает скрытое понимание бытия-для-другого, то есть трансцендентность другого как взгляда. Это понимание я просто-напросто сам от себя пытаюсь скрыть. Я осуществляю тогда род фактического солипсизма; другие — эти формы, которые проходят по улице, это магические объекты, которые способны действовать на расстоянии и на которые я могу воздействовать определенными поступками. Я их едва замечая, я действую, как если бы я был один в мире; я избегаю «людей», как избегаю стен, я уклоняюсь от них, как от препятствий; их свобода-объект является для меня лишь их «коэффициентом враждебности»; я не представляю даже, что они могут меня *рассматривать*. Несомненно, они имеют какое-то знание обо мне, но это знание меня не касается; речь идет о простых модификациях их бытия, которые не идут от них ко мне и которые запятнаны тем, что мы называем «испытываемой-субъективностью», или «субъективностью-объектом», иначе говоря, они выражают то, каковы есть они, а не каков есть я, и что они являются следствием моего действия на них. Эти «люди» оказываются функция-ми; служащий, компостирующий билеты, есть не что иное,

как функция компостировать; официант кафе есть не что иное, как функция обслуживать посетителей. Исходя из этого, можно будет лучше использовать их в моих интересах тогда, когда я знаю их *ключи*, и это «ключевые-слова», которые могут запустить их механизм.

Отсюда — психология «моралиста», которую дал нам французский XVII век; отсюда — эти трактаты XVIII века: «Средство достичь успеха» Беральда де Вервиля; «Опасные связи» Лакло; «Трактат о честолубии» Эро де Сешеля, которые дают нам *практическое* знание о другом и искусстве воздействовать на него. В этом состоянии слепоты я игнорирую в то же время абсолютную субъективность другого как основание моего бытия-в-себе и моего бытия-для-другого, в частности, моего «тела для другого». В определенном смысле я спокоен, я имею «наглость», то есть у меня вовсе нет сознания того, что взгляд другого может уплотнить мои возможности и мое тело; я нахожусь в состоянии, противоположном тому, которое называют *скромностью*. Я держусь непринужденно, я не смущен самим собой, так как я не нахожусь *вовне*, не чувствую себя отчужденным. Это состояние слепоты может продолжаться долго по прихоти моего фундаментального самообмана; оно может продолжаться с перерывами многие годы, всю жизнь; есть люди, которые умирают, ничего не подозревая, за исключением кратких и ужасающих озарений, что был *Другой*. Но даже будучи полностью погруженными в него, они не прекращают испытывать свою неполноту. И, как всякий самообман, именно она обеспечивает нам мотивы выхода из него, так как слепота по отношению к другому ведет одновременно к исчезновению всякого переживаемого восприятия моей *объективности*. Однако Другой как свобода и моя объективность, как я-отчужденное *находятся здесь*, незамеченные, нетематизированные, но данные в моем понимании мира и моего бытия в мире. Компостирующий билеты, даже если он рассматривается как чистая функция, отсылает меня через

свою функцию еще к внешнему-бытию, хотя это внешнее-бытие непонятно и непостижимо.

Отсюда — постоянное чувство недостатка и тревоги. Это потому, что мой фундаментальный проект по отношению к Другому, какой бы ни была установка, которую я принял, двойствен; речь идет, с одной стороны, о том, чтобы защитить себя от опасности, которая подстерегает меня в моем внешнем-бытии-в-свободе-Другого, а с другой стороны, о том, чтобы использовать Другого в конечном счете для тотализации распадающейся целостности, которой я являюсь, для закрытия открытого круга и сделать, наконец, то, чтобы я был основанием самого себя.

Итак, с одной стороны, исчезновение Другого как взгляда отбрасывает меня в мою неоправдываемую субъективность и редуцирует мое бытие к этому постоянному преследуемому-преследованию, к непостижимому В-себе-для-себя; без другого я постигаю в полной обнаженности эту ужасную необходимость быть свободным, которая является моей судьбой, то есть фактом, что я могу только себе поручить заботу сделаться бытием, хотя я и не выбирал быть, а был *рожден*. Но, с другой стороны, хотя *слепота* по отношению к Другому освобождает меня, по-видимому, от опасения быть под угрозой в свободе Другого, она включает, несмотря ни на что, скрытое понимание этой свободы. Она приводит меня, таким образом, к последней степени объективности в тот самый момент, когда я могу думать о себе как об абсолютной и единственной субъективности, потому что я есть рассматриваемый, даже не имея возможности испытать, что я есть рассматриваемый, и посредством этого испытывания защитить себя от своего «рассматриваемого-бытия». Мною владеют, хотя я не могу повернуться к тому, кто мной владеет. В прямом испытывании Другого как взгляда я защищаю себя, испытывая Другого, и мне остается возможность преобразовать Другого в объект. Но если Другой яв-

ляется для меня объектом, *в то время как он на меня смотрит*, тогда я нахожусь в опасности, не зная этого.

Таким образом, моя *слепота* есть беспокойство, потому что она сопровождается сознанием «взгляда блуждающего» и непостижимого, которое грозит мне отчуждением без моего ведома. Это беспокойство должно вызвать новую попытку захватить свободу Другого. Но это будет означать, что я собираюсь повернуться к Другому-объекту, который меня избегает, и пытаться использовать его как инструмент, чтобы достигнуть его свободы. Именно потому только, что я обращаюсь к *объекту* «Другой», я не могу требовать от него учитывать свою трансцендентность и, будучи сам в плоскости объективации Другого, я не могу даже понять, что я хочу присвоить. Я обладаю раздражающей и противоречивой установкой в отношении этого объекта, который я рассматриваю; я не только не могу получить от него, что я хочу, но, кроме того, этот поиск вызывает исчезновение самого знания, которое касается того, что я хочу; я начинаю отчаянный поиск свободы Другого, и в пути я *нахожу* себя *вовлеченным* в поиск, который потерял свой смысл; все мои усилия возратить смысл поиску имеют следствием только еще большую его потерю и вызывают мое удивление и тревогу, так же как при попытке снова вернуть воспоминание о сне, это воспоминание ускользает, оставляя мне расплывчатое и раздражающее впечатление полного знания без объекта; точно так же, когда я пытаюсь объяснить содержание искаженного воспоминания, само объяснение делает его исчезающим в полупрозрачности.

* * *

Моя первоначальная попытка постигнуть свободную субъективность Другого через его объективность-для-меня является *сексуальным желанием*. Может быть, удивится, увидев упомянутым на уровне первичных установок, которые

выявляют просто наш первоначальный способ реализовать Бытие-для-Другого, феномен, который обычно относят к «психофизиологическим реакциям». В самом деле, для большинства психологов желание, как факт сознания, находится в тесной корреляции с природой наших сексуальных органов, и только в связи с углубленным исследованием последних они могут его понять. Но так как дифференцированная структура тела (млекопитающее, живородящее и т. д.) и, следовательно, особая структура половых органов (матка, каналы, яичники и т. д.) находятся в сфере абсолютной случайности и совсем не принадлежат к онтологии «сознания», то это, вероятно, касается также и сексуального желания.

Поскольку знание о половых органах является случайной и особой информацией о нашем теле, то и желание, которое им соответствует, было бы случайной модальностью нашей психической жизни, то есть оно может быть описано только на уровне эмпирической психологии, опирающейся на биологию. Именно это достаточно ясно показывает термин «*половой инстинкт*», который сохраняют за желанием и всеми психическими структурами, связанными с ним.

Это понятие инстинкта всегда в действительности обозначает случайные образования психической жизни, которые имеют двойной характер: они соизмеримы со всей длительностью этой жизни или, во всяком случае, не происходят из нашей «истории» и вместе с тем не могут быть дедуцированы, исходя из самой сущности психики. Как раз поэтому экзистенциальные философы не думали, что должны заниматься сексуальностью. Хайдеггер, в частности, не делает никакого на нее намека в своей экзистенциальной аналитике, так что его «*Dasein*» кажется нам бесполом. И, без сомнения, можно полагать, что разделение на «мужское» или «женское» как раз является случайностью для «человеческой реальности»; можно также сказать, что проблема полового различия ничего общего не имеет с проблемой су-

существования (Existenz), поскольку мужчина, как и женщина, «существует» — ни больше ни меньше.

Эти основания не являются абсолютно убедительными. То, что половое различие — это сфера фактичности, мы, в крайнем случае, примем. Но должно ли это означать, что «Для-себя» обладает сексуальностью «случайно» через простую случайность иметь *такое-то* тело? Можем ли мы допустить, чтобы это громадное дело, которым является сексуальная жизнь, было бы лишь добавочным в человеческом существовании? На первый взгляд кажется, однако, что сексуальное желание и его противоположность — сексуальное отвращение являются фундаментальными структурами бытия-для-другого. Очевидно, что, если сексуальность имеет свой источник в *поле*, как физиологическом и случайном определении человека, она не может быть необходимой в бытии Для-Другого. Но не имеют ли права спросить: не является ли случайно это проблемой того же порядка, что и проблема, с которой мы встретились в связи с ощущениями и органами чувств? Человек, говорят, является сексуальным бытием, потому что он обладает полом. А если бы было наоборот? Если пол был бы только инструментом и *образом* фундаментальной сексуальности? Не обладает ли человек полом только потому, что он первоначально и фундаментально есть сексуальное бытие, как бытие, которое существует в мире в связи с другими людьми? Детская сексуальность предшествует физиологическому созреванию половых органов; евнухи не прекращают, тем не менее, испытывать сексуальное желание. Это относится и к старикам. Факт возможности *располагать* половым органом, способным оплодотворить и вызвать наслаждение, представляет только одну фазу и один аспект нашей сексуальной жизни. Существует модус сексуальности «с возможностью удовлетворения», и сформированный пол представляет и конкретизирует эту возможность.

Но существуют другие модусы сексуальности по типу неудовлетворенности, и, если учитывать эти модальности, нужно признать, что сексуальность, проявляясь с рождения, исчезает только со смертью. Никогда, впрочем, разбухание пениса или какой-либо другой физиологический феномен не могут ни объяснить, ни вызвать сексуального желания, так же как ни сужение сосудов, ни расширение зрачков (ни просто сознание этих физиологических изменений) не смогут объяснить или вызвать страх. Здесь, как и там, хотя тело и играет значительную роль, чтобы понять, нужно обратиться к бытию-в-мире и к бытию-для-другого; я желаю человеческого бытия — не бытия насекомого или моллюска, и я его желаю, поскольку он и я находимся в ситуации в мире, и он является Другим для меня, и я для него *Другой*. Основная проблема сексуальности может, следовательно, формулироваться таким образом: является ли сексуальность случайной акциденцией, связанной с нашей физиологической природой, или она необходимая структура бытия-для-себя-для-другого?

В силу того что вопрос может формулироваться в этих понятиях, для ответа на него нужно обратиться к онтологии. Более того, онтология может решить этот вопрос, только если постарается определить и фиксировать значение сексуального существования для Другого. Если обратиться к понятиям, с помощью которых мы описывали тело в предшествующей главе, быть сексуальным в действительности означает существовать сексуально для Другого, который сексуально существует для меня. Разумеется, этот Другой вначале *для меня*, как я для него, необязательно относится к *другому полу*, это лишь сексуальное бытие вообще. Рассматриваемое с точки зрения Для-себя это постижение сексуальности другого не может быть чисто незаинтересованным созерцанием его первичных или вторичных половых признаков. Другой не выступает *вначале* для меня сек-

суальным, потому что я заключаю по расположению его волосяного покрова, грубости рук и звука голоса, по его силе, что он относится к мужскому полу. Речь здесь идет о заключениях производных, которые относятся к первичному состоянию. Первичным восприятием сексуальности Другого, поскольку она переживается и испытывается, может быть только *желание*; именно желая Другого (равно как и открывая себя как неспособного его желать) или постигая его желание меня, я открываю его сексуальное-бытие; и желание открывает мне одновременно *мое* сексуальное-бытие и *его*, *мое* тело как пол и *его* тело. Итак, мы подошли к тому, чтобы решить вопрос о природе и онтологическом месте пола, к исследованию желания. Чем же является желание?

И прежде всего желание *чего?*

Нужно сразу отказаться от идеи, что желание является желанием наслаждения или желанием прекратить страдание. С позиций имманентности нельзя увидеть, как мог бы выйти из этого состояния субъект, чтобы «связать» свое желание с объектом. Всякая субъективистская и имманентная теория не в состоянии объяснить, что мы желали бы *определенную* женщину, а не просто нашего удовлетворения. Нужно, следовательно, определять желание его трансцендентным объектом. Во всяком случае, высказывание о том, что желание есть желание «физического обладания» объектом, было бы совершенно неточным, если под обладанием здесь понимают «предаваться любви». Несомненно, половой акт освобождает на время от желания, и, возможно, в определенных случаях он был бы ясно полагаем как исковое окончание желания, когда последнее, например, мучительно и тягостно. Но тогда нужно, чтобы желание было бы само объектом, который полагают, чтобы «устранить», и это как раз может произойти только посредством рефлексивного сознания.

Итак, желание является само по себе нерелексированным; оно не может, следовательно, полагаться как объект,

который нужно устранить. Только развратник представляет себе свое желание, делает его объектом, возбуждает его, приглушает, отсрочивает его удовлетворение и т. д. Но тогда, и это нужно отметить, как раз желание становится желаемым. Ошибка проистекает из того, что знали: половой акт устраняет желание. Следовательно, соединили знание с самим желанием и по причинам, внешним его сущности (зачатие, священный характер материнства, исключительная сила удовольствия, вызванная эякуляцией, символическая ценность полового акта), присоединили к нему извне наслаждение в качестве его нормального удовлетворения.

Таким образом, средний человек не может из-за лени и конформизма ума понять другую цель своего желания, чем эякуляция. Именно это позволило понять желание как инстинкт, начало и цель которого являются строго физиологическими, поскольку у мужчины, например, его причиной была бы эрекция и конечной целью — эякуляция. Но желание вовсе не предполагает себя посредством полового акта, оно не полагает его тематически, оно даже не намечает его, как это видно, когда речь идет о желании у детей или взрослых, которые не знают «техники» любви. Подобно этому, желание не является вовсе желанием особой любовной практики; именно это в достаточной степени доказывает различие указанных практик, которые варьируются в социальных группах. Как правило, желание не является желанием *делать*. «Дело» включается после, присоединяется извне к желанию и необходимо связано с обучением; существует любовная техника, которая имеет свои собственные цели и средства. Желание, не способное, однако, ни полагать своего прекращения как высшую цель, ни избирать для последней цели особое действие, есть просто-напросто желание трансцендентного объекта.

Но на какой объект направлено желание? Скажут ли, что желание есть желание *тела*? В определенном смысле это-

го нельзя отрицать. Но следует разобраться. Конечно, тело волнует: рука или предполагаемая грудь, может быть, ножка. Однако, разумеется, видеть сначала, что мы всегда будем желать руки или открытой груди только на фоне присутствия всего тела как органической целостности. Само тело, как целостность, может быть скрыто: я могу видеть только обнаженную руку. Но оно здесь; оно есть то, исходя из чего я постигаю руку как руку; оно так же присутствует, так же присуще руке, которую я вижу, как арабески ковра, скрытые ножками стола, присущи и присутствуют в арабесках, которые я вижу. И мое желание не заблуждается. Оно обращается не к сумме физиологических элементов, но к целостной форме, точнее, к форме *в ситуации*. Установка делает много, чтобы вызвать желание.

Итак, установка дает окружение и, в конце концов, мир. Но мы сразу оказываемся антиподами простого физиологического импульса; желание полагает мир и желает тело, исходя из мира, и прекрасную ручку, исходя из тела. Из этого следует точно такой же ход, который мы описали в предыдущей главе и которым мы постигали тело Другого, исходя из его ситуации в мире. Это, впрочем, не может удивить, потому что желание есть не что иное, как одна из больших форм, которую может принять открытие тела другого. Но как раз поэтому мы не будем желать тела как просто материального объекта; просто материальный объект в самом деле не находится *в ситуации*. Эта органическая целостность, которая непосредственно представлена в желании, желаемая, поскольку она открывает не только жизнь, но еще и подходящее сознание. Во всяком случае, это бытие-в-ситуации Другого, которое открывает желание, является типом полностью первоначальным.

Рассматриваемое сознание, впрочем, есть только *свойство* желаемого объекта, то есть не что иное, как смысл течения объектов мира, поскольку как раз это течение окруже-

но, локализовано и составляет часть *моего* мира. Конечно, можно желать спящую женщину, но именно в той степени, в какой ее сон появляется на фоне сознания. Сознание, стало быть, остается всегда на горизонте желаемого тела; оно порождает его *смысл* и его единство. Живое тело как органическая целостность в ситуации с сознанием на горизонте — таков объект, к которому *обращается* желание. И чего желание хочет от объекта? Мы не можем этого определить, не ответив предварительно на вопрос: кто есть тот, который желает?

Вне всякого сомнения, тот, кто желает, — это я, и желание является особым модусом моей субъективности. Желание есть сознание, поскольку оно может быть только как предполагающее сознание о самом себе. Во всяком случае, нельзя думать, что желающее сознание не отличается от познающего сознания, например в отношении природы своего объекта. Выбрать себя как желание Для-себя — не значит произвести желание, оставаясь индифферентным и неизменным, как причина стойков вызывает свое следствие; это значит направиться в определенную плоскость существования, которая не является той же самой, например, как то Для-себя, которое избирается в качестве метафизического бытия. Всякое сознание поддерживает определенное отношение с собственной фактичностью. Но это отношение может варьироваться от одного модуса сознания к другому. Фактичность болезненного сознания, например, есть фактичность, открываемая в постоянном бегстве. Так не происходит с фактичностью желания. Человек, который желает, *существует* своим телом по особому способу, и в силу этого он размещается на особом уровне существования. В самом деле, каждый согласится с тем, что желание не является только *хотением*, ясным и прозрачным *хотением*, которое через наше тело имеет в виду определенного объекта. Желание определяется как *мутное*. И это выражение «мутное» позволит нам луч-

ше определить его природу; мутной воде противопоставляют — прозрачную, мутному взгляду — ясный. Мутная вода есть всегда вода; она сохраняет текучесть и существенные свои свойства; но ее прозрачность «замутнена» непостижимым присутствием, которое составляет с ней тело, находящееся везде и нигде, и которое дается как липкость воды через нее саму. Конечно, замутненность ее можно объяснить присутствием твердых и мелких частичек, содержащихся в жидкости, но это — объяснение *ученого*. Наше первоначальное постижение мутной воды выявляет нам ее как измененную через присутствие *чего-то* невидимого, которое не отличается от нее самой и обнаруживается как чистое фактическое сопротивление. Если желающее сознание является *мутным*, значит оно аналогично мутной воде.

Чтобы уточнить эту аналогию, следует сравнить сексуальное желание с другой формой желания, например с голодом. Голод, как и сексуальное желание, предполагает определенное состояние тела, для которого характерно обеднение крови, обильное выделение слюны, постоянные спазмы и т. д. Эти различные явления описаны и классифицированы с точки зрения Другого. Они обнаруживаются Для-себя как чистая фактичность. Но эта фактичность *не компрометирует* саму природу Для-себя, так как Для-себя пропускает ее непосредственно к своим возможностям, то есть к определенному состоянию удовлетворенного-голода, о котором мы говорили во второй части, что оно было В-себе-для-себя голода. Таким образом, голод является чистым возвышением телесной фактичности, и в той степени, в какой Для-себя имеет сознание этой фактичности в нететической форме, это означает непосредственно возвышенную фактичность, о которой оно имеет сознание. Тело является также здесь *прошлым*, возвышенным *из-прошлого* (*de-passe*).

В сексуальном желании, конечно, можно найти эту структуру, общую всем желаниям: состояние тела. Другой

может отметить различные физиологические изменения (эрекцию пениса, набухание сосков груди, изменение кровообращения, повышение температуры и т. д.). И желающее сознание существует этой фактичностью; именно *исходя из нее*, а лучше сказать — *через* нее, тело желает появиться как желаемое. Во всяком случае, если мы ограничимся таким его описанием, сексуальное желание появилось бы как *резкое и ясное желание*, сравнимое с желанием есть и пить. Оно было бы чистым бегством от фактичности к другим возможностям. А ведь каждый знает, что сексуальное желание от других желаний отделяет пропасть. Есть известное выражение: «Заниматься любовью с красивой женщиной, когда ее желаешь, — то же самое, что выпить стакан холодной воды, когда хочешь пить».

Это выражение неудовлетворительно с разумной точки зрения и даже возмутительно. Как раз женщину не желают, если полностью удерживаются вне желания, желание меня *компрометирует*; я — сообщник своего желания. Или, скорее, желание попадает полностью в сообщничество с телом. Стоит только каждому вспомнить свой опыт. Известно, что в сексуальном желании сознание тяжелеет; кажется, что ты поглощаешься фактичностью, что перестаешь бежать от нее и переходишь к *пассивному* согласию с желанием. В другие моменты кажется, что фактичность охватывает сознание в самом своем бегстве и делает его непрозрачным для самого себя. Это — как клейкое *фактическое* возбуждение.

Таким образом, выражения, которые используют для обозначения желания, достаточно отмечают его специфику. Говорят, что оно *охватило вас, переполнило вас, унесло вас*. Можно ли использовать те же самые слова для обозначения голода? Говорят ли о голоде, что он «переполнил»? Это имело бы смысл по крайней мере только в отношении впечатлений о пустоте. Напротив, самое слабое желание уже переполняет. Его нельзя держать на расстоянии как голод и

«думать о другой вещи», сохраняя как раз в качестве знака тело-фона недифференцированную тональность нететического сознания, которое было бы желанием. Но *желание есть согласие с желанием*. Сознание, потяжелевшее и замирающее, проскальзывает к истоме, сравнимой со сном. Каждый, впрочем, мог наблюдать появление желания у другого; внезапно человек, который объят желанием, входит в состояние тяжелого и пугающего спокойствия; его глаза замирают и кажутся полузакрытыми; движения несут на себе печать тяжеловатой и клейкой сладости; многие выглядят засыпающими. И когда кто-то «борется с желанием», он как раз сопротивляется истоме. Если сопротивление успешно, желание, перед тем как исчезнуть, становится полностью резким и ясным, подобно голоду; потом наступит «пробуждение»; начинают чувствовать прояснение, но с тяжелой головой и бьющимся сердцем. Естественно, все эти описания неадекватны; они характеризуют скорее способ, которым мы интерпретируем желание. Однако они указывают на первичный факт желания; в желании сознание выбирает существование своей фактичностью в другой плоскости. Оно не бежит больше от нее, оно пытается подчиниться своей собственной случайности, поскольку оно постигает другое тело, то есть другую случайность как желаемую.

В этом смысле желание является не только раскрытием тела другого, но открытием моего собственного тела. И это не потому, что тело есть *инструмент* или *точка зрения*, но потому, что оно есть чистая фактичность, то есть простая случайная форма необходимости моей случайности. Я *чувствую* свою кожу, и свои мускулы, и свое дыхание, и я их чувствую не с тем, чтобы трансцендировать к чему-то, как в эмоции или аппетите, но как живое и инертное данное; не просто как гибкий и скромный инструмент моего действия на мир, но как *страсть*, посредством которой я включаюсь в мир и в опасность в мире. Для-себя *не есть* эта случай-

ность, оно продолжает в ней существовать, но подвергается головокружению от своего тела, или, если хотите, это головокружение есть как раз его способ существовать своим телом. Нететическое сознание позволяет идти к телу, *хочет быть* телом, и только им. В желании тело, вместо того чтобы быть только случайностью, которую пропускает Для-себя к свойственным ему возможностям, становится в то же время самой непосредственной возможностью Для-себя; желание не является только желанием тела другого; оно оказывается в единстве того же самого акта нететически переживаемым проектом увязнуть в теле; таким образом, последняя ступень желания может исчезнуть как последняя ступень согласия с телом. Именно в этом смысле желание может быть, как говорится, желанием тела для другого тела. Именно склонность к телу другого переживается как головокружение Для-себя перед своим собственным телом, а бытие, которое желают, и есть сознание, *делающееся телом*.

Но, если верно, что желание есть сознание, которое делается телом, чтобы присвоить тело другого, постигаемое как органическая целостность в ситуации с сознанием горизонта, каким является значение желания? То есть почему сознание делает себя или напрасно пытается делаться телом и что ожидает оно от объекта своего желания? Будет легко ответить, если подумать, что в желании я делаюсь плотью *в присутствии другого, чтобы присвоить плоть другого*. Это значит, что речь не идет только о том, чтобы охватить плечи другого, его стан или привлечь его тело к себе; необходимо еще постигнуть их этим особым инструментом, которым является тело, поскольку оно приклеивает сознание. В этом смысле, когда я охватываю эти плечи, можно не только сказать, что мое тело является средством, чтобы касаться плеч, но что плечи другого являются средством для меня, чтобы раскрыть мне свое тело в качестве очаровывающего откровения моей фактичности, то есть как плоть.

Желание является желанием присвоения тела, поскольку это присвоение открывает мне мое тело как плоть. Но и тело, которое я хочу присвоить себе, я хочу присвоить *как плоть*. Это значит, что оно не является вначале для меня; тело Другого предстает как синтетическая форма в действии; как мы видели, нельзя воспринимать тело Другого как чистую плоть, то есть в качестве изолированного объекта, имеющего с другими *этими* внешние отношения. Тело Другого первоначально находится в ситуации; плоть, напротив, появляется как *чистая случайность присутствия*. Она обычно скрывается посредством румян, одежды и т. д.; в особенности она скрывается посредством *движений*; ничего нет меньше «во плоти», чем танцовщица, даже если она обнажена.

Желание является попыткой освободить тело как от его движений, так и от одежд и заставить его существовать как чистую плоть; это попытка *воплощения* тела Другого. Именно в этом смысле ласки являются присвоением тела Другого; очевидно, что если ласки должны быть только легкими прикосновениями, касаниями, то не может быть связи между ними и сильным желанием, которое они намереваются реализовать; они будут оставаться на поверхности, как взгляды, и не позволяют мне *присвоить* Другого. Отсюда кажется обманчивым известное выражение «соприкосновение двух кожных покровов». Ласка не хочет простого *соприкосновения*; кажется, что мужчина один может свести ее к соприкосновению, и тогда ей будет не хватать собственного смысла. Как раз ласка не является просто прикосновением; она является *формированием*. Лаская другого, я порождаю его плоть моей лаской, моими пальцами. Ласка есть совокупность процедур, которая *воплощает* Другого.

Но, скажут, не был ли он уже воплощен? Как раз *нет*. Плоть другого не существовала определенно для меня, поскольку я постигал тело Другого в ситуации; она не суще-

ствовала также для него, потому что он ее трансцендировал к своим возможностям и к объекту. Ласка порождает Другого как плоть для меня и для него самого. А под плотью мы понимаем не *часть* тела, например кожу, соединительную ткань, или, точнее, кожный покров; речь не идет также обязательно о теле «в покое» или спящем, хотя при этом часто таким образом лучше открывают его плоть. Но ласка открывает плоть, освобождая тело от его действия, распыляя его возможности, которые его окружают; она имеет целью открыть в действии след неподвижности, то есть чистое «бытие-здесь», которое его поддерживает; например, *беря и лаская* руку Другого, я открываю при *схватывании*, что она является *первоначально* объемом той плоти, которая может быть взята; и, подобно этому, мой взгляд ласкает, когда он открывает при прыжках, проделываемых ножками танцовщицы, округлый объем бедер.

Таким образом, ласка совсем не отличается от желания. Ласкать глазами или желать — это одно и то же; *желание выражается лаской, как мысль — языком*. И именно ласка открывает плоть Другого мне и *другому*. Но она открывает эту плоть особым способом; захватывая Другого и открывая ему в достаточной степени его неподвижность и пассивность трансцендируемой-трансцендентности; но это еще не значит его ласкать. В ласке не мое тело как синтетическая форма в действии ласкает Другого, а мое тело из плоти порождает плоть Другого. Ласкают, чтобы через удовольствие породить тело Другого для него и для меня самого как *затрагиваемую* пассивность в той степени, в какой мое тело делается плотью, чтобы его затронуть в его собственной пассивности, то есть скорее, лаская себя в нем, чем лаская его. Поэтому любовные жесты выражаются в истоме, о которой можно было бы сказать, что она почти искусственная. Речь идет не только о том, чтобы *брать* одну часть тела у другого, сколько о том, чтобы *нести* свое тело к телу дру-

гого. Не столько о том, чтобы подталкивать или трогать в активном смысле, но о том, чтобы *помещать рядом*. Кажется, что я *несу* свою руку как неодушевленный объект и что я *кладу* ее на талию желаемой женщины; мои пальцы, которыми я провожу по ее руке, оказываются бездеятельными в конце моей руки. Следовательно, открытие плоти Другого происходит через мою собственную плоть; в желании и в ласке, которая его выражает, я воплощаюсь, чтобы реализовать воплощение Другого; а ласка, *реализуя* воплощение Другого, открывает мне собственное воплощение, то есть я делаю себя плотью, чтобы увлечь Другого реализовать *для-себя* и *для-меня* его собственную плоть, и мои ласки порождают мою плоть, поскольку она является для другого *плотью, порождающей его плоть*; я вынуждаю другого вкусить мою плоть через его плоть, чтобы заставить его чувствовать себя плотью. И таким образом появляется истинное *обладание* как *двойное взаимное воплощение*. Следовательно, в желании существует попытка воплощения сознания (именно то, что мы только сейчас называли липкостью сознания или помутненным сознанием и т. д.), с тем чтобы реализовать воплощение Другого.

Остается определить, каким является *мотив* желания или, если хотите, его смысл. Если бы следовали за описаниями, которые мы здесь приводили, то давно уже поняли бы, что быть Для-себя — значит выбрать свой способ бытия на основе абсолютной случайности его бытия-здесь. Желание *вовсе не приходит*, следовательно, к сознанию, как тепло *приходит* к куску железа, когда я приближаю его к пламени. Сознание выбирает себе желание. Для этого, конечно, нужно, чтобы оно имело мотив. Я не могу желать не важно что, не важно когда. Но мы показали в первой части книги, что мотив создается исходя из прошлого и что сознание, *поворачиваясь* к нему, придает ему свой вес и свою ценность. Нет, следовательно, никакого различия между выбором мотива желания и смыслом возникновения (в трех эк-статиче-

ских измерениях длительности) сознания, делающего себя желающим. Это желание, подобно эмоциям или воображающей установке, или вообще всем установкам Для-себя, имеет значение, которое его конституирует и возвышает. Описание, которое мы только что предприняли, не представляло бы никакого интереса, если бы оно не привело нас к вопросу: *почему* сознание ничтожится в форме желания?

Одно или два предварительных замечания помогут нам ответить на этот вопрос. В первую очередь нужно отметить, что желающее сознание не желает своего объекта на фоне неизменного мира. Иначе говоря, речь здесь не идет о том, чтобы обнаружить желаемое как определенное «это» на фоне мира, которое сохраняло бы свои инструментальные отношения с нами и свою организацию в орудийных комплексах. С желанием здесь дело обстоит так же, как и с эмоцией. Эмоция не является постижением волнующего объекта в неизменном мире; но, так как она соответствует глобальному изменению сознания и его отношений к миру, она выражается через радикальное изменение мира. Подобным образом сексуальное желание является радикальной модификацией Для-себя, поскольку Для-себя делает себя существующим в другой плоскости бытия, оно по-другому определяет себя к существованию своим телом, склеивается своей фактичностью. Соответственно мир должен прийти в бытие новым для него способом: существует мир желания.

В самом деле, если мое тело более не ощущается как инструмент, который не может использоваться никаким инструментом, то есть в качестве синтетической организации моих действий в мире, если оно переживается как плоть, тогда оно существует как отсылка к моей плоти, которой я постигаю объекты в мире. Это значит, что я делаюсь пассивным по отношению к ним и что именно с точки зрения этой пассивности в ней и через нее они открываются мне (так как пассивность есть тело, а тело не перестает быть точкой зрения).

Объекты являются тогда трансцендентной совокупностью, которая открывает мне мое воплощение. Соприкосновение есть *ласка*, то есть мое восприятие не является использованием объекта и возвышением настоящего к цели; но воспринимать объект, исходя из установки желающего, — значит ласкать себя в нем. Таким образом, более, чем к форме объекта, и более, чем к его инструментальности, я чувствителен к его материи (шероховатая, гладкая, теплая, жирная, жесткая и т. д.), и я открываю в моем желающем восприятии нечто, являющееся *плотью* объектов. Моя рубашка задевает мою кожу, и я ее чувствую; будучи для меня обычно самой отдаленной, она становится непосредственно чувствуемой; тепло воздуха, дуновение ветра, солнечные лучи и т. д. — все присутствует определенным способом как находящееся для меня без расстояния и открывающее мою плоть своей плотью.

С этой точки зрения желание не является только склеиванием сознания его фактичностью; оно есть соответственно склеивание тела миром; и мир становится склеивающим; сознание увязает в теле, которое увязает в мире¹. Таким образом, идеал, который здесь предлагается, и есть бытие-в-середине-мира; Для-себя пытается реализовать бытие-в-середине-мира как конечный проект своего бытия-в-мире; поэтому сладострастие так часто связано со смертью, которая также является метаморфозой или «бытием-в-середине-мира»; известна, например, тема «псевдосмерти», так богато разработанная во всех литературах мира.

Но желание ни первоначально, ни главным образом не есть отношение к миру. Мир находится здесь только как

---

¹ Разумеется, здесь, как и везде, нужно учитывать коэффициент враждебности вещей. Эти объекты не являются только «ласкающими». В общей перспективе ласки они могут появляться также в качестве «антиласковых», то есть как грубость, какофония, жестокость; именно потому, что мы находимся в состоянии желания, они шокируют нас невыносимым образом. — *Примеч. авт.*

фон для явных отношений с Другим. Обычно именно в силу присутствия Другого мир открывается как мир желания. Побочно он может открыться таким в случае отсутствия такого-то другого или даже при отсутствии всякого другого. Но отсутствие есть конкретное экзистенциальное отношение Другого ко мне, которое появляется на первоначальной основе Бытия-для-Другого. Я могу, конечно, открывая свое тело в одиночестве, почувствовать себя внезапно как плоть, «подавить» желание и постигнуть мир как «подавляющий». Но это одинокое желание является призывом к определенному Другому или к присутствию неопределенного Другого. Я желаю себя открыть как плоть посредством другой плоти и для нее. Я пытаюсь околдовать Другого и вызвать его появление; и мир желания указывает в пустоте на другого, которого я зову. Таким образом, желание совсем не является физиологической акциденцией, зудом нашей плоти, который мы могли бы случайно фиксировать на плоти другого. Напротив, чтобы была моя плоть и плоть другого, нужно, чтобы сознание предварительно отлилось в форму желания. Это желание является первоначальным модусом отношений с другим, который конституирует Другого как желаемую плоть на фоне мира желания.

Сейчас мы можем объяснить глубокий смысл желания. В первичной реакции на взгляд Другого я себя в действительности конституирую как взгляд. Но, если я смотрю на взгляд, чтобы защитить себя от свободы Другого и трансцендировать ее как свободу, свобода и взгляд Другого исчезают; я вижу глаза, я вижу бытие-в-середине-мира. Отныне Другой меня избегает; я хотел бы воздействовать на его свободу, присвоить ее себе или, по крайней мере, заставить ее признать себя как свободу. Но эта свобода мертва, ее абсолютно больше нет в мире, где я встречаю Другого-объекта, так как ее характеристикой является быть трансцендирующей в мире. Конечно, я могу схватить Другого, задержать,

толкнуть его; я могу, если располагаю властью, принудить его к таким-то и таким-то действиям, к таким-то и таким-то речам; но все происходит так, как если бы я хотел овладеть человеком, который убежал бы, оставляя у меня в руках свое пальто. Это именно пальто, оболочка, которой я владею; я всегда буду владеть только телом, психическим объектом в середине мира; и хотя все действия этого тела могут интерпретироваться в понятиях свободы, я полностью утерял ключ к этой интерпретации; я могу воздействовать только на фактичность.

Если я сохранил *знание* о трансцендирующей свободе Другого, то это знание напрасно меня волнует, указывая на реальность, которая, по существу, находится вне моей досягаемости и открывает мне в каждый момент, что мне ее *недостаёт*, что все то, что я делаю, делается «вслепую» и получает свой смысл в другом месте, в сфере существования, из которой я исключен в принципе. Я могу заставить умолять о милости или просить извинения, но я никогда не буду знать, что эта покорность означает для свободы другого и в ней.

В то же время, впрочем, мое *знание* изменяется; я теряю точное понимание *рассматривающего-бытия* — как известно, единственный способ, которым я могу испытать свободу другого. Таким образом, я включаюсь в предприятие, смысл которого я забыл. Я заблудился перед лицом этого Другого, которого вижу и касаюсь и с которым не знаю больше, что делать. Это так же, как если бы я сохранил расплывчатое воспоминание об определенном *По ту сторону* того, что я вижу и чего касаюсь, по ту сторону которого я знаю, что оно есть именно то, что я хочу присвоить. Именно тогда я *формирую свое желание*. Желание есть действие колдовства. Так как я могу постигнуть Другого только в его объективной фактичности, проблема состоит в том, чтобы поймать его свободу в этой фактичности; необходимо сделать так,

чтобы она была «поймана» в ней, так же как говорят, что сливки берутся человеком, снимающим их с молока; подобным же образом и Для-себя Другого должно выходить на поверхность его тела, чтобы быть распростертым по всему его телу и чтобы, касаясь этого тела, я касался бы, наконец, свободной субъективности другого.

Здесь — истинный смысл слова «*владение*». Конечно, я хочу *владеть* телом Другого, но я хочу владеть им, поскольку оно само является «*владеемым*», то есть поскольку сознание Другого отождествляется с ним. Таков невозможный идеал желания: владеть трансцендентностью другого как чистой трансценденцией и тем не менее как *телом*; свести другого к простой *фактичности*, поскольку он тогда находится в середине моего мира, но сделать так, чтобы эта фактичность постоянно была бы аппрезентацией его ничтожащей трансцендентности.

Но, по правде говоря, фактичность Другого (его чистое бытие-здесь) не может быть дана моей интуиции без глубокого изменения моего собственного-бытия. Поскольку я возвышаю к моим возможностям личную фактичность, поскольку я существую своей фактичностью в порыве бегства, я возвышаю также фактичность Другого, впрочем, в качестве чистого *существования вещей*. В самом моем появлении я выявляю их в инструментальном существовании; их простое бытие маскируется посредством сложности указательных отсылок, которые конституируют их *удобство в обращении и инструментальность*. Взять ручку — значит уже возвысить мое здесь-бытие к возможности писать, но это значит также возвысить ручку как простое существующее к ее потенциальности и последнюю снова к определенным будущим существованиям, которыми являются «*слова-перед-тем-как-быть-написанными*» и, в конце концов, «*книга-перед-тем-как-быть-написанной*». Вот почему бытие существующих вещей завуалировано обычно их функцией. То же

самое относится к бытию Другого; если Другой появляется передо мной как слуга, как служащий, как чиновник или просто как прохожий, которого я должен обойти, или как этот голос, который раздается в соседней комнате и который я пытаюсь *понять* (или, наоборот, хочу забыть, так как он «мешает мне спать»), то от меня ускользает не только внемирская трансцендентность, но также его «бытие-здесь» как чистое случайное существование в середине мира. Поскольку я обращаюсь с ним как со слугой или как с письмоводителем, я его возвышаю до его потенциал-ностей (трансцендируемой-трансценденции, мертвым-возможностям) тем самым проектом, которым я возвышаю и ничтожу свою собственную фактичность. Если я хочу возвратиться к ее простому присутствию и ощутить ее *как присутствие*, необходимо, чтобы я попытался редуцировать себя к моей собственной фактичности. Всякое возвышение моего бытия-здесь является в действительности возвышением бытия-здесь Другого. И если мир находится вокруг меня как ситуация, которую я возвышаю к себе, тогда я постигаю Другого, исходя из *его ситуации*, то есть уже в качестве центра отношения. И конечно, желаемый Другой должен также быть постигаем в ситуации; именно эту женщину в *мире* — или *стоящую у стола*, или лежащую обнаженной на кровати, или сидящую *возле меня* — я желаю. Но если желание отступает от ситуации к бытию, которое находится в ситуации, то это происходит, *с тем* чтобы растворить ситуацию и разрушить отношения Другого в мире; желаемое движение, которое идет от «окрестностей» к желаемой личности, является изолирующим движением, которое разрушает окрестности и окружает рассматриваемую личность, чтобы выделить ее чистую фактичность. Но это возможно, только если каждый объект, который меня направляет к личности, застывает в своей чистой случайности в то же самое время, когда он мне на нее указывает; и, следовательно, это возвратное

движение к бытию Другого является возвратным движением ко мне как к чистому бытию-здесь.

Я разрушаю свои возможности, чтобы разрушить возможности мира и конституировать его в «мир желания», то есть в разрушающийся мир, теряющий свой смысл, где вещи выделяются как фрагменты чистой материи, как сырые качества. И так как Для-себя есть выбор, то это возможно, только если я себя проектирую, бросаю (*pro-jette*) к новой возможности — возможности быть «впитанным моим телом как чернила бюваром», возможности резюмироваться в своем чистом бытии-здесь. Этот проект, поскольку он не просто задумывается и полагается тематически, но переживается, то есть поскольку его реализация не отличается от его замысла, и есть тревога. Не стоит понимать предшествующие описания, как если бы я решительно привел себя в состояние тревоги с намерением найти чистое «бытие-здесь» Другого. Желание является переживаемым проектом, который не предполагает никакого предварительного размышления, но который несет в себе самом свой смысл и свою интерпретацию. В то время как я бросаю себя к фактивности Другого, в то время как я хочу устранить его действия и его функции, чтобы достигнуть его во плоти, я воплощаюсь сам, так как я не могу ни хотеть, ни даже понимать воплощение другого, если оно не происходит в моем воплощении и через него; и даже проект в пустоте желания (когда рассеянно «раздевают женщину взглядом») является проектом в пустоте тревоги, так как я желаю только с тревогой, я раздеваю другого, только раздеваясь сам, я намечаю, набрасываю плоть Другого, только намечая свою собственную плоть.

Но мое *воплощение* не есть только предварительное условие появления Другого *в моих глазах* как плоти. Моей целью является воплотиться *в его собственных глазах* как плоть; необходимо, чтобы я увлек его на почву чистой фак-

тичности; чтобы он свелся к тому, чтобы быть для самого себя только плотью. Таким образом, я был бы спокоен относительно постоянных возможностей трансцендентности, которая может в каждый момент трансцендировать меня со всех сторон; она *не будет больше только* этим; она останется включенной в границы объекта; кроме того, сам этот факт говорит, что я смогу ее касаться, щупать, владеть ею.

Следовательно, еще один смысл моего воплощения, то есть моей тревоги, тот, что она является околдовывающим языком. Я делаю себя плотью, чтобы очаровать Другого своей наготой и вызвать в нем желание моей плоти, как раз потому, что это желание будет не чем иным в Другом, как только воплощением, подобным моему. Таким образом, желание является приглашением к желанию. Только моя плоть может найти дорогу к плоти другого, и я несу мою плоть к его плоти, чтобы возбудить ее в ее значении плоти. В ласке я скольжу медленно своей инертной рукой по талии Другого, я заставляю его ощутить мою плоть, и это он может сделать, лишь проявляя сам себя инертным; дрожь удовольствия, которая пробегает по нему тогда, как раз и является пробуждением его сознания плоти.

Взять мою руку, отстранить или сжать ее — значит вновь стать телом в действии; но это сразу же означает заставить исчезнуть мою руку как плоть. Позволить ей незаметно скользить по всему своему телу, свести ее к нежному касанию, почти лишенному смысла, к чистому существованию, к чистой материи, немного шелковистой, немного мягкой, немного жесткой, — это значит самому себе отказать от того, чтобы быть тем, кто устанавливает ориентиры и развертывает расстояния, значит сделаться чистой слизистой оболочкой. В этот момент реализуется общность желания; каждое сознание, воплощаясь, реализовало воплощение другого, каждая тревога породила тревогу другого и увеличилась на столько же.

Каждой лаской я чувствую свою собственную плоть и плоть другого через мою плоть и сознаю, что эта плоть, которую я чувствую и присваиваю своей плотью, является плотью-прочувствованной-другим. И не случайно, что желание, имеющее в виду все тело, достигает его особенно через массы плоти менее дифференцированные, более грубо пронизанные нервами, менее способными к спонтанному движению — через груди, ягодицы, бедра, живот; они выступают в качестве образа чистой фактичности. Поэтому подлинная ласка есть соприкосновение двух тел в частях наиболее чувственных, соприкосновение животов и грудей; рука, которая ласкает, несмотря ни на что, слишком развязана, слишком близка к совершенному орудию. Но расцвет плоти одной рядом с другой, одной через другую есть подлинная цель желания.

Во всяком случае, само желание обречено на неудачу. Мы видели, что половой акт, который обычно его заканчивает, не является его собственной целью. Конечно, многие элементы нашей сексуальной структуры являются необходимым проявлением природы желания. В особенности эрекция пениса и клитора: она есть в действительности не что иное, как утверждение плоти плотью. Однако абсолютно необходимо, чтобы она не возникала *сознательно*, то есть чтобы мы не могли ее использовать как инструмент, но чтобы речь шла, напротив, о феномене биологическом и автономном, с его произвольным и самостоятельным развитием, которое означало бы увязание сознания в теле.

Нужно хорошо понять, что никакой подвижный, хватательный орган, соединенный с плоскими мышцами, не может быть половым органом, *полом*; половой орган, если он должен возникнуть в качестве органа, может быть только проявлением вегетативной жизни. Но, если мы в самом деле обнаружим, что *существуют* половые органы и *таким образом половые органы*, то вновь столкнемся со случайностью.

В частности, проникновение мужского полового органа в женский, хотя и соответствует тому радикальному воплощению, которым стремится быть желание, остается совершенно случайной модальностью нашей сексуальной жизни (обратите внимание на органическую пассивность полового органа в совокуплении; все тело движется вперед и назад, оно продвигает вперед половой орган или извлекает его; именно руки помогают введению пениса; сам пенис является инструментом, которым манипулируют, который вводят и извлекают, который используют; подобным образом раскрытие и смыкание влагалища не могут быть осуществлены сознательно).

Собственно, простой случайностью оказывается также и сексуальное наслаждение. По правде говоря, является нормальным, что увязание сознания в теле имеет свое завершение, то есть вид особого экстаза, в котором сознание является лишь сознанием тела- и, следовательно, рефлексивным сознанием телесности. Удовольствие, в действительности, как и очень живая боль, мотивирует появление рефлексивного сознания, которое есть *«внимание к удовольствию»*. Только удовольствие оказывается смертью и поражением желания. Оно есть смерть желания, поскольку оно не является только его завершением, но его границей и целью. Впрочем, это только органическая случайность. Оно *возникает* как воплощение, проявляется эрекцией и как эрекция прекращается эякуляцией. Но, кроме того, удовольствие является шлюзом желания, потому что оно мотивирует появление рефлексивного сознания удовольствия, объектом которого становится наслаждение, иными словами, оказывается *вниманием к воплощению рефлексивного Для-себя* и сразу же забвением воплощения другого.

Все это больше не принадлежит к сфере случайного. Несомненно, остается случайным, что переход к очарованной рефлексии совершается в силу особого модуса воплощения,

которое есть удовольствие; к тому же существует множество случаев перехода к рефлексивному без вмешательства удовольствия; но постоянной опасностью желания, поскольку оно есть попытка воплощения, является то, что сознание, воплощаясь, теряет из виду воплощение Другого и что его собственное воплощение поглощает его, становясь окончательной целью. В этом случае удовольствие ласкать преобразуется в удовольствие быть ласкаемым; чего требует Для-себя, и есть то, чтобы чувствовать, как его тело расширяется в нем до тошноты. Соприкосновение сразу же прекращается, и желанию не хватает его цели. Часто даже случается, что это поражение желания мотивирует переход к мазохизму, то есть сознание, постигая себя в фактичности, требует быть постигнутым и трансцендируемым как тело-для-другого посредством сознания Другого; в этом случае исчезает Другой-объект и появляется Другой-взгляд, и мое сознание оказывается сознанием, изнемогающим в своей плоти под взглядом Другого.

Но и, наоборот, желание является источником собственного поражения, поскольку оно есть желание *брать* и *присваивать*. Недостаточно, таким образом, чтобы тревога породила воплощение Другого; желание является желанием присвоения этого воплощенного сознания. Стало быть, оно продолжается, разумеется, уже не *ласками*, но действиями схватывания и проникновения. Ласка имеет целью только насытить, пропитать сознанием и свободой тело другого. Сейчас это насыщенное тело нужно взять, захватить, войти в него. Но от одного того факта, что я пытаюсь сейчас схватить, тащить, держать, кусать, мое тело перестает быть плотью; оно снова становится синтетическим инструментом, *каким я есть*; другой тут же перестает быть воплощением; он опять становится инструментом в середине мира, который я постигаю, исходя из его ситуации. Его сознание, которое расцвело на поверхности его плоти и которое я пытал-

ся *вкусить* (gouter) моей плотью, исчезло под моим взглядом; остается лишь *объект* с образами-объектами внутри него. В то же время моя тревога исчезла; это не значит, что я перестал желать, но желание потеряло свою материю; оно стало *абстрактным*; оно является желанием держать в руках и брать; я упорствую, чтобы брать, но само мое упорство приводит к исчезновению моего воплощения; теперь я снова возвышаю свое тело к своим собственным возможностям (здесь — возможность брать), также и тело Другого, возвышенное к своим потенциальностям, переходит из ранга *плоти* в ранг чистого объекта. Эта ситуация предполагает разрыв взаимности воплощения, что и было как раз собственной целью желания; Другой может остаться тревожным; он может оставаться *для себя* плотью, и я это могу понять; но эту плоть я не постигаю больше как мою плоть, эта плоть является лишь *собственностью* Другого-объекта, а не воплощением Другого-сознания.

Таким образом, я есть *тело* (синтетическая целостность в ситуации) перед *плотью*. Я нахожусь почти в ситуации, из которой пытаюсь как раз выйти посредством желания, то есть стремлюсь использовать Другого-объекта, чтобы требовать от него отчета о его трансцендентности, и, поскольку он *полностью* объект, он уходит от меня со *всей* трансцендентностью. Я сам снова потерял четкое понимание того, что ищу, однако я вовлечен в поиск. Я беру и открываюсь в готовности взять, но то, что я беру в свои руки, оказывается *другой вещью*, чем то, что я хотел бы взять; я это чувствую и страдаю от этого, но не способен сказать о том, что я хотел бы взять, так как с тревогой от меня ускользает само понимание моего желания; я, как спящий, который, просыпаясь, нашел бы себя судорожно вцепившимся в край кровати, не вспоминая о кошмаре, который вызвал подобное действие. Это и есть ситуация, которая лежит в основе *садизма*.

Садизм есть страсть, холодность и ожесточение. Он является ожесточением, поскольку это состояние Для-себя, которое постигает себя как вовлеченное, не понимая, *во что* оно вовлечено, и которое упорствует в своем вовлечении, не имея ни ясного сознания предполагаемой цели, ни точного воспоминания о ценности, которую оно приписывает этому вовлечению. Он оказывается холодностью, поскольку появляется, когда желание очищено от тревоги. Садист постигает вновь свое тело как синтетическую целостность и центр действия; он находится в постоянном бегстве от своей фактичности, испытывает себя перед другим как чистая трансцендентность; *для него* отвратительна тревога, он считает ее унижительной; возможно также, что он просто-напросто не может *реализовать* ее в себе. В той степени, в какой он бесстрастно ожесточается, в какой он одновременно и ожесточение, и кланнокровие, он человек бурных страстей. Его целью, подобно цели желания, является захват и порабощение Другого не только в качестве Другого-объекта, но как чистой воплощенной трансцендентности. Но в садизме акцент переносится на инструментальное присвоение воплощенного-Другого. Этот «момент» садизма в сексуальности и есть момент, когда воплощенное Для-себя возвышает свое воплощение, чтобы присвоить воплощение Другого.

Таким образом, садизм есть одновременно отказ воплощаться, бегство от всякой фактичности и вместе с тем стремление овладеть фактичностью другого. Но так как он не может и не хочет реализовать воплощение другого собственным воплощением, так как в силу самого этого факта он не имеет другого средства, кроме обращения Другого в объект-орудие, он стремится использовать тело Другого в качестве орудия, чтобы реализовать в Другом воплощенное

существование. Садизм есть стремление воплотить Другого посредством насилия, и это воплощение «силой» должно быть уже присвоением и использованием другого. Садист, как желание, стремится лишить Другого его действий, скрывающих его. Он стремится открыть плоть под оболочкой действия. Но, вместо того чтобы Для-себя желание терялось в собственной плоти, дабы открыть Другому, что он есть плоть, садист отрицает свою плоть и в то же время располагает инструментами, чтобы силой открыть Другому свою плоть. Целью садизма является непосредственное присвоение. Но садизм не достигает цели, так как он наслаждается не только плотью другого, но в непосредственной связи с этой плотью своим невоплощением. Он *хочет* не взаимности сексуальных отношений; он наслаждается свободной и присваивающей силой перед плененной плотью свободой. Поэтому садизм хочет представить плоть *иначе* в сознании Другого: он хочет ее представить, обращаясь с Другим, как с инструментом; он ее предъявляет посредством боли. В самом деле, в боли фактичность охватывает сознание, и в конечном счете рефлексивное сознание очаровывается фактичностью нерелексированного сознания.

Следовательно, существует также воплощение через боль. Но в то же время боль доставляется *посредством инструментов*; тело мучающегося Для-себя является лишь инструментом, приносящим боль. Таким образом, Для-себя с самого начала может впасть в иллюзию инструментального владения свободой Другого, то есть провести ее в плоть, не переставая быть тем, кто *производит* плоть, охватывает ее, постигает и т. д.

Что касается типа воплощения, которое садизм хотел бы реализовать, то им является как раз то, что называют *Непристойным*. Непристойное является *видом* Бытия-для-Другого, который принадлежит к *роду* некрасивого. Но полностью некрасивое не есть непристойное. В *грации* тело появляется

как психическое в ситуации. Оно раскрывает прежде всего свою трансцендентность как трансцендируемую-трансцендентность; оно находится в действии и понимается исходя из ситуации и преследуемой цели. Каждое движение постигается, следовательно, в перцептивном процессе, который простирается от будущего к настоящему. В этом отношении грациозное действие имеет, с одной стороны, точность хорошо устроенного механизма, а с другой — полную непредвидимость психического, поскольку, как мы знаем, психическое является для другого *непредвидимым объектом*. Грациозное действие, стало быть, в каждый момент совершенно понятно, поскольку в нем рассматривают то, что *протекло*.

Точнее, эта протекшая часть действия выделяется посредством некоторого рода эстетической необходимости вследствие его совершенной адаптации. В то же время будущая цель проясняет действие в его целостности; но всякая будущая часть действия остается непредвидимой, хотя в самом теле в процессе действия чувствуют, что в то время, когда эта часть будет происходить, она появится как необходимая и адаптированная. Именно этот подвижный образ необходимости и свободы (как свойство Другого-объекта) конституирует, собственно говоря, грацию. Бергсон дал ей хорошее описание. В грации тело является инструментом, который обнаруживает свободу. Грациозное действие, поскольку оно открывает тело как точное орудие, дает ему в каждый момент оправдание его существования; *рука существует для того, чтобы брать, и вначале обнаруживает свое бытие-чтобы-брать*. Поскольку она понимается исходя из ситуации, которая требует взятия, она появляется как *требуемая* в своем бытии, она *вызывается*. Поскольку она обнаруживает свободу непредвидимостью своего жеста, она появляется в начале своего бытия; кажется, что она создает сама себя в оправдывающем зове ситуации. Грация передает, следовательно, объективный образ бытия, которое было бы *основанием самого себя для...*

Итак, фактичность наряжается и маскируется грацией; нагота тела полностью присутствует, но не может быть *видимой*. Отсюда высшим кокетством и высшим вызовом грации оказывается то, чтобы выставить раскрытое тело, не имея другой одежды, другого покрова, кроме самой грации. Самое грациозное тело — тело обнаженное, которое своими действиями окутывает себя невидимой одеждой, полностью скрывая свою плоть, хотя плоть целиком присутствует перед глазами зрителей. Напротив, неуклюжесть появляется, когда один из элементов грации нарушен при ее реализации. Движение может стать *механическим*. В этом случае тело всегда становится частью целого, которое его оправдывает, но как чистый инструмент; его трансцендируемая-трансцендентность исчезает, а с ней исчезает *ситуация* как боковая сверхдетерминация объектов-орудий *моего* универсума. Возможно также, что действия были бы негармоничные и насильственные; в таком случае исчезает именно адаптация к ситуации; ситуация остается, но тело проskalъзывает, как пустота, щель между ней и *Другим* в ситуации. В этом случае Другой остается свободным, но эта свобода постигается только как чистая *непредсказуемость* и похожа на *clapnet*¹ атомов у эпикурейцев, короче говоря, на индетерминизм. В то же время цель остается полагаемой, и мы всегда воспринимаем жест Другого исходя из будущего. Но дезадаптация влечет то следствие, что перцептивная интерпретация посредством будущего всегда оказывается слишком широкой или слишком узкой, это интерпретация *приблизительная*.

Следовательно, оправдание жеста и бытия Другого реализуется несовершенно; на границе неловкость неоправдываема; вся ее фактичность, которая была вовлечена в ситуа-

---

¹ От ἐκλίνασθαι — клонить, наклонять (*греч.*); спонтанное отклонение движения атомов от прямолинейного. — *Ред.*

цию, поглощается ею, течет к ней. Неловкость освобождает некстати свою фактичность и помещает ее внезапно под наше рассмотрение; здесь, где мы ожидаем постигнуть ключ ситуации, спонтанно выходящей из самой ситуации, мы внезапно встречаем неоправдываемую случайность неадаптированного присутствия; мы поставлены перед существованием одного существующего. Во всяком случае, если тело полностью в действии, фактичность не является еще плотью. *Непристойное* появляется, когда тело усваивает позы, которые полностью лишают его действий и открывают косность его плоти. Вид обнаженного тела сзади не является непристойным. Но некоторые походки при непроизвольно вихляющем заде — непристойны. В этом случае только ноги находятся в действии у шагающего, а зад кажется отделенной от него подушкой, которую ноги несут и покачивание которой является простым подчинением законам тяготения. Зад при этом не может быть оправдан ситуацией, он полностью разрушителен для всякой ситуации, поскольку наделен пассивностью вещи, и ноги несут его, как вещь. Он сразу же открывается как неоправдываемая фактичность, он есть «слишком» (*de trop*), как всякое случайное бытие. Он изолирован в теле, настоящим смыслом которого является ходьба; он обнажен, даже если какая-то материя его скрывает, так как больше не участвует в трансцендируемой-трансцендентности тела в действии; его движения покачивания, вместо того чтобы интерпретироваться исходя из будущего, интерпретируются и познаются исходя из прошлого, как физический факт.

Эти замечания, естественно, могут применяться к случаям, когда именно все тело становится плотью, или в случае какой-то вялости его жестов, которая не может интерпретироваться ситуацией, или в случае деформации его структуры (например, разрастанием жировых клеток), которая показывает нам сверхобильную фактичность по отношению к

действительному присутствию, требуемому ситуацией. И эта открываемая плоть особым образом непристойна, когда она раскрывается кому-то, кто не испытывает желания и *не возбуждает свое желание*. Особое рассогласование, дезадаптация, разрушающая ситуацию в то самое время, когда я ее постигаю, и показывающая мне плоть в ее расцветшей костности, как быстрое появление под тонкой одеждой жестов, которые ее одевают, в то время как я не испытываю к этой плоти желания, — вот что я назову непристойным.

Сейчас можно видеть смысл садистского требования: грация открывает свободу как свойство Другого-объекта и отсылает неявно, как это делают противоречия чувственного мира в случае платоновского воспоминания, к по ту сторону трансцендентности, о которой мы храним только смутное воспоминание и которую мы можем достигнуть, только радикально преобразовав наше бытие, то есть решительно принимая на себя бытие-для-Другого. В то же время она раскрывает и скрывает плоть Другого, или, если хотите, она ее раскрывает, чтобы тут же ее скрыть; плоть Другого недоступна в грации. Садист намерен разрушить грацию, чтобы *реально* конструировать иной синтез Другого; он хочет выявить плоть Другого; в своем появлении плоть будет разрушительна для грации, и фактичность поглотит объект-свободу Другого.

Это поглощение не является устранением; для садиста именно *свободный-Другой* обнаруживается как плоть; тождество *Другого-объекта* не нарушается этими превращениями; но отношения плоти к свободе перевернуты; в грации свобода содержала и скрывала фактичность; создаваясь в новом синтезе, как раз фактичность содержит и скрывает свободу. Садист намерен, стало быть, быстро выявить плоть Другого и посредством нее принуждать, то есть посредством не своей собственной плоти, но его тела как инструмента. Он намерен заставить Другого принимать установки и занимать

позиции, благодаря которым его тело появлялось бы в *непристойном* виде; таким образом, он пребывает в плоскости инструментального присвоения, поскольку он порождает плоть, действуя на Другого силой, и Другой становится инструментом в его руках.

Садист *управляет* телом Другого, давит на его плечи, чтобы склонить к земле, унижает его и т.д., и, с другой стороны, цель этого инструментального использования имманентна самому использованию; садист обращается с Другим как с инструментом, чтобы выявить его плоть. Садист является бытием, которое воспринимает Другого как инструмент, функцией которого является его собственное воплощение. Садистский идеал, следовательно, — это достижение момента, когда Другой будет уже плотью, не переставая быть инструментом, плотью, порождающей плоть, где ляжки, например, предлагаются уже в непристойной и расцветшей пассивности и являются инструментами, которыми пользуются, которые раздвигают, сгибают, чтобы выступили вперед ягодицы и чтобы их воплотить в свою очередь.

Но мы здесь не обманываемся; то, что садист ищет с таким ожесточением, что он хочет мять своими руками и сгибать под своим кулаком, и есть свобода Другого; она находится здесь, в этой плоти, именно она является этой плотью, поскольку есть фактичность Другого; именно ее, таким образом, садист стремится присвоить. Следовательно, усилие садиста направлено на то, чтобы поймать Другого в его плоти насильем и болью, присваивая тело Другого, обращаясь с плотью как порождающей плоть. Но это присвоение возвышает тело, которое присвоила плоть, так как она хочет им владеть, лишь поскольку она заманила к себе свободу Другого. Поэтому садист хочет явных доказательств этого порабощения плотью свободы Другого; он будет добиваться, чтобы просили прощения, вынуждать под пыткой и угрозой Другого к унижению, к отрицанию того, что у него есть самого дорогого.

Говорят, что это происходит из-за склонности к господству, из-за воли к власти. Но это объяснение расплывчатое или абсурдное. Как раз нужно объяснить сначала склонность к господству. И эта склонность не может быть предшествующей садизму как его основа, так как она возникает, как и садизм, в той же самой плоскости из-за беспокойства перед Другим. В действительности, если садисту нравится вырывать отречение пыткой, значит это в основе своей аналогично тому, что позволило интерпретировать смысл *Любви*. В самом деле, мы видели, что Любовь требует не упразднения свободы Другого, но ее порабощения как свободы, то есть ее порабощения ею же самой. Подобно этому, садизм стремится не подавить свободу того, кого он мучает, а заставить эту свободу свободно отождествиться с истязаемой плотью. Поэтому удовольствие к палачу приходит в тот момент, когда жертва унижена или отрицаема.

Действительно, каким бы ни было давление, оказываемое на жертву, отречение остается *свободным*; оно является спонтанным результатом, ответом на ситуацию; оно обнаруживает человеческую реальность; каким бы ни было сопротивление жертвы и как бы долго ни ожидали человеческую реальность, перед тем как она закричит о пощаде, ее могут, несмотря ни на что, ждать дольше, чем десять минут, минуту, секунду. Она *заявит* о моменте, когда страдание станет невыносимым. И доказательством этому служит то, что она будет жить своим отречением впоследствии, терзаясь угрызениями совести и стыдом. Таким образом, она полностью виновна. Но, с другой стороны, садист рассматривается в то же время как причина. Если жертва сопротивляется и отказывается просить пощады, игра становится только более прельщающей; если гайки закручиваются круче и делается дополнительный оборот, то сопротивления заканчиваются уступкой.

Садист ведет себя как «полностью располагающий всем временем». Он спокоен, он не спешит; он располагает своими инструментами; как техник, испытывает их один за другим; как слесарь, пробует различные ключи к замку; он наслаждается этой противоречивой и двусмысленной ситуацией; с одной стороны, он становится тем, кто терпеливо располагает внутри универсального детерминизма средства в виду цели, которая будет достигнута *автоматически*; как ключ, автоматически откроет замок, когда слесарь найдет «подходящий ключ»; с другой стороны, эта определенная цель может быть реализована только свободным и полным согласием Другого. Она до конца остается, следовательно, одновременно предвидимой и непредвидимой. Реализуемый объект является для садиста двусмысленным и противоречивым, без равновесия, поскольку он одновременно есть строгое следствие технического использования детерминизма и проявление безусловной свободы. И вид, открывающийся садисту, есть вид свободы, которая борется против разворачивания плоти и которая в конечном счете свободно выбирает стремление заполниться плотью. С момента отречения искомый результат достигнут; тело является полностью плотью, трепещущей и непристойной; оно сохраняет позицию, в которую палачи его поставили, не позицию, которую заняло бы оно само; веревки, связывающие его, удерживают его как неподвижную вещь, и тем самым оно перестает быть объектом, движущимся спонтанно. И именно с этим телом — здесь свобода стремится отождествиться через отречение; это обезображенное и стонущее тело является образом разбитой и поработанной свободы.

Приведенные замечания, конечно, не исчерпывают проблему садизма. Мы просто хотели показать, что в самом желании в зародыше кроется поражение желания; в самом деле, как только я стремлюсь *взять* тело Другого, которое я привел к воплощению посредством своего воплощения, я раз-

рываю взаимность воплощения, я возвышаю свое тело к его собственным возможностям и ориентируюсь на садизм. Таким образом, садизм и мазохизм являются двумя подводными камнями желания: или я возвышаю тревогу к присвоению плоти Другого, или, опьяненный своей тревогой, я обращаю внимание только на свою плоть и не требую больше ничего от Другого, кроме того, чтобы быть объектом его взгляда, который помогает мне реализовать мою плоть. Именно по причине указанной неустойчивости желания и его постоянного колебания между этими двумя подводными камнями обычно называют «нормальную» сексуальность «садо-мазохистской».

Во всяком случае, сам садизм как слепое безразличие и как желание усиливает принцип своего поражения. С самого начала существует глубокая несовместимость между восприятием тела как плоти и его инструментальным использованием. Если из плоти я делаю инструмент, она отсылает меня к другим инструментам и потенциальностям, короче говоря, к будущему; она частично оправдана *быть здесь* через ситуацию, которую я создал вокруг себя, как присутствие гвоздей и цинковки, которую нужно прибить гвоздями к стене, оправдывает существование молотка. Одновременно природа плоти, то есть неиспользуемой фактичности, уступает место природе вещи-орудия. Комплекс «плоть-орудие», который садист пытался создать, распадается.

Это глубокое распадение может быть скрыто, поскольку плоть является инструментом, открывающим плоть, так как подобным образом я конституировал орудие с имманентной целью. Но когда воплощение достигнуто, когда я несомненно имею перед собой изнемогающее тело, я больше не знаю, как *использовать* эту плоть; никакая цель не может больше ей быть предназначена, поскольку я как раз выявил ее абсолютную случайность. Она *находится здесь*, и она здесь есть *«ни для чего»*. В этом смысле я не могу ею овла-

деть, поскольку она является плотью; я не могу ее интегрировать в комплексную систему инструментальности, с тем чтобы тут же от меня не ускользнули ее материальность плоти, ее «воплощение». Я могу только оставаться озадаченным перед ней, в состоянии созерцательного удивления или, воплотившись со своей стороны, оказаться охваченным тревогой, чтобы поместить себя, по крайней мере, на почву, где плоть открывается плоти в своем полном воплощении. Следовательно, садизм в тот самый момент, когда его цель вот-вот будет достигнута, уступает место желанию. Садизм есть крах желания, а желание — крах садизма. Из круга можно выйти только посредством удовлетворения и так называемого «физического обладания». В последнем действительно дается новый синтез садизма и желания; набухание полового члена обнаруживает воплощение, факт «вхождения в...», или «проникновения», символически реализует попытку садистского и мазохистского овладения. Но если удовольствие позволяет выйти из круга, значит оно убивает сразу желание и садистскую страсть, не удовлетворяя их.

В то же время и совершенно в другой плоскости садизм содержит новый мотив поражения. В самом деле, он стремится овладеть трансцендентной свободой жертвы. Но как раз эта свобода остается в принципе недостижимой. И чем больше садист ожесточается, чтобы обратить Другого в инструмент, тем больше эта свобода от него ускользает. Он может действовать только на свободу как объективное свойство Другого-объекта, то есть на свободу в середине мира с ее мертвыми-возможностями. Но как раз его целью является восстановление своего бытия-для-другого; его ему не хватает в принципе, так как единственный Другой, с которым он имеет дело, и есть Другой в мире, у которого ожесточение садиста порождает только «образы в его голове».

Садист открывает свою ошибку, когда жертва *смотрит* на него, то есть когда он испытывает абсолютное отчуж-

дение своего бытия в свободе Другого; он осознает тогда не только то, что он не восстановил свое «внешнее-бытие», но еще то, что деятельность, посредством которой он стремился его восстановить, сама трансцендирована и затвердела в «садизме» как *внешний вид* и свойство с его вереницей мертвых-возможностей и что эта трансформация имеет место через и для Другого, которого он хотел поработить. Он открывает тогда, что не может действовать на свободу Другого, даже принуждая Другого унижаться и просить пощады, так как именно через абсолютную свободу и в свободе Другого мир приходит к существованию, где есть садист, и инструменты пытки, и множество предлогов, чтобы унижаться и отрицаться. Никто лучше не передал могущество взгляда жертвы на палачей, чем Фолкнер на последних страницах «Света в августе». «Порядочные люди» только что напали с остервенением на негра Кристмаса и кастрировали его. Кристмас агонизирует:

«Но человек на полу не пошевелился. Он тихо лежал, в открытых глазах его выразалось только то, что он в сознании, и лишь на губах затаилась какая-то тень. Долго смотрел он на них мирным, бездонным, невыносимым взглядом. Затем его лицо и тело словно осели, сломались внутри, а из брюк, располосованных на паху и бедрах, как вздох облегчения, вырвалась отворенная черная кровь... в черном этом взрыве человек словно взмыл, чтобы вечно реять в их памяти. В какие бы мирные долины ни привела их жизнь, к каким бы тихим берегам ни прибила старость, какие бы прошлые беды и новые надежды ни пришлось читать им в зеркальных обликах своих детей — этого лица им не забыть. *Оно пребудет с ними — задумчивое, спокойное, стойкое лицо, не тускнеющее с годами и не очень даже грозное, но само по себе безмятежное, торжествующее само по себе*¹.

---

¹ Курсив мой. — Примеч. авт.

Снова из города, чуть приглушенный стенами, долетел вопль сирены, взвился в невероятном крещендо и пропал за гранью слуха».

Таким образом, эта вспышка взгляда Другого в мире садиста ведет к уничтожению смысла и цели садизма. Садизм открывает, что *эту свободу здесь* он хотел бы поработить и в то же время он отдает себе отчет в тщетности своих усилий. Вот мы и еще раз отсылаемся от *бытия рассматривающего к бытию рассматриваемому*. Мы не выходим из этого круга.

Мы не хотели этими некоторыми заметками исчерпать ни вопрос о сексуальности, ни, в особенности, вопрос об установках в отношении Другого. Мы хотели просто отметить, что сексуальное отношение является первоначальным отношением к Другому. Само собой разумеется, что это отношение необходимо включает в себя первичную случайность бытия-для-другого и случайность нашей собственной фактичности. Но что оно с самого начала подчинено физиологической и эмпирической конституции, этого как раз мы не можем допустить. Раз «есть» тело и «существует» *Другой*, мы реагируем *желанием, Любовью* и другими производными установками, которые мы упоминали. Наша физиологическая структура лишь выражает символически и на почве абсолютной случайности постоянную возможность того, что мы должны принять ту или другую из этих установок. Таким образом, мы можем сказать, что Для-себя сексуально в своем появлении перед Другим и что посредством него сексуальность приходит в мир.

Мы не претендуем, конечно, на то, чтобы сводить установки по отношению к Другому к этим сексуальным установкам, которые мы только что описали. Если мы странно говорили о них, то это по двум причинам: вначале потому, что они являются основными и что в конечном счете все сложные действия людей в отношении друг друга

являются лишь обогащениями этих двух первоначальных установок (и третьей — ненависти, которую мы собираемся вскоре описать). Несомненно, что все конкретные действия (сотрудничество, борьба, соперничество, соревнование, ангажированность, покорность¹) бесконечно более трудны для описания, так как они зависят от исторической ситуации и конкретных особенностей каждого отношения Для-себя с Другим; но все они содержат в себе в качестве своего скелета сексуальные отношения. И это не по причине существования некоего «либидо», которое всюду присутствовало бы, но просто потому, что установки, которые мы описали, являются основными проектами, которыми Для-себя реализует свое бытие-для-другого и пытается трансцендировать эту фактическую ситуацию.

Здесь не место показывать, что жалость, восхищение, отвращение, зависть, признательность и т.д. могут содержать любовь и желание. Но это каждый сможет определить, обращаясь к собственному опыту, а также к эйдетической интуиции указанных различных сущностей. Это не означает, конечно, что названные различные установки являются простыми искусственными маскировками сексуальности. Нужно понять, что сексуальность включается в них как их основа, а они включают ее и превосходят подобно тому, как понятие круга включает и превосходит понятие сегмента, вращающегося вокруг одного из своих сохраняющих неподвижность концов. Эти установки-основания могут оставаться скрытыми, как скелет скрыт посредством облегающего его мяса; так обычно это и происходит; случайность тела, структура первоначального проекта, который есть я, история, которую я делаю историей, могут определить сексуальную установку, оставаясь обычно скрытыми внутри дейст-

---

¹ А также материнская любовь, жалость, доброта и т.д. — *Примеч. авт.*

вий более сложных; в частности, не часто желают явно Других «того же самого пола».

Но за моральными запретами и общественными табу остается первоначальная структура желания, по крайней мере в той особой форме тревоги, которую называют сексуальным отвращением. И нельзя понимать это постоянство сексуального проекта так, как если бы он должен был оставаться «в нас» в бессознательном состоянии. Проект Для-себя может существовать только в сознательной форме. Просто он существует интегрированным в единичную структуру, в которой он основывается. Именно это чувствовали психоаналитики, когда они делали из сексуальной эффективности «*tabula rasa*»¹, которая брала все свои определения из индивидуальной истории. Не нужно только думать, что сексуальность вначале является *неопределенной*; в действительности она содержит все свои определения с появлением Для-себя в мире, где «существуют» Другие. То, что является неопределенным, и то, что должно быть определено через историю каждого, есть тип отношения с Другим, в котором сексуальная установка (желание-любовь, мазохизм-садизм) будет обнаруживаться в своей явной чистоте.

---

¹ Чистая доска (*лат.*). — Ред.

Часть II

Симона де Бовуар

ОТНОШЕНИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

(отрывки из книги «Второй пол»)

Взаимоотношения полов совершенно необязательно свойственны человеческой природе

..Разделение особей на самцов и самок является фактом ни из чего не выводимым и случайным. Большинство философий приняли это разделение как данность, не пытаясь объяснить его. Известен платоновский миф: вначале были мужчины, женщины и андрогины, у каждого индивида было два лица, четыре руки, четыре ноги и два сросшихся тела; однажды они были разбиты надвое, «как разбивают надвое яйцо», и с тех пор каждая половина стремится найти вторую, недостающую половину — впоследствии боги решили, что от совокупления двух несхожих половин будут появляться новые человеческие существа. Но эта история ставит своей задачей объяснить только любовь — разделение полов сразу принимается как данность.

Не дает ему обоснования и Аристотель, ибо если любое действие требует взаимодействия материи и формы, обязательно, чтобы активное и пассивное начала распреде-

лялись по двум категориям гетерогенных индивидов. И таким образом, святой Фома Аквинский объявляет женщину существом «случайным» и тем самым утверждает — в мужской перспективе — случайный характер половой принадлежности.

Гегель в свою очередь изменил бы своему исступленному рационализму, если бы не попытался логически ее обосновать. Пол, согласно его учению, представляет собой опосредование, через которое субъект конкретно постигает себя как род. «Род в нем как напряжение, вызванное несоразмерностью его единичной действительности, становится стремлением достигнуть сочувствия в другом представителе того же рода, восполниться через соединение с ним и через это опосредствование сомкнуть род с собой и дать ему существование — это есть процесс совокупления». И немного ниже: «Процесс состоит в том, что, будучи в себе единым родом, одной и той же субъективной жизненностью, они и полагают это единство как таковое»¹. И затем Гегель заявляет, что для того, чтобы два пола могли сблизиться, предварительно необходима их дифференциация.

Но доказательство его неубедительно; слишком чувствуется здесь стремление во что бы то ни стало найти в любой операции три составляющие силлогизма. Выход особи за пределы своего «я» к виду, в результате которого особь и вид достигают подлинной реализации своей сущности, мог бы осуществиться и без третьего элемента, через непосредственное отношение родителя и ребенка — способ воспроизводства при этом может быть и неполовым. Или же отношение одного к другому может представлять собой отношение двух сходных особей, а различие тогда будет возникать за счет своеобразия особей одного типа, как это бывает у гермафродитов. Описание Гегеля раскрывает одно очень важ-

---

¹ Гегель. *Философия природы*, часть 3, § 369. — *Примеч. авт.*

ное значение половой принадлежности — но, как всегда, его ошибка в том, что из значения он делает объяснение.

Мужчины определяют пол и взаимоотношения полов в ходе половой деятельности подобно тому, как они придают смысл и значение всем исполняемым ими функциям, но все это совершенно необязательно свойственно человеческой природе. Мерло-Понти¹ в «Феноменологии восприятия» отмечает, что человеческое существование, или экзистенция, вынуждает нас пересмотреть понятия необходимости и случайности. «Существование, — пишет он, — не имеет случайных атрибутов, в нем нет содержания, от которого зависела бы его форма, оно не допускает в себе чистого факта, так как само является движением, которое несет в себе эти факты».

Это верно. Но верно также и то, что существуют условия, без которых сам факт существования представляется невозможным. Присутствие в мире неминуемо подразумевает определенное положение тела, позволяющее ему быть одновременно частью этого мира и точкой зрения на него, но при этом не требуется, чтобы тело обладало тем или иным особым строением. В работе «Бытие и ничто» Сартр спорит с утверждением Хайдеггера, что сам факт конечности обрекает реальность человеческого существования на смерть. Он устанавливает, что можно представить

---

¹ *Мерло-Понти Морис* (1908—1961) — французский философ, представитель феноменологии и экзистенциализма. Профессор философии в Коллеж де Франс, профессор детской психологии в Сорбонне. Испытал влияние идей гештальтпсихологии, Гуссерля, Хайдеггера, Сартра. Главные темы творчества Мерло-Понти — специфичность человеческого бытия как открытого диалога с миром; характер и механизмы «жизненной коммуникации» между сознанием, поведением человека и предметным миром; присутствие и конституирование в опыте экзистенции фундаментальных смыслообразующих структур и содержаний, организующих опыт как целостность и мир как конкретную ситуацию; способы феноменологического анализа и прочтения интенциональной жизни сознания и экзистенции и др. — *Ред.*

себе существование конечное и не ограниченное временем. Тем не менее, если бы в жизни человеческой не коренилась смерть, отношение человека к миру и к себе самому было бы совершенно иным, и тогда определение «человек смертен» представляется вовсе не эмпирической истиной; будущи бессмертным, живущий уже не был бы тем, что мы именуем человеком. Одна из основных характеристик его судьбы заключается в том, что движение его временной жизни образует позади и впереди себя бесконечность прошлого и будущего, — и понятие увековечения вида сопрягается с индивидуальной ограниченностью.

Таким образом, явление воспроизводства можно рассматривать как онтологически обоснованное. Но на этом следует остановиться, увековечение вида не влечет за собой дифференциации полов. Если эта дифференциация принимается существующими людьми — таким образом, что оказывает обратное действие и входит в конкретное определение существования, — пусть так оно и будет. Тем не менее, сознание без тела, или бессмертный человек, — вещь абсолютно невообразимая, тогда как общество, размножающееся путем партеногенеза или состоящее из гермафродитов, можно себе представить.

Точка зрения психоанализа

Психоанализ ушел далеко вперед по сравнению с психофизиологией, показав, что ни один фактор не может воздействовать на психическую жизнь, не наполнившись предварительно личностным содержанием; конкретно существует не тело-объект, описанное учеными, а тело, в котором живет субъект. Женщина является самкой в той мере, насколько она себя таковой ощущает. Есть, конечно, существенные с точки зрения биологии данные, которые не имеют отношения к проживаемой ситуации — так, строение яйце-

клетки с ней никак не связано. И наоборот, такой не имеющий большого биологического значения орган, как клитор, здесь начинает играть первостепенную роль. Женщину определяет не природа — она сама определяет себя, принимая в расчет природу в меру своей чувствительности.

В этой перспективе была выстроена целая система. И здесь мы не собираемся анализировать ее в целом, наша задача — определить ее вклад в изучение женщины. Критический разбор психоанализа вообще — дело крайне нелегкое. Как во всякой религии, будь то христианство или марксизм, в психоанализе, при всей жесткости основных понятий, мешает расплывчатость и неопределенность. То слова берутся в самом узком смысле — например, термин «фаллос» в точности обозначает отросток плоти, каким является мужской половой орган; то смысл их неопределенно расширяется и приобретает символическое значение — и тогда фаллос должен означать всю совокупность мужского характера и ситуации. Если критиковать букву доктрины, то психоаналитик в ответ станет утверждать, что дух ее остался непонятным; если признаешь ее дух, то тебя тут же призвуют следовать и ее букве. Доктрина, скажет он, значения не имеет, психоанализ — это метод; но успех метода подкреплен добросовестностью теоретика. Впрочем, где же и искать истинное лицо психоанализа, как не у самих психоаналитиков? Однако среди них, как и среди христиан или марксистов, существуют еретики; и не один психоаналитик заявлял, что «худшие враги психоанализа — это психоаналитики». Несмотря на схоластические усилия все прояснить, часто отдающие педантизмом, многие двусмысленности до сих пор остаются невыясненными.

Как заметили Сартр и Мерло-Понти, предложение «сексуальность сопряжена с существованием» может пониматься в двух совершенно разных смыслах; можно под этим подразумевать, что все происходящее с существующим челове-

ком имеет сексуальное значение или что любое сексуальное явление имеет экзистенциальный смысл. Между этими двумя утверждениями возможен компромисс, но обычно все ограничиваются тем, что смешивают одно с другим. Впрочем, стоит провести различие между «сексуальным» и «генитальным», как понятие «сексуальности» становится расплывчатым.

«Сексуальное у Фрейда означает внутреннюю способность высвобождения генитального», — говорит Дальбье. Но ничего нет туманнее идеи «способности», то есть возможного — одна лишь действительность дает неопровержимое доказательство возможности. Фрейд, не будучи философом, отказался дать философское обоснование своей системы; его ученики утверждают, что тем самым он уклоняется вообще от всякого метафизического подхода. Между тем, за каждым его утверждением стоит метафизический постулат: пользоваться его языком — значит принять определенную философию. Да этого требует уже само возникновение подобной путаницы, затрудняющей критический анализ.

Фрейда судьба женщины не слишком волновала. Ясно, что, описывая ее, он скопировал описание мужской судьбы, ограничившись изменением некоторых деталей. Еще до него сексолог Мараньон заявил: «Можно сказать, что, будучи дифференцированной энергией, либидо является силой мужского ощущения. То же самое мы скажем и об оргазме». По его мнению, женщины, достигающие оргазма, суть «мужеподобные» (*viriloides*) женщины; сексуальный порыв «односторонен», а женщина находится лишь на полпути¹. Фрейд до этого не доходит; он признает, что сексуальность у женщины развита так же, как и у мужчины; но он прак-

---

¹ Любопытно обнаружить эту теорию у Д.-Г. Лоуренса. В романе «Змий в павлиньих перьях» дон Чиприано старается, чтобы его любовница никогда не достигла оргазма: она должна вибрировать в унисон с мужчиной, а не самоутверждаться в удовольствии. — *Примеч. авт.*

тически не занимается ее непосредственным изучением. Он пишет: «Либи́до всегда — и закономерно по природе своей — есть мужская суть, независимо от того, встречается ли оно у мужчины или у женщины». Он отказывается полагать женское либи́до как нечто особенное — это либи́до представляется ему как сложное ответвление человеческого либи́до вообще. Последнее, считает он, вначале развивается одинаково у обоих полов: все дети проходят оральную фазу, привязывающую их к материнской груди, потом — анальную фазу и, наконец, достигают фазы генитальной; в этот момент происходит их дифференциация.

Фрейд пролил свет на один факт, значение которого до него недооценивалось: мужской эротизм окончательно локализуется в пенисе, тогда как у женщины существуют две различные эротические системы: одна — клиторическая, развивающаяся на инфантильной стадии, другая — вагинальная, достигающая расцвета после наступления половой зрелости. Когда мальчик приходит к генитальной фазе, его развитие закончено; ему предстоит перейти от аутоэротизма, при котором удовольствие направлено на его собственную субъективность, к гетероэротизму, который свяжет удовольствие с объектом, обычно с женщиной. Переход этот совершится в момент полового созревания через нарциссическую фазу — но, как и в детстве, сохранится преимущество пениса как эротического органа. Женщине тоже придется через нарциссизм объективировать на мужчину свое либи́до; но процесс этот будет намного сложнее, потому что от клиторического удовольствия ей надо будет перейти к удовольствию вагинальному. Для мужчины существует только один генитальный этап, тогда как у женщины их два, и она гораздо больше рискует не дойти до конца своей сексуальной эволюции, остаться на инфантильной стадии, что влечет за собой развитие невротозов.

Уже на аутоэротической стадии ребенок более или менее сильно тяготеет к объекту; мальчик привязывается к ма-

тери и хочет идентифицировать себя с отцом; стремление это вызывает у него страх, он боится, что в наказание отец может нанести ему увечье; из эдипова комплекса рождается комплекс кастрации. Под его воздействием развиваются агрессивные чувства по отношению к отцу, но одновременно происходит интериоризация его авторитета — так формируется «сверх-я», которое становится цензором инцестуальных тенденций. Тенденции эти вытесняются, комплекс ликвидируется, сын освобождается от отца, который на самом деле пребывает в нем в виде моральных установок. Чем более определенный характер имел эдипов комплекс, чем более категорично он преодолевался, тем сильнее «сверх-я».

Поначалу Фрейд совершенно аналогично описал историю девочки; потом женскую разновидность инфантильного комплекса он назвал комплексом Электры; но очевидно, что разновидность эта определяется не столько сама по себе, сколько исходя из мужского прообраза. Впрочем, он признает между ними одно очень важное различие: девочка вначале имеет привязанность к матери, тогда как мальчик никогда не испытывает сексуального влечения к отцу. Но в возрасте пяти лет она обнаруживает анатомическое различие между полами и реагирует на отсутствие пениса комплексом кастрации — она считает это увечьем и страдает от этого. Тогда ей приходится отказываться от своих «мужских» притязаний, она идентифицирует себя с матерью и пытается соблазнить отца. Комплекс кастрации и комплекс Электры взаимно друг друга усиливают; чувство фрустрации становится для девочки тем сильнее, чем больше, любя отца, она хочет ему уподобиться; и наоборот, сожаление усиливает любовь — через нежность она внушает отцу, что может компенсировать свою неполноценность.

По отношению к матери девочка испытывает чувство соперничества и враждебности. Потом у нее тоже формируется «сверх-я» и инцестуозные тенденции вытесняются;

но у нее «сверх-я» слабее: комплекс Электры выражен не столь отчетливо, как эдипов комплекс, так как первой возникла привязанность к матери; а поскольку отец сам был объектом этой осуждаемой им любви, запреты здесь имеют меньше силы, чем в случае с сыном-соперником. Мы видим, что в целом сексуальная драма, переживаемая девочкой при генитальном развитии, гораздо сложнее, чем у ее братьев: она может поддаться комплексу кастрации, если откажется от своей женственности и станет упорно желать обладать пенисом и идентифицировать себя в отношениях с отцом, В результате она останется на клиторической стадии, станет фригидной или обратится к однополой любви.

Два основных упрека, которые можно высказать в адрес этого описания, вызваны тем, что Фрейд скопировал его с мужского образца. Он предполагает, что женщина чувствует себя увечным мужчиной, но сама идея увечья уже включает в себя сравнение и оценку. Многие психоаналитики сегодня признают, что девочка сожалеет о пенисе, но при этом все же не предполагает, что ее лишили этого органа. К тому же это сожаление не столь универсально и не может быть порождено простым анатомическим сопоставлением. Множество девочек знакомятся с мужской конституцией лишь значительно позже, да и знакомятся лишь чисто зрительно. Мальчик знает свой пенис на живом опыте, что дает ему некоторое право им гордиться, но это не означает, что подобной гордости прямо соответствует униженность его сестер, ибо последним знаком лишь внешний вид мужского органа — этот отросток, этот хрупкий, длинный кусок плоти может быть им безразличен или даже внушать отвращение. Когда же у девочки появляется жажда обладания им, это бывает результатом предварительной оценки мужественности. Фрейд принимает эту жажду за нечто признанное, тогда как она требует обоснования. С другой стороны, без оригинального описания женского либидо понятие комплекса Электры остается очень расплывчатым. Уже у маль-

чиков наличие эдипова комплекса чисто генитального порядка — явление далеко не универсальное; но, за очень редким исключением, мы никак не можем признать, что отец является для дочери источником генитального возбуждения. Одна из серьезных проблем женского эротизма — это изоляция клиторического удовольствия: лишь только ко времени полового созревания, в связи с вагинальным эротизмом, развивается в женском теле определенное количество эrogenных зон.

Утверждение, будто у десятилетней девочки поцелуи и ласки отца обладают «внутренней способностью» высвобождать клиторическое удовольствие, в большинстве случаев не имеет никакого смысла. Если признать, что аффективный характер комплекса Электры весьма расплывчат, то встанет вопрос об аффективности вообще, и тогда становится очевидным, что фрейдизм не располагает методом, чтобы различить, чем аффективность отличается от сексуальности. Во всяком случае, обожествление отца происходит не от женского либидо — ведь влечение, которое мать вызывает у сына, не ведет к ее обожествлению; тот факт, что женское влечение направлено на высшее существо, придает этому влечению оригинальный характер; но девочка не конституирует свой объект — она его претерпевает. Верховенство отца — факт социального порядка, и Фрейду не дано было осознать это. Он сам признается, что выяснить, каким авторитетом в некий момент истории была предопределена победа отца над матерью, невозможно: по его мнению, такое решение было прогрессивным, но причины его неизвестны. «Здесь не может быть речи об отцовском авторитете, поскольку сам этот авторитет достался отцу в результате прогресса», — пишет он в своей последней работе¹.

Поняв недостаточность системы, выводящей все развитие человеческой жизни из одной только сексуальности,

---

¹ См.: «Моисей и его народ». — *Примеч. авт.*

Адлер отмежевался от Фрейда — он задался целью вернуть систему к целостной личности. Если Фрейд объясняет любые поступки человека его влечениями, то есть поиском удовольствия, то Адлер представляет человека преследующим определенные цели; на смену побуждению приходят мотивы, целеполагание, планы. Он отводит такое большое место интеллекту, что зачастую сексуальное у него приобретает лишь чисто символическое значение. Согласно его теориям, человеческая драма распадается на три момента: у каждого индивида есть стремление к могуществу, но сопровождается оно комплексом неполноценности; в результате этого конфликта человек прибегает к тысяче уловок, с тем чтобы избежать действительности, потому что боится, что не сумеет ее преодолеть; субъект устанавливает дистанцию между собой и обществом, вызывающим у него страх, — отсюда протекают неврозы, вызванные социальными причинами.

Что касается женщины, комплекс неполноценности приобретает у нее форму стыдливости от своей женственности — комплекс вызывается не отсутствием пениса, а всей ситуацией в целом; девочка завидует фаллосу только как символу предоставленных мальчикам привилегий; место, которое в семье занимает отец, повсюду встречаемое преимущество мужского пола, воспитание — все убеждает ее в идее мужского превосходства. Позже, во время сексуальных сношений, само положение тел при коитусе, когда женщине отводится место под мужчиной, становится для нее новым унижением. Ее реакцией бывает «мужской протест»; она либо пытается уподобиться мужчине, либо начинает с ним борьбу женским оружием. Через материнство она может обрести в ребенке эквивалент пениса. Но это предполагает, что прежде она полностью примет себя как женщину, то есть смирится со своей неполноценностью. Она переживает гораздо более глубокий внутренний разлад, чем мужчина.

Не стоит труда долго распространяться о теоретических расхождениях Фрейда и Адлера и о возможностях их примирения; ни объяснение через побуждение, ни объяснение через мотивацию никогда не будут достаточными. Любое побуждение полагает мотивацию, но мотивацию можно осмыслить только через побуждение; таким образом, синтез фрейдизма и адлеризма представляется вполне осуществимым. В действительности, даже вводя понятия цели и целеполагания, Адлер полностью сохраняет идею психической причинности. Его отношение к Фрейду примерно то же, что отношение энергетизма к механицизму: идет ли речь о толчке или силе притяжения, физик всегда признает детерминизм, В этом и общий постулат всех психоаналитиков: по их мнению, человеческую историю можно объяснить с помощью набора определенных элементов. И все видят женскую судьбу одинаково. Ее драма сводится к конфликту между «мужеподобными» и «женскими» тенденциями. Первые реализуются в клиторической системе, вторые — в вагинальном эротизме. В детстве она идентифицирует себя с отцом; потом испытывает чувство неполноценности по сравнению с мужчиной, и тогда перед ней возникает альтернатива: или способствовать поддержанию своей автономии и уподобиться мужчине, что на фоне комплекса неполноценности вызывает напряжение, которое может привести к неврозам, или счастливо реализовать себя в любовном подчинении — причем последнее решение облегчается некогда испытанной любовью к отцу-повелителю; именно его ищет она в любовнике или муже, и сексуальная любовь сопровождается у нее желанием чувствовать над собой чье-то господство. Она бывает вознаграждена материнством, которое дает ей возможность обрести автономию нового типа. Драма эта представляется

обладающей собственным динамизмом; она развивается вопреки всем искажающим ее превратностям, и каждая женщина пассивно ее переживает.

Психоаналитики имеют прекрасные возможности, чтобы отыскать эмпирические подтверждения своим теориям: ведь известно, что, достаточно тонко усложняя систему Птолемея, люди могли долго оставаться в полной уверенности, что она совершенно точно отвечает истинному расположению планет; точно так же, если на место Эдипа поставить инвертированного Эдипа и в любой тревоге обнаруживать влечение, можно с успехом использовать для подтверждения фрейдизма даже те факты, что ему противоречат. Уловить форму можно только при наличии определенного фона, и от того, как постигается форма, зависят очертания, которые приобретает под ней этот фон. Так, если задаться целью описать какую-нибудь частную историю во фрейдистской логике, то за ней выявится и фрейдистская схема. Только когда доктрина неопределенно и произвольно требует нагромождения побочных объяснений, когда наблюдения обнаруживают столько же аномалий, сколько и нормальных случаев, лучше покинуть пределы установленных рамок.

Вот почему сегодня каждый психоаналитик всеми силами по-своему пытается придать гибкость фрейдистским идеям, устранить в них противоречия. Один современный психоаналитик пишет, например: «В тот момент, когда существует комплекс, существует, по определению, и множество его составляющих... Комплекс заключается в группировке этих разрозненных элементов, а не в представлении одного из них через остальные!» Но идея простой группировки элементов неприемлема: физическая жизнь — это не мозаика; она целиком содержится в каждом из своих отдельных моментов, и с этим единством следует считаться, что возможно лишь тогда, когда через разрозненные факты обнаруживается изначальная направленность существо-

вания. Если не добраться до этого истока, то человек будет выглядеть лишь полем боя между своими импульсами и наложенными на них запретами, одинаково лишенными смысла и случайными. Всех психоаналитиков объединяет систематический отказ от идеи выбора и сопряженного с ней понятия ценности; это и составляет внутреннюю слабость их системы. Оторвав импульсы и запреты от экзистенциального выбора, Фрейд оказывается не в состоянии объяснить нам их происхождение — он принимает их как данные. Понятие ценности он попытался заменить понятием авторитета; однако в работе «Моисей и его народ» он сам признает, что обосновать этот авторитет никак нельзя. Инцест, например, запрещен, потому что его запретил отец; но откуда взялась сама идея запрета — тайна. «Сверх-я» интериоризирует порядки и запреты, исходящие от произвольной тирании; здесь налицо инстинктивные тенденции, а почему — неизвестно; было установлено, что мораль не имеет отношения к сексуальности, поэтому каждая из двух реальностей существует сама по себе; единство человека как будто расколото, между личностью и обществом нет перехода: чтобы соединить их, Фрейду приходится сочинять странные истории, Адлер обратил внимание на то, что комплекс кастрации необъясним вне социального контекста. Коснулся он и проблемы образования ценностей, но не добрался до онтологических ценностей, признанных обществом, не понял, что ценности задействованы и в самой сексуальности, а соответственно и недооценил их значение.

* * *

Разумеется, сексуальность играет в человеческой жизни значительную роль — можно сказать, вся жизнь в целом проникнута ею. Человек существующий — это тело определенного пола; и в отношениях с другими людьми, которые тоже являются телами определенного пола, обязательно

будет присутствовать пол (сексуальность). Но если тело и сексуальность суть конкретные выражения существования, то и значения их можно выявить через него же — вне этой перспективы психоанализ принимает как данные необъясненные факты.

Например, нам говорят, что девочка испытывает стыд, оттого что приседает и обнажает ягодицы, когда мочится, — но что такое стыд? Аналогично, прежде чем задаваться вопросом, гордится ли мужчина тем, что у него есть пенис, или в пенисе выражается его гордость, следует выяснить, что такое гордость и как притязания субъекта могут воплощаться в объекте. Не нужно принимать сексуальность за непреложную данность, за основу бытия, у человека есть и более оригинальный «поиск бытия», а сексуальность — лишь один из его аспектов. Именно это показывает Сартр в книге «Бытие и ничто»; это же говорит и Башлар в своих работах о Земле, Воздухе и Воде: психоаналитики считают первейшей истиной человека его отношения с собственным телом и с телами ему подобных в пределах общества; однако человек несет в себе исконный интерес к сущности окружающего его природного мира и пытается обнаружить ее в работе, в игре, во всех экспериментах «динамического воображения»; человек стремится добраться конкретно до постижения основ своего существования через весь мир в целом, постигая его всеми возможными способами.

Месить глину или рыть яму — это занятия столь же изначальные, как объятия или коитус, и заблуждается тот, кто видит в них только сексуальные символы. Яма, липкость, впадина, твердость, цельность — это исконные реалии; интерес человека к ним продиктован не либидо — скорее, само либидо будет окрашено соответственно тому, как человек их для себя открывал. Цельность нравится человеку не потому, что символизирует девственность, — он ценит девственность потому, что любит цельность. В работе, войне, игре,

искусстве определяются способы существования в мире, которые нельзя свести ни к каким другим; они обнаруживают качества, которые пересекаются с теми, что несет в себе сексуальность. Индивид выбирает себя как посредством этих качеств, так и посредством эротического опыта. Но восстановить единство этого выбора позволяет лишь онтологическая точка зрения.

Это понятие выбора психоаналитик отвергает особенно яростно во имя детерминизма и «коллективного бессознательного», будто бы это бессознательное поставляет человеку готовые образы и универсальную символику; и оно же якобы объясняет аналогии между снами, несостоявшимися актами, маниями, аллегориями и человеческими судьбами; говорить о свободе — значит отказаться от возможности объяснить все эти волнующие соответствия. Но нельзя сказать, что идея свободы несовместима с существованием некоторых постоянных факторов. И психоаналитический метод часто может оказаться плодотворным, несмотря на ошибки теории, благодаря тому, что в каждой частной истории есть данные, всеобщий характер которых никто и не думает отрицать. Ситуации и поведение повторяются; момент решения возникает в недрах всеобщности и повторяемости.

«Анатомия — это судьба», — говорил Фрейд; с этим высказыванием перекликаются слова Мерло-Понти: «Тело — это всеобщность». Существование единично, ибо живущие разделены: оно проявляется в аналогичных организмах; значит, связь онтологического и сексуального должна иметь какие-то постоянные параметры. В определенную эпоху технические средства, экономическая и социальная структура некоего коллектива открывают всем своим членам один и тот же мир — так возникает постоянное отношение между сексуальностью и социальными формами; аналогичные индивиды, поставленные в аналогичные условия, уловят в

данности аналогичные значения. Эта теория не ведет к непрременной универсальности, но позволяет находить в индивидуальных историях всеобщие типы. Символ не представляется нам аллегорией, разработанной таинственным бессознательным, — это постижение определенного значения при посредстве аналога означающего объекта. Из-за того что экзистенциальная ситуация всех людей идентична и идентична «фактичность», с которой им приходится сталкиваться, для некоторого числа живущих значения открываются одинаковым образом. Символика не упала с неба и не вышла из земных недр — она была выработана, как и язык, человеческой действительностью, которая одновременно является *mitsein* и разделением. Именно это обстоятельство объясняет, почему в символике находится место и для индивидуального вымысла — на практике психоаналитический метод вынужден это признать, даже если это противоречит его доктрине.

Данная перспектива позволяет нам, например, понять ценность, обычно признаваемую за пенисом. Эту ценность невозможно обосновать, если не исходить из одного экзистенциального факта: тенденции субъекта к отчуждению. Испытывая тревогу за свою свободу, субъект принимает-ся искать себя в вещах, что есть один из способов бегства от себя. Тенденция эта настолько фундаментальна, что сразу же после отнятия от груди, когда ребенок отделяется от всего, он старается в зеркалах, в родительском взгляде уловить свое отчужденное существование.

В примитивном обществе люди отчуждаются в мане, в тотеме; цивилизованные люди — в своей индивидуальной душе, своем «я», своем имени, собственности, работе — это первое искушение неподлинного бытия. Пенис как нельзя больше пригоден, чтобы играть для маленького мальчика роль «двойника», — он для него одновременно посторонний предмет и он сам; это игрушка, кукла — и его собст-

венная плоть; родители и няньки обращаются с ним, как с маленьким человечком. Тогда понятно, что для ребенка он становится alter ego, которое обычно хитрее и умнее самого индивида. Поскольку функция мочеиспускания, а позже эрекция занимают промежуточное положение между сознательными и самопроизвольными процессами, поскольку пенис представляет собой капризный и почти посторонний источник субъективно ощущаемого удовольствия, субъект полагает его как самого себя и нечто отличное от самого себя. В нем ощутимо воплощается специфическая трансцендентность, и он становится источником гордости; так как фаллос существует отдельно, человек может сделать частью своей индивидуальности превосходящую его жизнь. Тогда понятно, что длина пениса, сила напора при мочеиспускании, эрекции и эякуляции становятся для него мерой собственной ценности.

Таким образом, не вызывает сомнения, что фаллос является телесным воплощением трансцендентности, а поскольку не вызывает сомнения и то, что ребенок чувствует себя трансцендируемым, то есть насильно лишенным трансцендентности отцом, мы приходим к фрейдистской идее комплекса кастрации. Лишенная такого alter ego девочка не отчуждается ни в каком материальном предмете, не восполняет себя — ей приходится сделать объектом всю себя: она полагает себя как Другого. Вопрос о том, сравнивала она себя с мальчиками или нет, второстепенен; главное, что отсутствие пениса, даже не осознаваемое ею, не позволяет ощутить себя представительницей пола; из этого вытекают множество следствий. Но приведенные нами постоянные факторы все же не определяют судьбу человека; фаллос приобретает такую ценность, потому что символизирует господство в других областях. Если бы женщине удалось утвердиться как субъекту, она изобрела бы эквиваленты фаллоса: кукла, воплощающая будущего ребенка, может стать

еще более ценным объектом обладания, чем пенис. Существуют общества с материнской филиацией, где у женщин есть маски, в которых отчуждается коллектив; в таком случае слава пениса во многом меркнет. Анатомическая привилегия становится основой для подлинной человеческой привилегии лишь при учете ситуации, взятой во всей ее целостности. Психоанализ смог бы добраться до истины только в историческом контексте.

Точно так же, как недостаточно сказать, что женщина — это самка, нельзя дать ей определение исходя из того, как она осознает свою женственность: она осознает ее в недрах общества, членом которого является. Интериоризируя бессознательное и всю психическую жизнь, сам язык психоанализа подводит к тому, что драма индивида происходит в нем самом — эта мысль присутствует в таких словах, как «комплекс», «тенденции» и т.д. Но жизнь — это отношение с миром; индивид самоопределяется, выбирая себя через мир; и чтобы ответить на интересующие нас вопросы, придется обратиться к миру. В частности, психоанализу не удастся объяснить, почему женщина — это Другой. Ибо сам Фрейд признает, что престиж пениса объясняется господствующим положением отца, но что ему ничего не известно о происхождении мужского главенства.

* * *

Не отбрасывая огульно всех достижений психоанализа, многие из которых весьма плодотворны, мы все же вынуждены отказаться от этого метода. Прежде всего, мы не будем ограничиваться тем, чтобы рассматривать сексуальность как данность, — упрощенность такого подхода наглядно демонстрируют описания, касающиеся женского либидо; я уже говорила, что психоаналитики никогда не изучали его непосредственно, но лишь исходя из мужского либидо;

похоже, они пребывают в полном неведении относительно амбивалентности влечения, которое мужчина вызывает у женщины.

Фрейдисты и адлерианцы объясняют тревогу, испытываемую женщиной перед мужским членом, как инверсию фрустрированного влечения. Штекель смог разглядеть, что здесь речь идет о первичной реакции, но дал ей поверхностное обоснование: якобы женщина боится дефлорации, проникновения, беременности, боли, и это-де тормозит ее влечение. Объяснение это слишком рационально. Вместо того чтобы утверждать, что влечение оборачивается тревогой и борется со страхом, следовало бы признать как первичную данность тот одновременно настойчивый и испуганный зов, каким является женское либидо; его характеризует неделимый синтез притяжения и отталкивания. Примечательно, что многие самки животных бегут от совокупления, которого сами же настойчиво домогаются. Их обвиняют в кокетстве и лицемерии, но пытаются объяснять примитивное поведение, проводя параллель с более сложными формами, — чистейший абсурд; это примитивное поведение как раз и является источником того, что у женщины именуется кокетством и лицемерием. Идея «пассивного либидо» приводит в замешательство, так как, ориентируясь на мужской пол, либидо определили как импульс, энергию; но точно так же невозможно априорно представить себе, что свет может быть одновременно желтым и синим, — для этого нужно на опыте познать зеленый цвет. Действительность приобрела бы куда более четкие очертания, если бы вместо туманных определений либидо вроде «энергии» были бы сопоставлены значения сексуальности и других человеческих проявлений, выраженных в понятиях «брат», «хватать», «есть», «делать», «терпеть» и др. Ибо сексуальность — это один из способов постижения объекта. Следовало бы также изучить свойства эротического объекта, каким он представляется не толь-

ко в половом акте, но и в восприятии вообще. Такое исследование выходит за рамки психоанализа, для которого эротизм — понятие непреложное.

С другой стороны, мы совершенно иначе поставим проблему женской судьбы: мы расположим женщину в мире ценностей и рассмотрим ее поведение в масштабах свободы. Мы считаем, что ей предоставлен выбор между утверждением своей трансцендентности и отчуждением в объекте; она не является игрушкой противоречивых импульсов. Она принимает решения, между которыми существует этическая иерархия. Подменяя ценность авторитетом, выбор — импульсом, психоанализ предлагает эрзац морали — идею нормальности. Идея эта, конечно, очень полезна в медицине. Однако настораживает, какое широкое толкование получила она в психоанализе. Описательная схема предлагается в качестве закона; и, разумеется, механистическая психология не может принять понятия полагания морали; в крайнем случае, она может обосновать «менее», но никогда «более»; в крайнем случае она признает неудачи, но никогда — созидание. Если субъект не идет по пути, признанному нормальным, считается, что он в своей эволюции остановился на полпути, и остановка эта интерпретируется как недостаток, как нечто негативное, а не как позитивное решение. Из-за этого, в частности, так нелепо выглядит психоанализ великих людей; нам твердят о трансфере, сублимации, которых им не довелось испытать; и никто не предполагает, что они сами, быть может, от них отказались и имели на то весьма веские причины; никто не хочет брать в расчет, что их поведение было мотивировано свободно полагаемыми целями; индивид все время объясняют через его связь с прошлым, а не исходя из будущего, в которое он себя проектирует. Поэтому нам никогда не дают его подлинного образа, а к подлинности едва ли применяют другой критерий, кроме нормальности.

С этой точки зрения описание женской судьбы просто поразительно. В том смысле, который предполагают психоаналитики, «идентифицировать» себя с матерью или отцом — значит отчуждаться в некоем образце, предпочитать спонтанному движению собственного существования посторонний образ, то есть играть в бытие. Нам показывают женщину, разрывающуюся между двумя способами отчуждения; очевидно, что играть в то, чтобы быть мужчиной, заведомо означает идти на провал; но и играть в то, чтобы быть женщиной, тоже значит попасться на крючок; быть женщиной — это быть объектом, Другим; Другой остается субъектом в пределах своего отречения от навязываемой роли. Настоящая проблема для женщины — это, отказавшись от предлагаемых уловок, осуществить себя в своей трансцендентности; речь идет о том, чтобы осознать, какие возможности предоставляет ей так называемое мужское и женское поведение.

Когда ребенок идет по пути, указанному одним из родителей, это может быть свободным перениманием их проектов — его поведение может быть обусловлено выбором, мотивированным определенными целями. Даже у Адлера воля к власти представляет собой некую разновидность абсурдной энергии; любой проект, в котором воплощается трансцендентность женщины, он называет «протестом мужского типа»; если девочка лазает по деревьям, то это, по его мнению, для того, чтобы сравняться с мальчиками, — ему даже в голову не приходит, что лазать по деревьям ей просто нравится. Для матери ребенок — это не «эквивалент пениса», а нечто совсем иное. Создание картин и книг, занятие политикой — это не только «хорошие способы сублимации», но и реализация сознательно поставленных целей. Отрицать это — значит исказить всю человеческую историю.

Отвращение от секса. Неоправданная имманентность плоти

Безусловно, «анатомическая судьба» мужчины и женщины глубоко различна. Не менее различны их нравственные установки и общественная «ситуация». С первобытных времен до наших дней бытует мнение о том, что постель для женщины — это «служба», за которую мужчина выражает благодарность, преподнося подарки или обеспечивая ее жизнь. Но служить — значит отдаваться хозяину; в таких отношениях нет и намека на взаимность. Чтобы убедиться в этом, стоит лишь вспомнить об отношениях супругов или о существовании проституции: женщина отдается, мужчина берет ее и вознаграждает. Ничто не мешает мужчине завоевать и овладеть женщиной, стоящей ниже его на общественной лестнице, общество всегда терпимо относилось к любовной связи между хозяином и служанкой, однако состоятельная женщина, отдающаяся шоферу или садовнику, вызывает осуждение.

Рассказывая о том, что он переспал с женщиной, мужчина говорит, что он ее «взял» или что он ею «обладал», иногда, говоря об обладании женщиной в грубых выражениях, мужчина заявляет, что он ее «трахнул». Таким образом, для любовника половой акт — это завоевание и победа. Эрекция, когда она происходит у собрата, кажется мужчине похожей на смешную пародию на намеренный половой акт, однако, когда то же самое происходит с ним самим, он извлекает из этого даже некоторое тщеславие. Говоря на эротические темы, мужчины используют военные термины; любовнику свойственна стремительность солдата, его половой член выгибается как лук, эякуляция — это залп, можно подумать, что речь идет о пулемете или пушке; они говорят об атаках, осадах, победах. Для мужчины совокупление — это что-то вроде героического поступка.

«Половой акт, который заключается в оккупации одного существа другим, — пишет Бенда в «Докладе Уриэля», — наводит на мысль о захватчике и захваченной вещи. Поэтому, когда люди обсуждают даже самые цивилизованные любовные отношения, они употребляют такие слова, как победа, атака, приступ, осада, защита, поражение, капитуляция, то есть совершенно явно проводят параллель между любовью и войной. Этот акт приводит к осквернению одного существа другим и внушает осквернителю определенную гордость, оскверненный же, даже если все произошло с его согласия, испытывает унижение».

В этой последней фразе содержится намек на еще один миф, а именно; мужчина пачкает женщину. В действительности, сперма — это не экскремент, и выражение «ночная поллюция» употребляется лишь потому, что в этом случае извержение семени не достигает своей естественной цели. Ведь никто не считает кофе грязью и не говорит, что он засоряет желудок, на том основании, что от него на светлом платье может остаться пятно. Некоторые мужчины считают, что нечистой является женщина, она своими влажными половыми органами пачкает мужчину. Как бы то ни было, превосходство того, кто пачкает другого, довольно зыбко. На деле сильная позиция мужчины основана на том, что его биологически агрессивная роль сочетается с социальной функцией главы, хозяина, эта последняя функция и придает такую большую значимость физиологическим различиям. Будучи повелителем мира, мужчина, как на знак своей власти, претендует на право бурно проявлять свои желания; о мужчине, обладающем большими эротическими возможностями, говорят, что он сильный, мощный — это определения, характеризующие его активность и трансценденцию. И напротив, поскольку женщина является лишь объектом, о ней говорят, что она горячая или холодная, иначе говоря, предполагается, что она способна обнаружить только пассивные качества...

Мужчина же отвергает пассивную роль. Впрочем, часто в силу обстоятельств девушка становится добычей мужчины, ласки которого волнуют ее, но на которого ей не хочется смотреть и которого не хочется ласкать. Нужно также подчеркнуть, что отвращение, которое примешивается к желанию женщины, объясняется не только ее страхом перед мужской агрессивностью, но и чувством глубокой ущемленности: ей приходится достигать наслаждения в борьбе с непроизвольными порывами своей чувственности, тогда как у мужчины зрительное и осязательное удовольствие сливается с собственно сексуальным.

В самой пассивной эротике немало двусмысленного. Нет, например, ничего более неоднозначного, чем прикосновение. Многие мужчины могут без всякого отвращения вертеть в руках любой предмет, но не терпят прикосновения травы или животного, от прикосновения к шелку, бархату одни женщины замирают от удовольствия, другие вздрагивают; помню, как одна моя подруга молодости покрывалась гусиной кожей только при виде персиков; переход от смятения к щекотке, от раздражения к удовольствию происходит очень легко; руки, обхватывающие тело, могут оберегать и защищать его, но могут и сжимать, душить. Такое двойственное восприятие характерно для девственницы из-за ее парадоксального положения; тот орган, где должно завершиться ее превращение в женщину, закрыт девственной плевой. Смутный и жгучий призыв растекается по всему ее телу, но не проникает именно в то место, где должен произойти половой акт. У девственницы нет никакого органа, благодаря которому она могла бы удовлетворить активное эротическое желание; у нее также нет жизненного опыта мужчины, который обрекает ее на пассивность.

Стать пассивным объектом — это совсем не то же самое, что быть им; влюбленная женщина не спит, она не мертва, в ней пульсирует, то усиливаясь, то ослабляясь, эротическое

чувство; в момент его ослабления каким-то колдовским образом возникает желание. Но равновесие между приливом страсти и ее отливом легко может быть нарушено. Желание мужчины выражается в напряжении; натянутые нервы и напряженные мускулы не могут быть ему помехой; позы и жесты, сознательные действия не уменьшают его желания, часто, напротив, увеличивают его. Что касается женщины, то каждое ее сознательное усилие мешает ей «погрузиться» в желание; именно поэтому женщина непроизвольно отвергает те формы полового акта, которые требуют от нее физических усилий и напряжения; слишком резкие и многочисленные изменения поз, требование сознательных действий — жестов или слов — разрушают колдовство. Сильное, раскрепощенное сексуальное желание может вызвать подергивание, сокращение и напряжение мускулов; в этот момент некоторые женщины царапаются, кусаются, их тело выгибается с необычайной силой; но все эти явления происходят лишь тогда, когда желание достигает пароксизма, а для этого в качестве предварительного условия необходимо отсутствие какого-либо принуждения, как физического, так и морального. Только в этом случае вся жизненная энергия женщины может сконцентрироваться на сексуальном желании. Все это означает, что девушке недостаточно позволять делать с собой все «что угодно; ее послушание, томность и бездействие не могут принести удовлетворения ни ее партнеру, ни ей самой...

* * *

Роль мужчины как сексуального воспитателя женщины определяется как его физиологическими особенностями, так и нравами, царящими в обществе. Конечно, для юноши-девушечника такой воспитательницей является его первая любовница; но он обладает эротической автономностью, которая недвусмысленно проявляется в эрекции; в любовнице

он находит лишь тот реальный объект, обладать которым он страстно желает, он находит женское тело. Девушке же для того, чтобы познать собственное тело, необходим мужчина, она полностью зависит от него. Уже в своем первом опыте мужчина обычно проявляет активность и решительность, независимо от того, платит ли он своей партнерше или в течение того или иного срока ухаживает за ней и добивается ее благосклонности. И, наоборот, в большинстве случаев за девушкой ухаживают, ее благосклонности добиваются; даже если она сама сознательно привлекает внимание мужчины, он тут же берет в свои руки инициативу в развитии их отношений. Часто он бывает старше и опытнее.

Считается, что за эту новую для нее страницу жизни ответственность несет мужчина, поскольку его желание более агрессивно и властно. Именно мужчина, будь он любовником или мужем, ведет ее на ложе, ей же остается лишь отдаться на его волю и повиноваться. Даже если мысленно она признает его власть, в тот момент, когда ей приходится подчиниться, ее охватывает паника. И, прежде всего, она боится мужского взгляда, который ее парализует. Стыдливость девушки отчасти внушена ей, но у нее есть также глубокие корни, уходящие в сущность человеческой природы; и мужчинам и женщинам знаком стыд за свою плоть, в своем чисто статичном виде, в своей неоправданной имманентности плоть существует под взглядом другого человека как абсурдная случайность предметного мира, и в то же время она является самой собой, и ей хотят помешать существовать для другого, хотят ее отрицания.

Некоторые мужчины говорят, что могут показаться женщине в обнаженном виде только в состоянии эрекции. Действительно, мужская плоть в состоянии эрекции становится сильной, мощной, половой член перестает быть инертным предметом, но, как рука или лицо, становится властным выражением субъективности. Это одна из причин, по которой

стыдливость не оказывает на молодых людей такого же парализующего действия, как на женщин; агрессивная роль как бы оберегает их от взгляда партнерши; и даже если на них глядят, они могут не опасаться, что о них вынесут недоброжелательное суждение, поскольку любовницы требуют от них, прежде всего, не пассивных качеств. Поэтому у мужчин комплекс неполноценности касается скорее сексуальной силы и умения доставить женщине удовольствие; во всяком случае, у них есть возможность защищаться, пытаться добиться успеха. Женщине же не дано превращать свою плоть в волю; как только она перестает прятать свою плоть, она становится совершенно беззащитной; даже если она стремится к ласкам, ее возмущает мысль о том, что на нее смотрят, к ней прикасаются; тем более что самыми эрогенными частями тела являются грудь и ягодицы. Многим взрослым женщинам неприятно, когда на них, даже одетых, смотрят со спины; можно себе представить, какое внутреннее сопротивление должна преодолеть наивная влюбленная девушка для того, чтобы согласиться показаться обнаженной. Конечно, какая-нибудь Фриния¹ не боится взглядов, она величественна в своей наготе, красота служит ей покрывалом. Но девушка, даже если она так же прекрасна, как Фриния, еще не уверена в этом; она не может высокомерно гордиться своим телом до тех пор, пока восхищение мужчины не подтвердит ее девичьего тщеславия. Но и оно пугает девушку; ведь любовник еще опаснее, чем просто любующийся ею мужчина, любовник — это судья, он заставит ее увидеть себя в истинном свете.

Любая девушка, даже страстно влюбленная в свой образ, трепещет в ожидании мужского приговора. Вот почему она требует полумрака, прячется в простыни. Когда она

---

¹ *Фриния* — древнегреческая гетера. В ответ на обвинение в распущенности обнажила грудь перед ареопагом, чтобы показать, как она прекрасна. — *Ред.*

любовалась собой в зеркале, она лишь грезила, причем грезила о себе как бы глазами мужчины. Теперь эти глаза перед ней, и она должна выдержать их взгляд наяву, их невозможно обмануть, с ними невозможно бороться: в этих глазах неведомая ей свобода Другого, который принимает решение, решение безапелляционное. В реальном эротическом испытании ее детские и девичьи наваждения либо рассеются, либо навсегда закрепятся; многие девушки страдают от того, что у них слишком толстые ноги, слишком плоская или, наоборот, слишком тяжелая грудь, слишком узкие бедра, стыдятся какой-нибудь бородавки или опасаются какого-нибудь скрытого физического недостатка.

«В любой девушке живут разнообразные смехотворные страхи, в которых она и себе-то едва смеет сознаться, — пишет Штекель¹. — Трудно поверить, что множество девушек страдают от навязчивых идей, полагая, что в их физическом строении что-то ненормально, или мучаются втайне, поскольку не уверены в том, что они физически нормальны. Так, одна девушка полагала, что ее «нижнее отверстие» находится не на месте. Она думала, что совокупление происходит через пупок, и терзалась оттого, что у нее в пупке отверстия не было, и палец туда не входил. Другая девушка считала себя гермафродитом. Еще одной казалось, что она изуродована и никогда не сможет жить половой жизнью»².

Даже если девушки не страдают от наваждений, их пугает тот факт, что некоторые части их тела, которые раньше не существовали ни для них самих, ни для кого-либо иного, скоро будут в центре внимания. Какие чувства будет

---

¹ Штекель Вильгельм (1868—1940) — австрийский психиатр и психоаналитик. Один из первых организаторов и деятелей психоаналитического движения, ученик З.Фрейда. Основываясь на результатах осуществленного им сравнительного анализа любви и ненависти, утверждал, что в истории человечества ненависть возникла раньше любви. — *Ред.*

² В. Штекель. «Фригидная женщина». — *Примеч. авт.*

вызывать ее облик, еще незнакомый ей самой, но который ей придется осознать как свой собственный? Отвращение? Равнодушие? Иронию? Ей не остается ничего, кроме ожидания мужского приговора: ставки сделаны! Именно поэтому поведение мужчины имеет такое большое значение. Его пыл и нежность могут внушить женщине такую уверенность в себе, которую ничто не сможет поколебать; до глубокой старости она будет считать себя райской птицей, роскошным цветком, распустившимся однажды ночью на встречу желанию мужчины.

И, напротив, из-за неумелого поведения любовника или мужа у женщины может возникнуть комплекс неполноценности, который в некоторых случаях даст толчок к развитию длительных невротозов, в ней может зародиться озлобленность, которая проявится в стойкой фригидности. У Штекеля приводятся поразительные примеры подобной реакции женщин: «Одна тридцатилетняя женщина в течение четырнадцати лет страдала такими невыносимыми поясничными болями, что ей приходилось целыми неделями лежать в постели... Впервые она их почувствовала во время первой брачной ночи. Лишая ее девственности, что происходило для нее очень болезненно, ее муж воскликнул: «Ты меня обманула, ты — не девушка...» Эта тягостная сцена продолжает жить в ней в виде боли. Для мужа эта болезнь является наказанием, поскольку ему пришлось потратить немало денег на многочисленные курсы лечения... Ни в первую брачную ночь, ни в последующей супружеской жизни эта женщина не испытывала сексуального наслаждения. Первая брачная ночь стала для нее ужасной травмой и повлияла на всю ее жизнь».

«Ко мне обратилась молодая женщина с жалобами на нервную систему и особенно на полную фригидность... По ее словам, в первую брачную ночь ее муж, раздев ее, воскликнул: «Какие у тебя короткие и толстые ноги!» Затем

он совершил половой акт, который не доставил ей никакого удовольствия, напротив, причинил боль... Она прекрасно понимала, что фригидна потому, что в первую брачную ночь подверглась оскорблению».

«Другая фригидная женщина рассказывает, что в первую брачную ночь муж глубоко оскорбил ее; когда она раздевалась, он, как она утверждает, сказал: «Господи, какая же ты худая». И хотя после этого он приласкал ее, она никогда не могла забыть этого ужасного момента. Какая грубость!».

«Г-жа З.В. также совершенно фригидна. Она пережила глубокую травму в свою первую брачную ночь, потому что после сокоупления муж, как она рассказывает, заявил ей: «У тебя большое отверстие, ты меня обманула»».

* * *

Его [мужчины] взгляд таит опасность, руки — угрозу. Как правило, девушка незнакома с отношениями, основанными на применении силы, ей не пришлось пройти через испытания, которые мужчина преодолевал, вступая в драки в детстве или юношестве, она не знает, что значит быть бесильной плотью и находиться во власти другого человека. И вот теперь она в руках мужчины, который гораздо сильнее ее. Мечты разрушены, у нее нет возможности ни отступить, ни прибегнуть к хитрости, она находится во власти самца, и он может делать с ней все, что хочет. Она цепенеет от его объятий, которые так похожи на неведомую ей борьбу. Она позволяла себя ласкать жениху, товарищу, коллеге, словом, воспитанному и вежливому мужчине, и вдруг он превратился в чужого, эгоистичного и упрямого самца, перед которым она чувствует себя совершенно беспомощной.

Нередко бывает, что из-за отвратительной грубости мужчины первое сокоупление девушки превращается в настоящее насилие. В деревне, например, где царят грубые нравы, крестьянская девушка, принимающая ухаживания парт-

нера, но не желающая идти до конца, легко может лишиться девственности в какой-нибудь канаве, испытывая стыд и ужас. Но и в других слоях общества и классах девственница чаще всего подвергается грубому обращению либо со стороны эгоистичного любовника, который думает лишь о своем удовольствии, либо со стороны мужа, уверенного в своих супружеских правах и воспринимающего сопротивление жены как оскорбление и даже приходящего в ярость, если дефлорация оказывается делом нелегким.

Впрочем, даже если мужчина ведет себя в этой ситуации иначе и преисполнен учтивости, первое совокупление для нее — это всегда насилие. Девушка ожидает, что ее будут целовать в губы или ласкать ее грудь, стремится к уже знакомому ей или предугадываемому половому наслаждению. Вместо этого мужчина разрывает ее девственную плеву и проникает туда, куда она его не призывала. Существует немало рассказов о том, как девушка, изнемогающая от восторга в объятиях мужа или любовника, уверовавшая в то, что она достигла осуществления своей сладострастной мечты, вдруг с ужасом ощущает острую боль, происхождение которой не может понять; все ее мечты развеиваются, любовное томление исчезает, и любовь становится подобием хирургической операции.

Но лишение девственности может быть мучительным даже в том случае, когда происходит с согласия девушки. Мы знаем, какие страсти бушевали в молодой Айседоре Дункан. Она познакомилась с очень красивым актером и влюбилась в него с первого взгляда; он в свою очередь пылко ухаживал за ней¹.

«Я тоже была в смятении, у меня кружилась голова, меня охватывало желание обнимать его еще крепче. В конце концов, однажды вечером он потерял всякий контроль над собой и, словно охваченный безумием, схватил меня и понес

---

¹ А. Дункан. «Моя жизнь». — *Примеч. авт.*

на диван. Так, испытывая страх, замирая от восторга, а затем крича от боли, я узнала, что такое любовь. Должна признаться, что сначала я была страшно испугана и ощущала острую боль, как если бы мне сразу вырвали несколько зубов; но мой возлюбленный так страдал, и мне было так жаль его, что я не протестовала против того, что сначала показалось мне членовредительством и пыткой... (На следующий день) то, что было для меня тогда лишь болью и мукой, началось опять; я стонала и кричала, как будто меня истязали. Мне казалось, что я искалечена».

* * *

Однако в реальных половых отношениях, так же как раньше в девичьем воображении, на первый план выступает не боль, значительно более важную роль играет проникновение полового члена во влагалище. Мужчина совершает половой акт внешним органом; женщина же должна позволить проникновение внутрь себя. Конечно, многим юношам приходится преодолеть страх, чтобы отважиться проникнуть в тайники женского тела; они боятся этого так же, как в детстве боялись темных пещер и склепов или таинственных существ, способных вцепиться зубами, поранить, застигнуть врасплох; им кажется, что их увеличившийся в размере пенис застрянет в половой щели; у женщины нет ощущения опасности при проникновении в нее пениса; зато у нее возникает впечатление, что ее тело перестает принадлежать ей.

Хозяин земли или хозяйка дома утверждают свои права предупреждением «не входить»; женщины из-за того, что их лишают трансцендентности, особенно тщательно охраняют все, что окружает их в личной жизни: их комната, шкаф, шкатулка — неприкосновенны. Что касается девушки, то у нее, напротив, нет ничего, кроме собственного тела, это ее самое драгоценное сокровище; проникая в ее плоть, мужчи-

на берет ее; это простонародное слово выражает суть житейского опыта. Унижение, которое она испытала во время полового акта, переходит в конкретные чувства: она придавлена, покорена, побеждена.... Женщина чувствует себя орудием, вся свобода принадлежит Другому.

Наконец, есть еще один фактор, из-за которого мужчина и половой акт кажутся опасными, — это угроза беременности. Почти во всех обществах незаконнорожденный ребенок создает столько социальных и экономических проблем для женщины, что иногда девушки, забеременев, кончают с собой, а матери-одиночки убивают новорожденных.

Имеет ли женщина дело с любовником или мужем, отсутствие абсолютного доверия к своему партнеру вызывает в ней осторожность, парализует ее эротизм. Она или с тревогой следит за действиями мужчины, или сразу же после совокупления бежит в ванную, чтобы удалить из себя семя, попавшее в нее против ее воли. Эта гигиеническая операция резко разрушает чувственную магию ласки, подчеркивает разделение тел, только что слившихся в общем наслаждении. Фригидность женщины нередко объясняется ее отвлечением к спринцовке, кружке, биде.

Более надежные и удобные противозачаточные средства в значительной мере способствуют сексуальному раскрепощению женщины. Благодаря этим средствам женщины полнее отдаются сексуальным порывам. Но для того, чтобы примириться с необходимостью использования противозачаточных средств, а следовательно, смотреть на свое тело как на вещь, женщине также приходится преодолеть внутреннее сопротивление. Когда-то мысль о том, что мужчина «пронзит» ее, вызывала у нее озноб; теперь ее удручает мысль о том, что для удовлетворения желаний мужчины она должна «закупорить» себя. Закроет ли она проход в матку или вставит в нее тампон, убивающий сперматозоиды, женщину, осознающую особенности функционирования своего тела и

трудности достижения равновесия в сексуальных отношениях, будет смущать такая холодная преднамеренность.

Многие мужчины также не любят прибегать к презервативу, Только вся совокупность сексуального поведения способна оправдать его отдельные моменты. Сексуальные жесты, которые «при холодном анализе могли бы внушить отвращение, кажутся вполне естественными, когда тела партнеров преобразуются под влиянием эротического желания. И, наоборот, при расчленении сексуального поведения на отдельные, лишённые смысла элементы эти элементы могут показаться грязными и непристойными. Совокупление, которое влюбленная женщина воспринимает как единение, слияние с любимым, при отсутствии любовного смятения, желания, наслаждения превращается в ту неприятную хирургическую операцию, каковой оно является по мнению детей. Таков эффект предусмотрительного употребления презерватива, даже когда на него согласны обе стороны.

* * *

Один преподаватель американского колледжа говорил мне, что его ученицы теряют девственность задолго до того, как становятся женщинами. Некоторые девушки бросаются в многочисленные эротические похождения, чтобы избежать страха перед сексуальными отношениями; кроме того, они надеются избавиться таким образом от любопытства и различных наваждений; однако часто их поступки сохраняют сугубо теоретический характер и поэтому не имеют отношения к реальности, точно так же, как те фантазии, с помощью которых девушки предвосхищают будущее. Отдаваясь для того, чтобы бросить кому-либо вызов, а также из страха или пуританского рационализма, девушка не испытывает истинных эротических ощущений, она может пережить лишь какой-то их эрзац, лишённый опасности и большой привлекательности. В этом случае половой акт не сопрово-

ждается ни страхом, ни стыдом, потому что она не чувствует глубокого любовного смятения, а удовольствие не охватывает всей ее плоти.

Лишенная таким образом девственности, девушка, в сущности, остается девственницей, и очень вероятно, что в день, когда жизнь толкнет ее в объятия чувственного и властного мужчины, она будет сопротивляться ему, как это обычно делают девушки. Пока же этого не случилось, она похожа на девочку переходного возраста; когда ее ласкают, ей щекотно, когда целуют, смешно; для нее физическая любовь — это что-то вроде игры, и если она не в настроении развлекаться подобным образом, требования любовника кажутся ей грубыми и быстро надоедают; у нее сохраняются отвращение, навязчивые страхи и стыдливость, свойственные девочке-подростку. Если она никогда не преодолеет подобного отношения к эротике, то проживет всю свою жизнь в состоянии полуфригидности.

Здесь мы касаемся основной проблемы женской эротики; в начале эротической жизни самоотречение женщины не компенсируется интенсивным и легко достигаемым наслаждением. Ей было бы значительно легче пожертвовать стыдливостью и гордостью, если бы она знала, что эта жертва ведет ее к райскому блаженству. Но как мы уже видели, лишение девственности не является счастливым завершением девичьего этапа эротики; напротив, для девушки это совершенно неожиданное явление; влагилицное наслаждение появляется не сразу; по статистике, приведенной Штекелем и подтверждаемой многими сексологами и психиатрами, во время первого совокупления удовольствие получают лишь 4 процента женщин; 50 процентов испытывают влагилицное наслаждение лишь через несколько недель, месяцев, а иногда и лет. Главную роль здесь играют психические факторы. Женское тело отличается своеобразной «истеричностью» в том смысле, что нередко у женщины между осознаваемы-

ми фактами и их органическим выражением не существует никакой дистанции; моральное сопротивление женщины не позволяет ей испытывать удовольствие; если это сопротивление ничем не компенсируется, оно долго не ослабляется и образует мощное препятствие для удовлетворения сексуального желания. Часто возникает порочный круг: первая неловкость, совершенная любовником, неделикатное слово или жест, высокомерная улыбка отражаются на всем медовом месяце или даже на всей супружеской жизни.

Молодая женщина не испытывает удовольствия, разочаровывается, и в ней зарождается озлобленность, которая мешает ей достичь гармонии в сексуальной жизни. Правда, мужчина, которому не удастся удовлетворить женщину нормальным путем, может доставить ей удовольствие через клитор и таким образом расслабить и умиротворить ее, что бы там ни говорилось в нравоучительных легендах. Однако многие женщины не хотят этого, потому что клиторное удовольствие в большей степени, чем влагалищное, воспринимается как навязанное извне; женщина, разумеется, страдает от эгоизма мужчины, который думает лишь о собственном удовлетворении, но ей также неприятно слишком открыто проявляемое желание доставить ей удовольствие. «Доставить наслаждение другому, — говорит Штекель, — значит получить над ним власть; отдаться кому-либо — значит отречься от своей воли».

* * *

В то же время в девушке наблюдается желание ощущать чье-либо господство. По мнению некоторых психоаналитиков, женщинам присущ мазохизм, и именно это свойство их натуры помогает им приспособиться к своей эротической судьбе. Заметим, однако, что понятие «мазохизм» весьма запутанно, и нам следует подробно рассмотреть его. Вслед за Фрейдом психоаналитики различают три формы мазохиз-

ма; одна из них заключается в связи болезненных ощущений с чувственностью, вторая состоит в том, что в любви женщина соглашается на подчиненное положение, а третья — в существовании у нее некоего механизма самонаказания. Психоналитики утверждают, что женщине свойствен мазохизм, потому что при потере девственности и родах удовольствие якобы бывает связано с болезненными ощущениями, а также потому, что она мирится со своей пассивной ролью в любви.

Прежде всего, следует заметить, что болезненные ощущения играют определенную роль в эротических отношениях, не имеющую ничего общего с пассивным подчинением. Нередко боль поднимает тонус испытывающего ее индивида, пробуждает чувствительность, притупленную сильным любовным смятением и удовольствием; она напоминает яркий луч, вспыхивающий во тьме плотских ощущений, отрезвляет влюбленных, млеющих в ожидании наслаждения, с тем чтобы позволить им вновь погрузиться в состояние этого ожидания. В порыве нежной страсти любовники нередко причиняют друг другу боль. Полностью погруженные во взаимное плотское наслаждение, они стремятся использовать все формы контактов, единения и противоборства. В пылу любовной игры человек забывает самого себя, приходит в исступление, в экстаз.

Страдание также разрушает границы личности, доводит чувства человека до пароксизма, заставляет его превзойти самого себя. Боль всегда играла значительную роль в оргиях; известно, что высшее наслаждение может граничить с болью: ласка иногда превращается в пытку, а мучение может доставлять удовольствие. Обнимаясь, любовники нередко кусают, царапают, щиплют друг друга; такое поведение не свидетельствует об их садистских наклонностях, в нем выражается стремление к слиянию, а не к разрушению, субъект, на которого оно направлено, вовсе не стре-

мится к самоотрицанию или самоунижению, он жаждет единения. К тому же такое поведение свойственно отнюдь не только мужчинам. Дело в том, что боль может быть признаком мазохизма лишь тогда, когда она добровольно принимается как знак рабского подчинения. Что же касается боли, испытываемой при потере девственности, то она как раз не сопровождается никаким удовольствием, а муки при родах внушают страх всем женщинам, и они очень радуются тому, что современные методы могут им принести облегчение. Боль занимает абсолютно одинаковое место в чувственности женщины и мужчины.

Следует также отметить, что женская покорность — это весьма неоднозначное понятие. Как мы видели, в большинстве случаев девушки в воображении принимают господство полубога, героя, мужчины, но это всего лишь следствие их склонности к самолюбванию. На деле они нисколько не расположены терпеть подобное господство, если оно выражено в плотских отношениях. Напротив, они нередко отвергают мужчину, вызывающего в них восхищение и уважение, и доверяются человеку, не обладающему над ними никакой властью.

Не следует забывать, что в сексуальных отношениях женщине действительно обычно принадлежит пассивная роль; однако в конкретном воплощении в жизнь этой пассивности нет ничего мазохистского, впрочем, так же как в нормальной агрессивности мужчины нет ничего садистского; из ласки, любовного смятения и совокупления женщина либо сама извлекает удовольствие и тем самым утверждает свое «я», либо она стремится к единению с любовником, жаждет отдаться ему, что означает, что она превосходит себя, но отнюдь не отрекается от себя. Мазохизм заключается в том, что индивид сознательно отдает себя во власть сознания другого человека, который превращает его в вещь в чистом виде; при этом индивид сам себя осознает как вещь, играет роль

вещи. «Мазохизм является не попыткой соблазнить другого собственной объективностью, а попыткой соблазнить самого себя собственной объективностью для другого»¹.

О мазохизме можно говорить тогда, когда «я» существует отдельно от индивида и этот отчужденный двойник мыслится обоснованным свободой другого человека. В этом смысле некоторые женщины действительно являются мазохистками. К этому предрасположены девушки, которым свойственно самолюбование, ведущее к отчуждению собственного «я». Если в самом начале эротической жизни им случается пережить глубокое смятение и желание, они познают подлинные чувства и ощущения любви, и тот идеал, который они называли своим «я», исчезает; но если в начале эротической жизни девушку подстерегает фригидность, это «я» утверждается, и в том, что она превращается в вещь, принадлежащую мужчине, девушка видит свою вину. А ведь «мазохизм, так же как садизм, — это осознание чувства вины. Я виновен уже потому, что являюсь вещью». Эта мысль Сартра сближается с фрейдовским понятием самонаказания. Девушка видит свою вину в том, что она отдает свое «я» другому человеку, и наказывает себя за это, сознательно все глубже погружаясь в униженное и подчиненное состояние; как мы уже видели, девственницы мысленно противостоят своим будущим любовникам; предчувствуя свое скорое поражение, они в качестве наказания подвергают себя различным пыткам; имея дело с реальным любовником, они упрямо продолжают следовать той же линии поведения.

Нам известно также, что сама фригидность — это возмездие, налагаемое женщиной на самое себя и на партнера; из-за уязвленного тщеславия у девушки возникает обида на любовника и на самое себя, поэтому она запрещает себе ис-

---

¹ Ж.-П. Сартр. «Бытие и ничто». — *Примеч. авт.*

пытывать удовольствие. Девушка-мазохистка исступленно отдается в рабство мужчине, говорит ему о своем обожании, стремится к унижению, побоям; тот факт, что она согласилась на отчуждение собственного «я», вызывает в ней ярость, углубляющую отчуждение. Именно так ведет себя Матильда де ля Моль¹: она в бешенстве от того, что отдается Жюльену, именно поэтому она падает к его ногам, хочет покориться всем его капризам, приносит ему в жертву свои роскошные волосы; но в то же время она восстает и против него и против самой себя; мы догадываемся, что в его объятиях она холодна, как лед.

Притворное самозабвение женщины-мазохистки создает новые помехи, преграждающие ей путь к наслаждению, в то время как она мстит себе именно за неспособность познать его. Порочный круг, в котором женщина движется от фригидности к мазохизму, может навсегда замкнуться и толкнуть ее в качестве компенсации к садистскому поведению. Возможно также, что эротическое созревание избавит женщину от фригидности и самолюбования, она осознает истинный смысл своей сексуальной пассивности и, перестав играть в нее, действительно ее переживет. Ибо парадокс мазохизма заключается в том, что самоотречение субъекта требует от него постоянных усилий; забыться же он может, лишь отдаваясь другому в стихийном порыве, без всякой задней мысли. Итак, женщина действительно более склонна, чем мужчина, к мазохистскому искушению, ее положение пассивного эротического объекта толкает ее на игру в пассивность, которая в свою очередь представляет собой самонаказание, вытекающее из ее бунтарского самолюбования и его следствия — фригидности; факт остается фактом: среди женщин и особенно среди девушек мазохизм очень распространен.

---

¹ Героиня романа Стендаля «Красное и черное». — *Ред.*

Сексуальная жизнь женщины зависит не только от всего описанного выше, но и от ее социального и экономического положения. Более глубокое изучение этой темы без учета социально-экономического контекста может привести к выводам, далеким от реальности. Однако из уже проделанного нами анализа можно сделать некоторые заключения общего характера. Эротика — это одна из тех областей действительности, в которой люди наиболее остро чувствуют двойственность своей натуры; в эротическом опыте они ощущают себя и плотью, и духом; и Другим, и субъектом. Этот конфликт приобретает действительно драматический характер для женщины, поскольку в начале эротической жизни она осознает, что является лишь объектом, а также потому, что ей нужно время для того, чтобы научиться достигать сексуального удовольствия; познавая особенности своей плотской натуры, она в то же время вынуждена вести борьбу, чтобы вернуть себе утраченное достоинство трансцендентного и свободного субъекта; это непростое и рискованное предприятие; многим женщинам не удается довести его до успешного конца. Но именно благодаря сложности проблем, с которыми они сталкиваются, им удается избежать заблуждений, свойственных мужчинам, которые охотно верят в такие свои обманчивые преимущества, как агрессивная роль и исключительная способность испытывать оргазм; мужчины не без колебаний осознают в себе плоть. Представление женщины о себе более достоверно.

Однако даже если женщина более или менее хорошо приспособляется к пассивной роли, она всегда чувствует себя лишенной многих возможностей, свойственных активному индивиду. И если она и завидует мужчине, то не оттого, что у него имеется орган обладания, а оттого, что ему дана способность овладевать добычей. Станный пара-

докс заключается в том, что чувственный мир, окружающий мужчину, состоит из мягкости, нежности, приветливости, — словом, он живет в женском мире, тогда как женщина бьется в суровом и жестком мире мужчины; из-за этого в ней сильно желание прикоснуться к гладкой коже, к мягким округлым формам, ей нравится поглаживать цветы или мех, ласкать ребенка, подростка или женщину; немалая часть ее личности остается невостребованной, она стремится к обладанию сокровищем, подобным тому, которое женщина дарит мужчине.

Именно этим объясняется свойственная многим женщинам, хотя и не всегда явно выраженная, склонность к лесбийской любви. У некоторых женщин эта склонность под воздействием целого комплекса сложных причин проявляется с особой силой. Не все женщины прибегают к классическому решению своих сексуальных проблем, то есть к тому единственному решению, которое признано обществом.

Лесбиянство. Патология или осознание естественного состояния?

Лесбиянок часто изображают в фетровой шляпе, коротко остриженных и в строгом костюме; говорят, что причиной их сходства с мужчинами является отклонение от нормы, вызываемое гормональными нарушениями. Однако нет ничего более ошибочного, чем смешение лесбиянки и мужеподобной женщины. Немало лесбиянок встречается среди одалисок, придворных дам, то есть среди самых что ни на есть «женственных» женщин; и напротив, многие мужеподобные женщины не являются лесбиянками. Сексологи и психиатры подтверждают то, что явствует из обычных наблюдений: подавляющее большинство «проклятых женщин» с точки зрения анатомии ничем не отличаются от других женщин. Никакая «анатомическая судьба» не предопределяет особенностей их сексуального влечения.

Разумеется, иногда в силу физиологических причин возникают особые случаи. Между двумя полами нет строгих биологических различий; идентичное тело изменяется под гормональным воздействием, направленность которого в принципе определяется генотипом, но может в течение развития зародыша отклониться в сторону; такие отклонения приводят к возникновению индивидов, не являющихся ни мужчинами, ни женщинами. Некоторые мужчины бывают похожи на женщин из-за позднего полового созревания; случается, что девушки — особенно спортсменки — вдруг превращаются в юношей. Х. Дейч рассказывает историю одной девушки, которая пылко ухаживала за замужней женщиной, хотела похитить ее и жить с ней вместе; и вдруг однажды она обнаружила, что превратилась в мужчину; она смогла жениться на своей возлюбленной, у них родились дети.

Однако из сказанного не следует, будто в каждой лесбиянке за обманчивыми формами скрывается мужчина. Нередко у гермафродитов, имеющих обе половые системы в неразвитом состоянии, наблюдается сексуальное поведение, свойственное женщинам. Я знала одну такую женщину; она была в отчаянии от того, что не могла привлечь внимание ни гетеросексуальных мужчин, ни педерастов, в то время как ей самой нравились только мужчины. Под воздействием мужских гормонов у мужеподобных женщин развиваются вторичные половые признаки, свойственные мужчинам; что касается инфантильных женщин, то у них женские гормоны вырабатываются в недостаточном количестве и их половое развитие остается незавершенным.

Эти физиологические особенности могут прямо или опосредованно толкнуть женщину к лесбийской любви. Женщина, в которой кипят жизненные силы, которой свойственны страстность и агрессивность, стремится быть активной и, как правило, отвергает пассивность; если женщина некрасива или имеет врожденные физические недостатки, она

может попытаться компенсировать свою неполноценность, приобретя мужские качества; если у нее неразвиты эрогенные зоны, она не чувствует потребности в мужских ласках. Однако анатомия и гормоны создают лишь определенную предрасположенность, но отнюдь не определяют сексуальную ориентацию женщины. Х. Дейч приводит историю одного раненого польского легионера, за которым она ухаживала во время войны 1914—1918 годов. На самом деле это была девушка с явно выраженными мужскими вторичными половыми признаками; она пошла в армию сначала в качестве сестры милосердия, а затем сумела стать солдатом; это не помешало ей влюбиться в своего сослуживца (впоследствии она вышла за него замуж), и из-за этого ее считали гомосексуалистом. Таким образом, несмотря на мужеподобные внешние проявления, ей была свойственна эротика женского типа. Бывают случаи, когда и мужчины испытывают сексуальное влечение не только к женщинам; мужчина может быть гомосексуалистом, обладая полноценным мужским организмом, а мужеподобная женщина вовсе не обязательно обречена на лесбийскую любовь.

* * *

Большой заслугой психоаналитиков явилось то, что они стали рассматривать извращение не как органическое, а как психическое явление; однако и им представляется, что извращение порождается внешними обстоятельствами. Впрочем, они мало занимались этим вопросом. По мнению Фрейда, в процессе развития женской эротике обязательно происходит переход от клиторной стадии к влагалищной, который ученый сравнивает с другим переходом, заключающимся в том, что, подрастая, девочка переносит любовь, питаемую ею первоначально к матери, на отца; различные причины могут помешать развитию этого процесса; например, женщина не может смириться со своим состоянием кастрата или

не хочет признаться самой себе, что у нее отсутствует пенис, вся ее любовь концентрируется на матери, и она ищет кого-нибудь, кто мог бы ее заменить.

По мнению Адлера, остановка в развитии эротики — это не случайное и не пассивно воспринимаемое событие, она совершается по воле женщины, которая, стремясь реализовать бушующие в ней силы, сознательно отрицает свою неполноценность и старается стать вровень с мужчиной, господство которого ей претит. Но будь то остановка эротического развития на инфантильной стадии или протест мужеподобной женщины, для Адлера женский гомосексуализм представляет собой незавершенность эротического развития. На деле лесбиянка не является ни «несостоявшейся» женщиной, ни женщиной «высшего» типа. Индивид в своем развитии не обязательно движется по пути прогресса: на каждом этапе развития прошлое переосмысливается в связи с новым выбором, и, если индивид склоняется к тому, что считается «нормальным», это не придает его выбору никакой особой значимости; о выборе следует судить по его соответствию природным свойствам индивида. Лесбийская любовь может быть для женщины как бегством от своего естественного состояния, так и его осознанием. Основная вина психоаналитиков заключается в том, что из морализаторского конформизма они всегда рассматривают лесбийскую любовь как неаутентичное поведение.

Женщина — это такое существо, от которого требуют, чтобы она превратилась в объект; однако, будучи субъектом, она обладает агрессивной чувственностью, которую может удовлетворить лишь при контакте с телом мужчины, — это источник конфликтов, которые женской эротике необходимо разрешить. Нормальными считаются такие отношения, при которых женщина сначала становится добычей самца, а затем, с рождением ребенка, вновь приобретает самостоятельность; но ведь «естественность» этих отношений соответствует более или менее понятному социальному инте-

ресу. Даже гетеросексуальные отношения предоставляют и другие возможности. Лесбийская любовь — это одна из попыток примирить независимость женщины с пассивностью ее плоти.

И если уж говорить о природных наклонностях, то можно заметить, что у любой женщины есть сексуальная тяга к лицам своего пола. Для лесбиянки характерен отказ от отношений с мужчиной и влечение к женской плоти; но ведь все девочки-подростки испытывают страх перед половым актом, страшатся господства мужчины, с некоторым отвращением относятся к мужскому телу; и напротив, для них, так же как для мужчин, женское тело является чем-то желанным.

Я уже говорила о том, что мужчины, подчеркивая свои качества субъекта, одновременно подчеркивают свою независимость от другого человека; рассматривать другого как вещь, которой можно овладеть, — это значит через другого утверждать в себе мужской идеал; напротив, женщина, признающая себя вещью, видит в себе подобных и в себе самой добычу. Педераст вызывает враждебное отношение со стороны гетеросексуальных мужчин и женщин¹, потому что они требуют, чтобы мужчина был властным субъектом, что касается лесбиянок, то к ним представители обоих полов относятся с безотчетной снисходительностью.

* * *

Часто различают два типа лесбиянок; «мужеподобные», или те, которые «хотят подражать мужчинам», и «женственные», то есть те, которые «боятся мужчин». Действительно,

---

¹ Случается, что гетеросексуальная женщина вступает в дружеские отношения с педерастом. Такие отношения, не имеющие ничего общего с сексом, забавляют ее, дают ей чувство безопасности. Однако чаще женщины враждебно относятся к подобным мужчинам, которые из величественного субъекта сами превращаются в пассивный предмет или превращают в него другого мужчину. — *Примеч. авт.*

в извращении наблюдаются две основные тенденции: некоторые женщины отвергают пассивность, другие же пассивно отдаются, но лишь в женские объятия; однако эти два типа поведения взаимодействуют, отношение к избранному или к отвергаемому объекту можно объяснить во взаимосвязи. По многим причинам, о которых речь пойдет ниже, указанное различие представляется нам довольно произвольным.

Говорить о «мужеподобной» лесбиянке, что она стремится «подражать мужчине», — значит утверждать, что она идет против своей природы. Я уже говорила о массе неточностей, возникающих из-за того, что психоаналитики принимают категории «мужчина — женщина» в том понимании, в каком они существуют в современном обществе. То есть мужчина считается представителем позитивного и нейтрального, в нем видят одновременно самца и представителя рода человеческого, женщина же представляет собой только негативное, она не более чем самка. Поэтому всякий раз, когда она ведет себя как представитель человеческого рода, о ней говорят, что она хочет уподобиться самцу. Ее занятия спортом, политикой, наукой, ее влечение к другим женщинам воспринимаются как «протест против засилья мужчин»; общество не желает видеть, что она стремится к завоеванию определенных ценностей, и поэтому расценивает ее субъективное поведение как выбор, противоречащий ее природе.

В основе такого восприятия лежит глубокое заблуждение: считается, что женский представитель человеческого рода по природе своей может быть лишь женственной женщиной; для того чтобы стать идеальной женщиной, недостаточно быть ни гетеросексуальной, ни даже матерью; «настоящая женщина» — это искусственный продукт, фабрикуемый цивилизацией, как когда-то фабриковались кастраты; так называемые «женские инстинкты» кокетства и покорности внушаются ей обществом точно так же, как мужчи-

не внушается гордость его половым членом. Но даже мужчина не всегда принимает свое мужское предназначение; у женщины же есть веские основания еще сильнее восставать против предназначенного ей жизненного пути. Такие понятия, как «комплекс неполноценности», «комплекс мужественности», напоминают мне анекдот, рассказанный Дени де Ружмоном в книге «Доля дьявола»; одной даме казалось, что во время прогулок за городом на нее нападают птицы; после длительного психоаналитического лечения, которое не избавило ее от этого наваждения, врач, прогуливаясь с ней в саду клиники, заметил, что на нее действительно нападают птицы. Женщины чувствуют себя приниженными, потому что требования, предъявляемые им обществом, действительно принижают их. В глубине души они хотят стать полноценными индивидами, свободными субъектами, располагающими своим будущим и всем миром. И если к этому стремлению примешивается стремление к мужественности, так это потому, что женственность в современном мире равнозначна неполноценности.

Из исповедей лесбиянок, первая из которых испытывает платоническую тягу к женщинам, а вторая — плотскую, приведенных в работах Хэвлока Эллиса¹ и Штекеля, явствует, что и ту и другую больше всего возмущает принадлежность к женской половине рода человеческого.

«Сколько себя помню, — говорит одна из них, — я никогда не считала себя девочкой и постоянно была в смятении. Около пяти или шести лет мне пришло в голову, что несмотря на то, что говорят окружающие, я если и не мальчик, то уж, во всяком случае, не девочка... Сложение моего тела казалось мне загадочной случайностью... Когда я еще едва начинала ходить, меня уже интересовали молотки и гвозди, мне хотелось сидеть верхом на лошади. К семи годам мне

---

¹ *Эллис Хэвлок* (1859—1939) — английский психолог и писатель. Автор работ по сексологии. — *Ред.*

стало ясно, что все то, что мне нравится, не годится для девочки. Я была очень несчастна, часто плакала и сердилась, меня донимали разговоры о мальчиках и девочках... Каждое воскресенье я отправлялась на прогулку с мальчиками из школы, где учились мои братья... В одиннадцатилетнем возрасте в наказание за мои наклонности меня отправили в пансион... К пятнадцати годам, о чем бы я ни размышляла, я всегда думала как мальчик... Я была полна сочувствия к женщинам... Я стала защищать их и помогать им».

Вот что рассказывает Штекель: «До шестилетнего возраста, несмотря на то что ей говорили окружающие, она считала себя мальчиком, по непонятным причинам одетым девочкой... В шесть лет она говорила себе: «Я стану лейтенантом, а если Бог сохранит мне жизнь, то и маршалом». Она часто видела себя в мечтах верхом на лошади, во главе армии, отправляющейся в поход. Она была очень способной, но расстроилась, когда из педагогического училища ее перевели в лицей, ей было страшно, что она станет слишком похожей на женщину».

Подобный бунт вовсе не означает, что девочке уготована судьба лесбиянки; многие девочки переживают такое же возмущение и даже отчаяние, когда узнают, что от того, что их тело сложено так, а не иначе, им навсегда придется отказаться от своих вкусов и стремлений; совершенно естественно, что будущую женщину возмущают ограничения, налагаемые на нее ее полом.

Вопрос о том, почему она их отвергает, некорректен, скорее следовало бы понять, почему она их принимает. Женский конформизм объясняется ее покорностью и робостью; но ее смирение легко может превратиться в бунт, если ей покажется, что общество не предоставляет ей достаточных компенсаций. Именно это происходит в тех случаях, когда девочка-подросток считает себя обделенной как женщина, именно в таких обстоятельствах ее анатомические данные

приобретают значение. Если девочка некрасива, плохо сложена или считает себя таковой, она может отказаться от женского жизненного пути, к которому чувствует себя малоспособной; но было бы неправильно говорить, что она делает выбор в пользу мужеподобного поведения для того, чтобы компенсировать недостаток женственности; скорее возможности, предоставляемые ей взамен преимуществ, которыми располагают мужчины, но которыми она должна пожертвовать, представляются ей слишком скудными.

* * *

Но даже хорошо сложенные и красивые женщины, вступающие на путь самостоятельной деятельности или просто свободолюбивые, отказываются жертвовать собой ради мужчины; они хотят реализовать себя через поступки, а не через имманентное присутствие. Мужское желание, превращающее их лишь в предмет любви, так же неприятно им, как оно неприятно юношам; покорные женщины вызывают у них такое же отвращение, какое мужественные мужчины испытывают к пассивным педерастам. Они избирают мужскую манеру поведения отчасти для того, чтобы подчеркнуть отсутствие какой бы то ни было близости между собой и покорными женщинами; они надевают мужскую одежду, ходят мужской походкой, говорят языком, свойственным мужчинам, образуют с женщиной-подружкой пару, в которой играют роль мужчины.

Подобная комедия — это действительно «протест против засилья мужчин», но она представляет собой лишь вторичный феномен; глубинным же является возмущение полного сил и независимого субъекта при мысли о том, что он должен превратиться в предмет для удовлетворения плотских желаний. Лесбиянками становятся многие спортсменки; они не могут смириться с тем, что их тело, знакомое с мускульным усилием, разрядкой, движением, порывом, пре-

вратится в пассивную плоть; их тело не жаждет чарующих ласк, оно активно взаимодействует с миром, отнюдь не являясь пассивным предметом; для них пропасть между телом для себя и телом для другого становится непреодолимой. Подобное сопротивление наблюдается также у деятельных женщин или женщин, занимающихся интеллектуальным трудом, для которых отречение от своей личности немислимо даже в плотских отношениях.

Если бы равенство полов стало фактом действительности, это препятствие во многих случаях было бы устранено, но мужчины по-прежнему убеждены в своем превосходстве, а такое убеждение мешает женщине, которая его не разделяет, строить свои отношения с мужчиной. Следует отметить в то же время, что наиболее волевые и властные женщины без колебаний вступают в схватку с мужчиной; так называемая «мужеподобная» женщина зачастую испытывает влечение только к мужчинам. Она не желает ни поступаться своим человеческим достоинством, ни жертвовать своей женской судьбой, поэтому предпочитает войти в мир мужчины или даже овладеть им. Обладая неутомимой чувственностью, она не боится грубой страстности мужчины; ей легче, чем робкой девственнице, преодолеть сопротивление собственного тела и познать наслаждение в отношениях с женщиной. Очень грубая и примитивная натура не видит унижения в половом акте; интеллигентная женщина, обладающая смелым умом, умеет его преодолевать; уверенная в себе, воинственная женщина весело вступит в поединок, из которого, как она убеждена, выйдет победительницей. Жорж Санд отдавала предпочтение молодым людям, «женственным» мужчинам, что же касается г-жи де Сталь, то она лишь с годами стала склоняться к молодым и красивым любовникам; по видимому, она совсем не чувствовала себя добычей мужчин, поскольку подавляла их мощью своего ума и с гордостью принимала их поклонение. Русская императрица Екатерина

могла даже позволить себе мазохистское упоение, поскольку и в любовных играх она оставалась непререкаемой повелительницей. Когда Изабелла Эхберардт в мужском костюме и верхом на лошади путешествовала по Сахаре, она нисколько не чувствовала себя униженной, отдаваясь какому-нибудь громадному пехотинцу. Женщина, не желающая подчиняться мужчине, отнюдь не всегда избегает его, чаще она пытается превратить его в орудие своего удовольствия. При благоприятных обстоятельствах — тут главная роль принадлежит партнеру — женщина просто забудет о противоборстве и будет полностью удовлетворена своей долей, точно так же как мужчина удовлетворен своей.

Как бы то ни было, женщине приходится значительно труднее, чем мужчине: ей нелегко примирить свою активную личность с пассивной ролью в сексуальных отношениях, поэтому многие женщины, вместо того чтобы тратить силы для достижения этой цели, просто отказываются от нее. Так, к лесбийской любви часто склоняются представительницы художественных и литературных кругов. И совсем не потому, что она является источником творческой энергии, а их сексуальное своеобразие свидетельствует о наличии какой-то высшей силы; дело скорее в том, что они заняты серьезной работой и не хотят терять время, разыгрывая роль женщины или вступая в борьбу с мужчиной. Они не признают верховенства мужчин и не хотят ни притворяться, ни бороться с ними; в любовных объятиях они ищут отдых, успокоение, развлечение и предпочитают не иметь дело с партнером, очень похожим на противника; таким образом они избегают женской зависимости от мужчины. Разумеется, часто «мужественная» женщина сознательно принимает свою женскую долю или отвергает ее в результате своего гетеросексуального опыта. Из-за пренебрежительного отношения мужчин у некрасивой женщины развивается чувство обездоленности; высокомерный любовник может оскорбить

гордую женщину. Все рассмотренные нами выше причины фригидности могут сыграть свою роль и при данном выборе. И чем сильнее недоверие, которое женщина испытывает к мужчине, тем весомее становятся все эти причины.

Однако для женщины, обладающей властной натурой, лесбийская любовь не всегда представляет собой абсолютно удовлетворительное решение проблемы сексуальных отношений; она стремится к самоутверждению, и тот факт, что она, как женщина, не может полностью реализовать свои возможности, ей неприятен; в гетеросексуальных отношениях она видит и унижение, и обогащение; отвергая ограничения, накладываемые ее полом, она в то же время лишается чего-то. Точно так же как фригидной женщине, несмотря на протест против удовольствия, хочется его испытать, лесбиянке нередко вопреки собственной воле хочется стать нормальной женщиной, женщиной в полном смысле этого слова.

* * *

Психоаналитики неоднократно отмечали, что отношения девочки с матерью могут в будущем стать причиной ее склонности к лесбийской любви. Есть два условия, при которых девочке-подростку трудно освободиться из-под власти матери: первое — это излишняя опека не в меру заботливой матери, а второе — дурное обращение «плохой матери», в результате которого у девочки возникло глубокое чувство вины. В первом случае отношения между матерью и дочерью сходны с лесбийской любовью; они спят в одной постели, ласкают друг друга, целуют друг другу грудь; это приводит к тому, что девочка ищет повторения уже испытанного счастья с другими женщинами. Во втором случае девочка страстно желает найти «хорошую мать», которая защитила бы ее от «плохой», освободила от тяготеющего над ней проклятия.

Если старшая женщина проявит инициативу, младшая с радостью примет и более страстные объятия. Обычно она играет пассивную роль, ей хочется чувствовать себя в чьей-то власти, под чьей-то опекой, нравится, чтобы ее баюкали и ласкали, как ребенка. Какими бы ни были эти отношения, платоническими или плотскими, они нередко превращаются в настоящую любовную страсть. Но поскольку они представляют классический этап в развитии девочки-подростка, они не могут прояснить причин окончательного выбора в пользу лесбийской любви. В подобных отношениях девушка ищет и освобождения и защиты, которые она могла бы найти также в объятиях мужчины.

Окончательный выбор в пользу лесбийской любви возможен, либо если девушка отвергает свою женскую натуру, либо если ее женская натура достигает наивысшего расцвета в объятиях другой женщины. Все это означает, что сосредоточенность девушки на ее отношениях с матерью не может быть объяснением извращения.

Важно подчеркнуть еще один факт; женщины склоняются к лесбийской любви не из-за того, что им претит превращение в объект; большинство лесбиянок, напротив, стремится к присвоению сокровищ своей женственности. Согласиться на превращение в нечто пассивное вовсе не значит отказаться от требований субъективности: оставаясь «вещью в себе», женщина надеется на самообретение, но в таком случае она пытается обрести себя еще и в качестве Другого. В одиночестве она не может достичь реального раздвоения; лаская свою грудь, она не может знать, ни что почувствовала бы рука постороннего при прикосновении к ее груди, ни как она сама реагировала бы на подобную ласку чужой руки; мужчина способен открыть ей глаза на существование ее плоти для себя, но не на то, что она есть для другого. Эффект полного зеркального отражения ощущений наступает только тогда, когда она ласкает тело женщины, которая в свою очередь ласкает ее тело.

Любовные отношения между двумя женщинами — это созерцание; ласки предназначены не для того, чтобы завладеть партнершей, а скорее для того, чтобы с ее помощью неторопливо воссоздать самое себя; разъединения больше не существует, нет также ни борьбы, ни победы, ни поражения; между ними возникает полная взаимность, каждая из них одновременно является и субъектом, и объектом, и госпожой, и рабыней. Они едины в своей двойственности. Двойственность превращается в согласие...

В большинстве случаев лесбиянки достигают в ласках полной взаимности. В связи с этим между ними нет четкого распределения ролей: так, инфантильная женщина может чувствовать себя как юноша рядом с немолодой женщиной, опекающей ее, или как любовница, опирающаяся на руку любовника. Они также могут быть равными в любви. Ввиду того, что партнерши принадлежат к одному полу, между ними возможны любые сочетания, перемещения, изменения ролей, им доступна любая игра воображения. Равновесие их отношений зависит от психологических наклонностей каждой из подруг и от ситуации в целом. Если одна из них помогает другой или содержит ее, на ее долю выпадают функции мужчины; она может играть роль тирана, покровителя, эксплуатируемого глупца, почитаемого господина и даже иногда сутенера; моральное, социальное или интеллектуальное превосходство может поставить одну из подруг на первое место; наиболее любимая из них может оказаться в привилегированном положении из-за страстного обожания любящей, формы объединения женщин, так же как формы объединения мужчины и женщины, весьма разнообразны; такие союзы могут быть основаны на чувстве, расчете или привычке; отношения в них могут приближаться к супружеским или носить романтический характер; в них можно встретить садизм, мазохизм, великодушие, преданность, верность, каприз, эгоизм, предательство; среди лесбиянок имеются как проститутки, так и возвышенные влюбленные.

Однако из-за некоторых обстоятельств подобные связи имеют особый характер. Они не освящаются официальными учреждениями или обычаями, не регулируются договорами, и поэтому они совершенно искренни. Отношения между мужчиной и женщиной, даже если они женаты, никогда не бывают до конца открытыми; особенно это касается женщины, которую мужчина всегда заставляет следовать каким-либо правилам: он требует от нее образцовой добродетели, очарования, кокетства, ребячества или серьезности; в присутствии мужа или любовника женщина никогда не чувствует себя совершенно свободной; с подружкой же ей не нужно ничего выставлять напоказ, притворяться, они настолько похожи друг на друга, что могут вести себя совершенно естественно. Благодаря сходству между ними возникает глубочайшая близость. В таких союзах эротика нередко занимает незначительное место; в них страсть не приобретает столь потрясающего и головокружительного характера, как в отношениях между мужчиной и женщиной, и не приводит к столь глубоким изменениям; по окончании плотских утех любовники не становятся чужими друг другу; у женщины мужское тело вызывает неприязнь, мужчина иногда испытывает к женскому телу равнодушие, смешанное с отвращением; в отношениях между женщинами плотская нежность ровнее, но продолжительнее; они не впадают в неистовый экстаз, но и не испытывают враждебного равнодушия; во взглядах и прикосновениях они находят спокойное удовольствие, тихое продолжение того, которое они испытывают в постели.

Большинство из них молчаливо избегают мужчин. Поведение лесбиянок, как и поведение фригидных женщин, объясняется отвращением, обидой, робостью и гордостью; они

понимают, что на самом деле в них мало сходства с мужчинами; в то же время к их женской обиде добавляется мужской комплекс неполноценности; в мужчинах они видят соперников, лучше, чем они, приспособленных для того, чтобы соблазнять, обладать и сохранять свою добычу; им ненавистна власть мужчин над женщинами, ненавистны «грязные» отношения, которые мужчины навязывают женщинам. Их раздражают социальные преимущества мужчин, они завидуют их физической силе.

Что может быть унижительнее, чем сознание невозможности вступить в схватку с соперником, понимание того, что он может сбить вас с ног одним ударом? Из-за такого сложного чувства враждебности некоторые лесбиянки ведут себя вызывающе: они общаются только между собой, образуют нечто вроде замкнутых сообществ, показывая тем самым мужчинам, что они не нуждаются в них ни в сексуальном плане, ни в повседневной жизни. Отсюда недалеко до бесполезной показухи, до вызывающего подражания мужскому поведению. Сначала лесбиянка разыгрывает из себя мужчину, затем в игру превращается само ее лесбийское состояние; мужская одежда из маскарадного костюма превращается для нее в необходимый опознавательный знак; она не согласилась замкнуться в жизненном пространстве женщины, но в то же время замуровала себя в жизненном пространстве лесбиянки. Сообщества независимых женщин отличаются крайней ограниченностью и противоестественностью. Добавим также, что многие женщины объявляют себя лесбиянками лишь из корыстного самолюбования и вполне сознательно прибегают к двусмысленному поведению, надеясь таким образом привлечь внимание мужчин, любителей «порочных» женщин. Из-за таких суетливых энтузиасток, а их-то мы чаще всего и замечаем, презрение к тому, что общественное мнение расценивает либо как порок, либо как позу, лишь усугубляется.

На деле лесбийская любовь не является ни сознательным извращением, ни роковым проклятием. Это жизненная позиция, избранная в силу тех или иных обстоятельств, то есть обусловленная и определенными причинами, и свободным выбором. Ни один из факторов, подталкивающих субъекта к подобному выбору, а среди них мы можем перечислить его физиологические данные, психологическое развитие и социальные обстоятельства, не является решающим, но все они одинаково важны для объяснения этого выбора.

Для женщины это один из способов решить проблемы, связанные с ее положением вообще и с ее эротическими особенностями в частности. Как и во всякой другой жизненной позиции, в ней возможно кривляние, неуравновешенность, неудачи и ложь, если она недобросовестна и пассивна или противоречит природе избравшего ее субъекта. Но она может также привести к прекрасным человеческим взаимоотношениям, если ей свойственны трезвость, великодушные и свобода.

Несмысленная низменность брака

Брак всегда представлял собой две абсолютно разные вещи для мужчины и женщины, несмотря на то, что мужчина и женщина необходимы друг другу. Женщины никогда не были кастой, вступающей в равноправные отношения с мужской кастой и заключающей с ней равноправные договоры. Мужчина — это независимый и полноценный член общества, на него смотрят прежде всего как на производителя, смысл его существования заключается в труде на благо общества.

Конечно, мужчина нуждается в женщине: некоторые народы, стоящие на низком уровне развития, презирают холостяков, неспособных в одиночку обеспечить свое существование; в деревне крестьянину нужна помощница; вооб-

ще большинство мужчин предпочитают перекладывать на спутниц жизни неприятные обязанности; мужчина стремится обеспечить себе постоянную сексуальную жизнь, хочет обзавестись потомством, да и общество требует от него продолжения рода.

Соответственно, женщину общество обязывает вступать в брак для выполнения двух функций, первая из которых — деторождение, а вторая функция женщины — это удовлетворение сексуальных потребностей мужчины и забота о его домашнем очаге. Ее общественной обязанностью считается служба мужу, который со своей стороны должен дарить ей подарки, оставлять наследство или содержать ее; именно через супруга общество воздает должное женщине, принесенной ему в жертву.

[При этом] общество всегда более или менее откровенно признавало полигамию; мужчина может завести сожительницу или любовницу, обратиться к услугам проститутки; но он обязан уважать некоторые привилегии законной жены. Если последняя подвергается дурному обращению или терпит какой-либо ущерб, у нее есть более или менее гарантированный выход: она может вернуться в свою семью, потребовать и получить право на раздельное жительство или развод. Следовательно, в браке у каждого из супругов есть свои обязанности и свои преимущества, но их положение неодинаково. Девушка может стать членом общества, только выйдя замуж; если она «остаётся в девках», то общество смотрит на нее как на неполноценное существо. Именно поэтому матери всегда так упорно стремились пристроить своих дочерей. В прошлом веке в буржуазных семьях мнение девушек по этому вопросу почти не учитывалось. Их предлагали потенциальным претендентам на заранее организованных «свиданиях».

Вступая в брак, женщина становится владычицей частицы мира; существуют официальные гарантии, предохра-

няющие ее от капризов мужчины, но она попадает к нему в зависимость. Именно он материально обеспечивает семью, и поэтому он же является ее воплощением в глазах общества. Женщина берет фамилию мужа, приобщается к его вере, входит в его сословие, его среду; она становится членом его семьи, его «половиной». Она следует за ним туда, куда он отправляется в силу своей деятельности; семья, как правило, живет там, где работает муж; женщина более или менее резко отрывается от своего прошлого и переходит в мир, к которому принадлежит ее супруг.

Брак во многих отношениях сохраняет традиционный облик. Прежде всего: девушке значительно важнее вступить в брак, чем молодому человеку. Существуют многочисленные социальные слои, в которых замужество является единственно возможной судьбой для женщины; в крестьянской среде к незамужней женщине относятся с презрением, она превращается в служанку отца, братьев, зятя, уехать же из деревни ей нелегко; вступая в брак, она попадает в зависимость к мужу, но в то же время становится хозяйкой в доме. Но даже и эмансипированные девушки предпочитают брак профессиональным занятиям из-за экономических привилегий, которыми обладают мужчины. Они стремятся выйти замуж за человека, занимающего более высокое положение в обществе, чем их собственное, или надеются, что муж «пойдет» быстрее и дальше, чем они сами.

В настоящее время так же, как и раньше, считается, что половой акт — это услуга, которую женщина оказывает мужчине; она доставляет ему удовольствие, и он обязан ее за это отблагодарить. Тело женщины — это вещь, которую можно купить; для женщины оно представляет собой капитал, который ей позволено использовать с выгодой для себя. Иногда она приносит мужу приданое, нередко берет на себя обязанность выполнять определенную домашнюю работу; содержать в порядке дом, воспитывать детей. Во всяком случае,

она имеет право жить на содержании мужчины, более того, традиционная мораль подталкивает ее к этому, Нет ничего удивительного, что такой легкий жизненный путь кажется ей привлекательным, тем более что женские профессии малоинтересны и плохо оплачиваются; замужество для женщины более выгодно, чем какой-либо другой образ жизни.

Одинокая женщина в глазах общества является ущербным существом, даже если она зарабатывает себе на жизнь; без обручального кольца она никогда не добьется полного уважения своей личности и не сможет пользоваться всеми своими правами. Так, материнство приносит уважение лишь замужней женщине, для матери-одиночки рождение ребенка — это тяжелое испытание. По всем этим причинам многие девушки Старого и Нового Света на вопрос об их планах на будущее отвечают так же, как отвечали когда-то их сверстницы: «Я хочу выйти замуж».

Что касается молодых людей, то ни один из них не смотрит на брак как на основную цель своей жизни. Для них необходимым условием достижения независимости взрослого человека является материальное благосостояние; иногда они добиваются его, вступая в брак — так нередко бывает в крестьянской среде, — но иногда эта цель препятствует их женитьбе. Из-за неустойчивости, неопределенности современной жизни обязанности молодого человека, связанные с его вступлением в брак, стали чрезвычайно тяжелыми, а выгоды значительно уменьшились; ведь он легко может заработать себе на жизнь и без труда удовлетворить свои сексуальные потребности. Конечно, вступая в брак, он получает определенные жизненные удобства («дома питаться лучше, чем в ресторане», «нет необходимости ходить в публичный дом») — не страдает больше от одиночества; с появлением семьи и детей он занимает определенное место во времени и пространстве, его жизнь становится наполненной. Несмотря на все это в целом, мужчин, не желающих всту-

пать в брак, больше, чем женщин. Отец не столько отдает дочь замуж, сколько стремится сбывать ее с рук; девушка, занятая поисками мужа, не просто отвечает на призыв мужчины, она его соблазняет.

Матери, старшие женщины, женские журналы цинично учат девушек искусству «ловить» мужа, как липкая бумага ловит мух; это «поиск», «охота», требующие большого умения: цель не должна быть ни слишком трудно, ни слишком легко достижимой; нужно быть реалисткой, а не витающей в облаках, кокетство должно перемежаться со скромным поведением; не следует требовать ни слишком много, ни слишком мало...

Однако, несмотря на свое желание выйти замуж, девушка нередко боится этого. Брак приносит ей больше выгод, чем мужчине, и поэтому она страстно к нему стремится, но в то же время он требует от нее больших жертв, в частности для нее это резкий разрыв с прошлым. Как уже говорилось, многих девушек пугает мысль о том, что им придется покинуть родительский дом. Когда минута расставания приближается, их тревога усиливается. Именно в этот период у многих девушек развиваются неврозы; они возникают иногда и у молодых людей, которые боятся своей новой ответственности, но у девушек они встречаются значительно чаще.

Бывает также, что девушка долго болеет, потому что внутренне не хочет выздоравливать; она в отчаянии от того, что ее, болезненное состояние не позволяет ей выйти замуж за человека, которого «она обожает»; на деле же она сама доводит себя до такого состояния для того, чтобы не выходить за него замуж, и выздоравливает только в случае, если помолвка расторгается. Иногда девушка боится вступать в брак из-за того, что у нее уже были эротические отношения и ей не удастся скрыть это. Например, если она лишилась девственности, ей страшно, что это станет извест-

но. Однако чаще мысль о том, что ей придется отдаться во власть чужого мужчины, невыносима ей потому, что она горячо любит отца, мать, сестру или глубоко привязана к родительскому дому.

* * *

«Супруг — это не любимый человек, а всего-навсего его заместитель», — сказал Фрейд. И в этом несовпадении нет ничего случайного. Оно вытекает из самой природы института брака, который существует не для того, чтобы обеспечить индивидуальное счастье мужчины и женщины, а для того, чтобы подчинить их экономический и сексуальный союз коллективным интересам... И речи быть не может о том, чтобы социальная сторона индивидуальной жизни была основана на сентиментальном или эротическом капризе.

У мужчины, поскольку именно он «берет» женщину в жены, и особенно если вокруг него много женщин, желающих выйти замуж, возможности выбора все же более широки. Что же касается женщины, то считается, что для нее половой акт — это лишь услуга, которую она обязана оказывать мужчине, и за которую она получает определенные выгоды. В связи с этим совершенно логично, что ее личные вкусы можно не принимать во внимание. Брак существует для того, чтобы защитить ее от своеволия мужчины, но ни любовь, ни индивидуальность не могут существовать в условиях несвободы. Попадая под покровительство мужчины, женщина, таким образом, вынуждена пожертвовать чувством любви, на которое способен лишь независимый индивид. Я слышала однажды, как набожная мать семейства говорила дочерям, что «любовь — это грубое чувство, свойственное только мужчинам и незнакомое порядочным женщинам». Ту же теорию, но в наукообразной форме излагает Гегель в «Феноменологии духа».

Все женщины должны довольствоваться одинаковыми радостями, не внося в них ничего индивидуального; это приводит к двум важным обстоятельствам, касающимся их эротической судьбы: во-первых, они не имеют никакого права на небрачные сексуальные отношения. Женщина, на которую общество смотрит главным образом как на продолжательницу рода, должна как таковая быть абсолютно незапятнанной. Кроме того, биологическая связь между общим и частным неодинакова у мужчин и женщин: мужчина, выполняя свои обязанности супруга и производителя, всегда испытывает удовольствие, у женщины же детородная функция и сладострастие не связаны между собой. Так что действительной целью брака, который, как считается, освящает эротическую жизнь женщины, является на самом деле ее уничтожение.

Еще не так давно ущемление сексуальных прав женщины воспринималось мужчинами как вполне естественная вещь; они, как известно, не видели в нем ничего страшного и, ссылаясь на законы природы, легко мирились с женскими страданиями; такова уж, считали они, ее участь. Эта успокоительная точка зрения укреплялась и библейским проклятием. Страдания, связанные с беременностью, — тяжкая цена, которую женщина платит за краткий миг призрачного наслаждения, — служили им темой для шуток. «Пять минут удовольствия, девять месяцев мук», «входит легче, чем выходит». Этот контраст нередко казался им смешным. Подобная философия не лишена садизма; ведь страдания женщин радуют многих мужчин, и им не нравится, что они могут быть облегчены¹. Поэтому не стоит удивляться тому, что

---

¹ Некоторые мужчины утверждают, например, что родовые муки необходимы для появления материнского инстинкта: по их словам, лани, которые рожают под действием анестезии, не желают вскармливать оленят. Но, во-первых, в доказательство они приводят малоубедительные факты, а во-вторых, женщины — это не лани. Истина заключается в том, что облегчение женского бремени возмущает мужчин. — *Примеч. авт.*

мужчины без всяких угрызений совести отказывали женщинам в праве на сексуальное удовлетворение; более того, они полагали, что целесообразно отказывать им не только в сексуальном удовольствии, но и в сексуальном желании.

Именно об этом с легким цинизмом говорит Монтень: «Вот и выходит, что допускать, состоя в этом почтенном и священном родстве, безумства и крайности ненасытных любовных восторгов — своего рода кровосмешение, о чем я, кажется, уже где-то говорил. Нужно, учит Аристотель, сдержаться с женой осторожно и сдержанно и постоянно помнить о том, что, если мы станем чрезмерно распалать в ней желание, наслаждение может заставить ее потерять голову и забыть о границах дозволенного... Мне неведомы браки, которые распались бы с большей легкостью или были бы сопряжены с большими трудностями, нежели заключенные из-за увлечения красотой или по причине влюбленности... Удачный брак, если он вообще существует, отвергает любовь и все ей сопутствующее... Даже те наслаждения, которые они вкушают от близости с женами, заслуживают осуждения, если при этом они забывают о должной мере, и что в законном супружестве можно так же впасть в распущенность и разврат, как и в прелюбодейной связи. Эти бесстыдные ласки, на которые толкает нас первый пыл страсти, не только исполнены непристойности, но и несут в себе пагубу нашим женам. Пусть лучше их учит бесстыдству кто-нибудь другой. Они и без того всегда готовы пойти нам навстречу... Брак — связанный и благочестивый союз; вот почему наслаждения, которые он нам приносит, должны быть сдержанными, серьезными, даже в некоторой мере строгими. Это должна быть страсть совестливая и благородная».

В самом деле, муж, пробуждающий чувственность в своей жене, пробуждает ее как таковую, поскольку женщина выходит замуж не в силу влечения к какому-либо индивиду. Таким образом, он подталкивает свою супругу к поиску

удовольствия в других объятиях. Слишком пылко ласкать женщину, говорит также Монтень, — это «гадить в корзину, которую вы собираетесь нести на голове». Впрочем, он честно признает, что из-за осторожности мужчины женщина оказывается в весьма невыгодном положении: «У женщины есть серьезные причины отвергать существующие в обществе жизненные правила, тем более что придуманы они мужчинами, без участия женщин. Конечно, между ними и нами бывают стычки, плетутся интриги. Кое в чем мы поступаем с ними легкомысленно: нам прекрасно известно, что по склонности и страсти к любовным утехам мы им в подметки не годимся...

Мы щедро вознаграждаем ее за воздержание, в противном же случае сурово караем... Нам хотелось бы, чтобы женщины были здоровы, сильны, пышны, упитанны и в то же время непорочны, то есть и страстны и холодны одновременно; ведь брак, который, как мы утверждаем, должен остудить их пыл, не приносит им облегчения из-за царящих у нас нравов».

Прудон менее щепетилен; по его мнению, «добропорядочность» требует, чтобы любовь была отделена от брака: «Любовь не должна главенствовать над добропорядочностью... любовные излияния неуместны ни между женихом и невестой, ни между мужем и женой, они разрушают уважение к домашнему очагу и трудолюбие, мешают выполнению общественного долга... (выполнив свои любовные обязанности)... мы должны отказаться от любви. Так пастух, сквашив молоко, отжимает из него творог...»

Однако в XIX веке буржуазные представления о любви несколько изменились. С одной стороны, буржуазия страстно желала защитить и укрепить брак, а с другой — из-за развития индивидуализма простое подавление женских требований стало невозможным. Право на любовь яростно защищали Сен-Симон, Фурье, Жорж Санд и представи-

тели романтизма. Возникла новая проблема: соединить брак с индивидуальными чувствами, которые, как считалось ранее, не имеют к нему отношения. Именно в это время появилось понятие «супружеская любовь», удивительное порождение традиционного брака по расчету. Идеи консервативной буржуазии, во всей их непоследовательности, были выражены Бальзаком. Он признает, что в принципе брак и любовь не имеют ничего общего, но ему неприятно уподоблять такой достойный уважения институт, как брак, обыкновенной сделке, в которой с женщиной обращаются как с вещью; в результате, читая его произведение «Физиология брака», мы постоянно сталкиваемся с удивительной непоследовательностью:

«С политической, гражданской и моральной точки зрения брак можно рассматривать как закон или контракт, как институт... следовательно, он должен вызывать всеобщее уважение. До сих пор общество видело лишь эти очевидные стороны брака и именно их считало основой супружеских отношений.

Большинство мужчин вступают в брак с целью воспроизведения, они хотят иметь собственных детей; но ни произведение, ни собственность, ни дети не могут составить счастье человека. *Crescite et multiplicamini*¹ не равнозначно любви. Во имя закона, короля и справедливости требовать любви от девушки, которую вы видели четырнадцать раз за две недели, — это нелепость, совершаемая большинством суженых».

Казалось бы, здесь все так же ясно, как в гегелевской теории. Однако Бальзак без всякого перехода продолжает: «Любовь заключается в согласии между потребностью и чувством, супружеское счастье — в абсолютном взаимопонимании супругов. Из этого вытекает, что мужчина, который

---

¹ Плодитесь и размножайтесь (*лат.*).

хочет быть счастливым, должен следовать определенным правилам чести и деликатности. Располагая правом, данным ему законом общества, освящающим потребность, он должен следовать тайным законам природы, под действием которых расцветают чувства. Если он видит свое счастье в том, чтобы быть любимым, он должен сам искренне любить. Ведь ничто не может противостоять истинной страсти. Но тот, кто полон страсти, всегда испытывает желание. Можно ли постоянно желать свою жену? Да».

После этого Бальзак говорит об искусстве брачной жизни. Однако мы скоро замечаем, что главной целью для мужа должна быть не любовь жены, а ее верность, и для того, чтобы оградить свою честь, муж должен постоянно указывать жене на ее слабости, препятствовать ее культурному развитию, держать в состоянии морального отупения.

И это называется любовью? Основной смысл этих туманных и бессвязных рассуждений сводится, по-видимому, к тому, что мужчина, используя свое право выбирать жену и удовлетворяя с ней свои потребности, должен вносить в отношения с ней как можно меньше индивидуального. Именно в этом Бальзак видит залог верности жены. В то же время муж, используя определенные приемы, должен пробудить любовь жены. Но если мужчина женится ради собственности и потомства, можно ли его назвать действительно влюбленным? А если он не влюблен, то откуда возьмется всепобеждающая страсть, в ответ на которую вспыхнет страсть жены? Неужели Бальзаку действительно неизвестно, что неразделенная любовь не только не вызывает ответных чувств, но докучает и вызывает отвращение?

* * *

«Примирение брака и любви — это такая сложная вещь, которая требует ни больше ни меньше как божественного

вмешательства» — таково мнение Кьеркегора¹, выраженное весьма сложным языком.

Он с удовольствием обличает свойственные браку парадоксы: «Брак, какое странное изобретение! Но что в нем самое странное, так это то, что его считают стихийным поступком. В действительности же это один из тех поступков, над которым долго размышляют... Разве можно себе представить, чтобы такой важный шаг предпринимался стихийно»².

«Трудность заключается в следующем: любовь и любовное влечение появляются абсолютно стихийно, брак же — это обдуманый шаг; в то же время любовное влечение должно пробуждаться после вступления в брак или после того, как принято решение о вступлении в брак, то есть при желании жениться; это значит, что самая стихийная на свете вещь должна в то же время совершаться в результате абсолютно свободно принятого решения; то, что из-за своей стихийности является до такой степени таинственным, что может быть объяснено лишь божественным вмешательством, должно совершаться в результате интенсивных размышлений, неминуемо приводящих к принятию решения. Кроме того, все должно происходить определенным образом: решение не должно незаметно следовать за любовным

---

¹ *Кьеркегор Серен* (1813—1855) — датский философ и писатель. Кьеркегор подверг критике основополагающий принцип гегелевской философии о тождестве мышления и бытия, указав на его тавтологичность и противопоставив ему существование (*existenz*) как то, что как раз и разделяет мышление и бытие. Полагая в качестве исходного пункта философии не вневременное всеобщее, но саму экзистенцию, Кьеркегор вместе с тем отрицает способность логического мышления понять ее, что обусловлено разными планами бытия логического и экзистенциального: а именно возможностью и действительностью. Широкую известность философия Кьеркегора получила только в XX в., оказавшись созвучной устремлениям экзистенциализма, принявшего иррационалистический пафос философии Кьеркегора, отказ разуму в познании «последних истин» бытия, открывающихся во «внезапности загадочного». — *Ред.*

² Кьеркегор. «*In vino veritas*». — *Примеч. авт.*

влечением, и то и другое должно появляться одновременно, в момент развязки, и любовь и решение должны быть налицо»¹.

Иными словами, любовь и брак — это не одно и то же, и совершенно непонятно, как любовь может превратиться в долг. Однако Кьёркегор не боится парадоксов, и вся его работа о браке написана для того, чтоб прояснить эту загадку. Он не отрицает, что действительно: «Размышление убивает стихийность... Если бы размышления на самом деле приводили лишь к любовному влечению, то брака бы не существовало». Но «решение отчасти принимается бессознательно, хотя ему предшествует размышление. Оно воспринимается как нечто абсолютно идеальное, оно так же стихийно, как любовное влечение. Решение это — религиозная концепция жизни, оно построено на этических принципах и должно открыть путь любовному влечению, предохранить его от внешней и внутренней опасности». Поэтому «супруг, настоящий супруг — это тоже чудо!.. Уметь сохранить радость любви, в то время как жизнь обрушивается всей тяжестью серьезных проблем на него и на его возлюбленную!».

Что касается женщины, рассудок не является ее сильной стороной, она не умеет «размышлять», поэтому «она переходит от непосредственной любви к непосредственному религиозному чувству».

Если перевести эту теорию на ясный язык, она означает, что решение любящего мужчины о вступлении в брак представляет собой акт веры в Бога, который призван гарантировать согласие между чувствами и обязанностями; что касается любящей женщины, то она просто стремится выйти замуж.

Но в таком случае любовное влечение в браке теряет существенность, брак становится общественным союзом, отрицающим индивидуальные эротические особенности. Се-

---

¹ Кьёркегор. «Разговоры о браке». — *Примеч. авт.*

годня американцы, которые почитают брак, но и являются индивидуалистами, делают все возможное для того, чтобы ввести секс в супружеские отношения. Ежегодно появляется множество книг о семейной жизни, имеющих целью облегчить процесс приспособления друг к другу супругов и, что особенно важно, научить мужчину строить счастливые и гармоничные отношения с женой. Психологи и врачи выступают в качестве «советников супругов»; общепризнано, что женщина так же, как мужчина, имеет право на удовольствие, и мужчина обязан знать приемы, которые помогут ему доставить ей удовольствие. Но, как мы знаем, удачные сексуальные отношения — это не просто дело техники. Даже если молодой человек выучил наизусть несколько десятков учебников вроде таких, как «Что должен знать каждый муж», «Тайны супружеского счастья». «Любовь без страха», то совершенно не очевидно, что он сможет вызвать любовь своей молодой жены. Она реагирует на психологическую ситуацию в целом, а традиционный брак отнюдь не создает благоприятных условий для пробуждения и расцвета женской эротики.

По законам гуманистической морали любой жизненный опыт должен быть человеческим и основанным на свободном движении души. Подлинно нравственная эротическая жизнь — это либо свободный всплеск желания и удовольствия, либо трепетная борьба за обретение свободы в области секса. Но все это возможно лишь в случае, когда любовь или желание приводят индивида к мысли о неповторимости партнера. Когда же сексуальные отношения перестают быть делом индивидов и передаются в ведение общества или Господа Бога, половые отношения между людьми превращаются в нечто низменное. Именно поэтому благонравные матроны с отвращением отзываются о плотских удовольствиях: они числят их среди тех функций тела, о которых неприлично говорить вслух. По той же причине свадебные застолья со-

провожаются двусмысленными шутками. Есть что-то парадоксально непристойное в том, что выполнение грубой животной функции предваряется пышной церемонией. Универсальное и отвлеченное значение брака состоит в том, что объединение мужчины и женщины, произошедшее на глазах у всех согласно символическим ритуалам, превращается в ночной тиши в ни для кого не видимое столкновение двух конкретных и неповторимых индивидов.

Мы уже писали о том, какое огромное внутреннее сопротивление должна преодолеть девственница, вступающая в сексуальную жизнь. В этот период в ней происходит огромная физиологическая и психическая перестройка. Глупо и бесчеловечно требовать от нее, чтобы этот процесс прошел за одну ночь. Абсурдно считать выполнением долга такую сложную операцию, как первое сокоупление. В этот момент она чувствует себя один на один со своей судьбой: мужчина, которому она будет всегда принадлежать, воплощает в ее глазах Мужчину вообще, он предстает перед ней в совершенно новом облике, приобретающем огромное значение потому, что отныне она всегда будет жить бок о бок с ним.

Однако и мужчина испытывает тревогу при мысли о том, что ему предстоит совершить; у него имеются собственные проблемы и комплексы, из-за которых он и становится робким, неловким или, наоборот, грубым. У многих мужчин торжественность бракосочетания парализует сексуальную потенцию. Жане пишет в работе «Навязчивые состояния и психастения»: «Кто не встречал стыдливых новобрачных, которым не удастся овладеть молодой женой и которые из-за этого впадают в отчаяние, чувствуют себя опозоренными? В прошлом году нам довелось присутствовать при довольно любопытной трагикомической сцене: разгневанный тесть притащил в клинику «Сальпетриер» своего тихого и покорного зятя. Тесть требовал медицинского свидетельства, которое позволило бы подать на развод. Несчастный мо-

лодой человек объяснял, что раньше у него все хорошо получалось, но после свадьбы из-за стеснения и стыда он ни на что не способен».

Слишком пылкая страсть пугает девушку, слишком уважительное отношение унижает. Некоторые женщины до конца своих дней ненавидят мужчину, который эгоистически думал лишь о своем удовольствии и не обращал внимания на их страдания, но они также всю жизнь таят обиду на того, кто, как им кажется, пренебрег ими, или на того, кто не счел нужным лишить их девственности в первую же ночь или не смог этого сделать.

Один из случаев, описанных Фрейдом, показывает, что импотенция мужа может нанести травму жене: «Одна больная обычно бегала из одной комнаты в другую, посреди которой стоял стол. Там она особым образом складывала скатерть, звала служанку, а когда та подходила к столу, отсылала ее... Пытаясь объяснить это наваждение, она вспомнила, что на скатерти было скверное пятно, и она каждый раз старалась положить ее так, чтобы служанка сразу его увидела... Вся эта сцена воспроизводила ее первую брачную ночь, когда муж показал свою слабость как мужчина. Он много раз прибегал в ее спальню из своей для того, чтобы сделать новую попытку. Он стыдился служанки, которая стелила постель, и поэтому запачкал простыню красными чернилами, чтобы служанка подумала, что это кровь»...

Если не принимать во внимание случаи исключительного счастья, муж представляется жене или распутником, или беспомощным юнцом. В связи с этим неудивительно, что для женщины «выполнение супружеского долга» нередко становится тяжелой и неприятной обязанностью. Ей тяжело подчиняться нелюбимому повелителю, пишет Дидро в трактате «О женщинах»: «Я видел, как одна порядочная женщина содрогалась от отвращения при приближении мужа; я видел, как после выполнения супружеских обязан-

ностей она подолгу лежала в ванне, потому что ей казалось, что она никак не может смыть эту грязь. Нам почти неведомо подобное чувство отвращения. Мы менее ранимы. Многие женщины умирают, не познав восторгов сладострастия. Они редко испытывают эти ощущения, которые я бы сравнил с приступом эпилепсии, и которые мы можем испытать всякий раз, когда этого желаем. Даже в объятиях обожаемого мужчины им не дано достичь высшего блаженства. Мы же можем испытать его в объятиях услужливой женщины, которая вовсе нам не нравится. Они хуже, чем мы, владеют своими чувствами, и поэтому наивысшее удовольствие приходит к ним медленнее и реже. В очень многих случаях их ожидания оказываются обманутыми».

Действительно, немало женщин становятся матерями и бабушками, никогда не испытав ни удовольствия, ни даже желания; они стараются уклониться от выполнения этого «грязного долга» и для этого добывают медицинские справки или придумывают какие-либо иные предлоги. В то же время, как нам известно, эротическая потенция женщин почти неисчерпаема. Это противоречие наглядно показывает, что брак, который, как утверждают, упорядочивает женскую эотику, на самом деле убивает ее.

* * *

Брак в принципе представляет собой нечто непристойное, поскольку он вводит понятия прав и обязанностей в отношения, в основе которых должен лежать свободный порыв. Обрекая людей на сексуальные взаимоотношения без учета их индивидуальных склонностей, брак придает телу постыдное сходство с орудием. Нередко муж леденеет при мысли о том, что он исполняет свой долг, а жене непереносимо стыдно оттого, что человек, который находится рядом с ней, всего-навсего пользуется своим правом.

Девушка подвергается огромной опасности, беря на себя обязательство всю жизнь спать с одним, и только с одним, мужчиной, сексуальные возможности которого ей неизвестны. Ведь ее эротическая судьба в большой мере зависит от личности партнера. Именно об этом парадоксе Леон Блюм¹ говорит с вполне обоснованным осуждением в своей работе «Брак»: «Лишь лицемер может полагать, что союз, основанный на обычаях, может перерасти в любовь; совершенно нелепо требовать, чтобы супруги, связанные практическими, социальными и моральными интересами, всю жизнь желали друг друга».

В то же время сторонникам брака по расчету действительно не составляет никакого труда доказать, что у тех, кто женится по любви, не так уж много шансов на счастье. Во-первых, идеальная любовь, которую испытывает девушка, не всегда располагает ее к сексуальной любви; ее платоническое обожание, ее мечтания и страсти, в которых отражаются ее детские и девические мысли и представления, недолговечны, они не выдерживают испытания повседневной жизнью. Даже если между нею и ее женихом возникает искреннее и глубокое эротическое влечение, оно не может стать прочной основой для долгой совместной жизни.

Во-вторых, плотская любовь, даже если она существует до свадьбы или возникает сразу после нее, почти никогда не длится годами. Конечно, сексуальная любовь нуждается в верности, потому что взаимное желание двух влюбленных делает их отношения сугубо индивидуальными и неповторимыми. Они не хотят, чтобы сексуальные отношения с третьими лицами разрушили эту неповторимость, они хотят быть незаменимыми друг для друга; но верность имеет смысл лишь до тех пор, пока она стихийна. Однако стихийные эротические чары довольно быстро рассеивают-

---

¹ Блюм Леон (1872—1950) — французский писатель и политический деятель. — Ред.

ся. Чудо эротических чар состоит в том, что перед каждым из любовников предстает в своем телесном воплощении существо, суть которого заключается в бесконечной иррациональности; конечно, подчинить себе такое существо невозможно, но с ним можно слиться в особом, трепетном порыве. Когда же два индивида не стремятся более к слиянию, потому что между ними возникли вражда, отвращение или равнодушие, эротическое влечение исчезает; почти так же неизбежно оно исчезает и в том случае, когда любовников связывает взаимное уважение и дружба. Ведь два человека, испытывающих одинаковую иррациональную тягу друг к другу в жизненных обстоятельствах и общих делах, не обязательно ощущают потребность в телесном слиянии; более того, подобное слияние, потерявшее свою былую значимость, вызывает у них отвращение.

Слово «кровосмешение», которое употребляет Монтень, очень точно определяет суть происходящего. Эротическое влечение — это движение к Другому, в этом его основной смысл; однако семейная жизнь приводит к тому, что супруги становятся как бы одной личностью; им нечем обмениваться, они ничем не могут одарить друг друга, в их отношениях нет места борьбе и победам. Поэтому, если между ними сохраняются плотские отношения, они нередко воспринимаются как нечто постыдное; супруги чувствуют, что для них половой акт перестал быть формой возвышенных межличностных отношений и превратился в нечто вроде взаимной мастурбации. Из вежливости супруги скрывают тот факт, что они смотрят друг на друга как на орудия, необходимые для удовлетворения их потребностей, но, когда подобные правила вежливости не соблюдаются, он становится совершенно очевидным.

Впрочем, такое грубое удовлетворение потребностей неспособно утолить сексуальное желание человека. Поэтому нередко к самым законным, казалось бы, сексуальным от-

ношениям примешивается что-то порочное. Многие женщины, совокупляясь с мужем, дают волю эротической фантазии. Штекель рассказывает об одной двадцатипятилетней женщине, которая «может испытать с мужем легкий оргазм, только представляя себе, что какой-то сильный и уже немолодой мужчина грубо овладевает ею против ее воли. Она воображает, что ее насилюют, бьют, что она находится не с мужем, а с другим мужчиной».

Мужчина также предается подобным мечтаниям; лаская жену, он воображает, что ласкает бедра какой-либо танцовщицы, которую видел в мюзик-холле, или грудь миловидной женщины, фотографией которой он любовался. Пищей для воображения может служить воспоминание или какой-либо образ. Случается, что он представляет себе, как кто-то соблазняет его жену, обладает ею или насилует ее, благодаря таким картинам он снова видит в ней другого человека, то есть возвращает ей свойство, которое она утратила.

«Супружеские отношения, — говорит Штекель, — способны приводить к причудливым изменениям и извращениям, супруги становятся тонкими актерами, разыгрывающими такие комедии, которые могут разрушить всякие границы между видимостью и реальностью».

В крайних случаях возникают вполне определенные пороки; муж начинает предаваться скопофилии, ему необходимо видеть свою жену обнаженной или знать, что у нее есть любовник, только при этом условии она приобретает для него определенное очарование; иногда он с садистской настойчивостью отбивает у нее влечение к нему, желая видеть ее вновь независимой и свободной для того, чтобы иметь возможность обладать полноценным человеческим существом.

У женщин, которые стремятся пробудить в муже повелителя и тирана, каковым он не является, напротив, возникают мазохистские наклонности. Я знала одну даму, воспи-

танную в монастыре, очень набожную, днем властную и не терпящую возражений, которая по ночам страстно умоляла мужа отстегать ее, что ему и приходилось делать, преодолевая ужас.

Но и сам порок приобретает в браке организованную, холодную и серьезную форму, это самый печальный результат, к которому может привести супружеская жизнь. Истина заключается в том, что физическая любовь не может быть ни самоцелью, ни простым средством; она не может стать смыслом жизни, но в то же время ее смысл тесно связан с человеческой жизнью. Это значит, что в жизни любого человека ей должна отводиться эпизодическая и автономная роль. Иными словами, она должна быть свободной.

Манихейство домашнего очага

В эпохи процветания и спокойствия счастье было идеалом всей буржуазии, и крупной земельной буржуазии в особенности. Эта последняя стремилась не к будущему завоеванию мира, а к мирному сохранению прошлого, к поддержанию статус-кво. Золотая середина, лишённая честолюбия и страстей, череда бесконечно повторяющихся и ни к чему не приводящих дней, тихое скольжение жизни, оканчивающееся смертью, без поисков высоких целей...

Но сегодня эта псевдомудрость, восходящая отчасти к Эпикуру и Зенону, утратила свое значение. Сохранение и воспроизведение мира без каких бы то ни было изменений не кажется ни желательным, ни возможным. Мужчина призван действовать; производить, сражаться, создавать, двигаться вперед, сливаться со всей вселенной, заглядывать в бесконечное будущее. Однако традиционный брак не позволяет женщине достигать таких же высот, которые доступны мужчине; он обрекает ее на имманентное существование. Ее удел — создавать размеренную жизнь, в которой настоящее

уходит корнями в прошлое и поэтому не страшится опасностей будущего. Другими словами, ее миссия состоит именно в том, чтобы создавать счастье. Если она и не любит мужа, то, во всяком случае, уважает его, испытывает к нему теплые чувства, которые обычно называют супружеской любовью, Домашний очаг, отданный в ее распоряжение, составляет для нее целый мир; именно она обеспечивает продолжение человеческого рода во времени. И все-таки ни один человек не способен пренебречь иррациональной частью своей личности, даже тот, кто упрямо отвергает ее существование. Буржуазия недавнего прошлого полагала, что, сохраняя установившийся порядок, прославляя его своим богатством, она служит Богу, своей стране, определенному политическому строю, цивилизации; по ее мнению, быть счастливым означало соответствовать призванию человека. Женщине необходимо сознавать, что счастливая семейная жизнь также служит более высоким целям и связующим звеном между женщиной, живущей вдали от общества, и миром является мужчина; только благодаря ему ее существование, заполненное мелочными заботами, приобретает общественное значение. Супруг, черпающий из своих отношений с женой силы для той или иной деятельности или борьбы, оправдывает ее существование; ей остается лишь препоручить ему свою жизнь, и он придаст ей смысл.

От женщины же ждут скромного самоотречения; в награду за это она получает руководство и защиту, которые избавляют ее от изначального человеческого одиночества; она становится необходимой. Матка в своем улье, мирно живущая незаметной жизнью, но в то же время влекомая мужем в бесконечное время и безграничное пространство, супруга, мать, хозяйка дома, словом, женщина находит в браке и жизненные силы, и смысл жизни. Посмотрим теперь, во что этот идеал выливается в реальности.

Материальным воплощением вышеописанного идеального счастья всегда был дом, будь то хижина или дворец, именно он символизирует постоянство и изоляцию от мира. В его стенах семья превращается в отдельную ячейку, приобретает свой облик в результате смены поколений. Прошлое, хранимое в его обстановке и портретах предков, является залогом безмятежного будущего. Размеренное чередование времен года распознается по созреванию плодов в саду. Каждый год с наступлением весны одни и те же цветы предшествуют неизбежному приходу лета и осени, поры сбора всегда одних и тех же фруктов. Ни время, ни пространство не стремятся к бесконечности, они послушно движутся по кругу. В любой цивилизации, основанной на земельной собственности, существует обширная литература, воспевающая очарование и добродетели дома. В романе Анри Бордо, который так и называется: «Дом», дом является средоточием всех буржуазных ценностей; верности прошлому, терпения, экономности, предвидения, любви к семье, к родной земле и т.д. Нередко достоинства дома воспеваются женщинами, поскольку забота о счастье семейной группы входит в круг их обязанностей. Ведь с тех давних времен, когда *domina*¹ располагалась внутри атриума, именно они являются «хозяйками дома».

Сегодня дом потерял свое патриархальное величие. Для большинства мужчин это просто жилище, никак не связанное с памятью об ушедших поколениях и не накладывающее свою печать на будущее. Однако женщины до сих пор стараются придать своему «гнездышку» тот смысл и ту ценность, которыми когда-то обладал настоящий дом. В романе «Консервный ряд» Стейнбек рассказывает о бездомной

---

¹ Госпожа, хозяйка (лат.).

женщине, которой во что бы то ни стало хочется украсить ковриками и занавесками свое жилище — старый брошенный котел. Муж не может понять, для чего нужны занавески, если нет окон, но она не желает его слушать.

Забота о домашнем уюте свойственна только женщине. Однако нельзя сказать, что необходимость ограничить свой мир рамками жилища не вызывает в ней сожаления. Ведь в юности, наслаждаясь красотой природы, она чувствовала свою близость ко всему миру. Теперь же, когда она живет в ограниченном пространстве, вместо горизонта она видит стены, а символом Природы становится цветок герани.

И женщина всеми силами старается компенсировать ограниченность своего жизненного пространства. Сообразуясь со своими средствами, она заводит в доме растения и животных, приобретает предметы, рассказывающие об экзотических странах или о прошедших эпохах. Она привязывает к дому мужа, через которого для нее осуществляется связь с обществом, и ребенка, в котором для нее воплощается все будущее. Дом становится для нее центром мира, единственной реальностью. По справедливому замечанию Башлара, он представляет собой «нечто противоположное миру или же мир противоположного». Это приют, пристанище, пещера, чрево, защита от исходящей извне опасности, он становится единственной реальностью, в то время как внешний мир отодвигается, становится нереальным.

Украшая свой дом бархатом, шелком, фарфором, женщина удовлетворяет осязательную чувственность, которая обычно не находит удовлетворения в эротических отношениях. В этом украшении проявляется также ее индивидуальность, именно она выбирает, мастерит или «откапывает» мебель и безделушки, именно она расставляет их в доме, руководствуясь определенными эстетическими требованиями, главным из которых обычно бывает симметрия. Внутренний вид жилища не только свидетельствует о жизнен-

ном уровне хозяйки, но и отражает ее индивидуальность. Итак, жилище женщины — это то, чем ей суждено владеть в этой жизни, в нем отражается как ее социальный статус, так и ее наиболее индивидуальные черты. Поскольку она ничего не создает, она страстно ищет смысл своего существования в том, что имеет.

* * *

Но существо, которое стирает, гладит, подметает, вычищает пыль из темных углов, конечно, не подпускает к себе смерть, однако и не живет настоящей жизнью. Время способно одновременно и создавать, и разрушать, и хозяйка видит лишь его разрушительную сторону. У нее вырабатывается манихейское отношение к жизни.

Ведь сущность манихейства заключается не только в признании равноправия добра и зла, но и в том, что, согласно этой доктрине, добро достигается не положительными действиями, а уничтожением зла. В этом отношении у христианства, хотя оно и признает существование дьявола, мало сходства с манихейством, ибо, по его законам, победу над дьяволом одерживают не постоянной борьбой с ним, а посвящая себя служению Богу.

В любом учении о возвышении души и обретении свободы поражение зла подчинено торжеству добра. Но женщине не суждено совершенствовать мир; ведь она постоянно имеет дело с домом, комнатами, грязным бельем и паркетом, то есть с вещами, не подверженными изменениям. Ее задача — постоянно изгонять из них злое начало. Она борется с пылью, пятнами, грязью, противостоит греху, сражается с сатаной. У нее невеселая судьба: ей не дано познать стремления к положительной цели, ее удел — без усталости отражать происки врага.

Нередко женщина-домохозяйка смиряется с этим, подавляя бессильное бешенство. Говоря об этом явлении, Баш-

лар употребляет слово «злоба», то же слово встречается в трудах психоаналитиков. По их мнению, свойственное домохозяйкам неистовство представляет собой форму садомазохизма. Сущность мании или порока заключается в том, что они заставляют свободного индивида стремиться к тому, чего он в действительности не хочет. Чем ненавистнее одержимой хозяйке ее постоянная борьба с грязью и злом, отсутствие в ее жизни положительных устремлений, тем яростнее она выполняет свои обязанности, тем выше оценивает значение своей судьбы, которая, в сущности, вызывает в ней протест. Ее война с мусором, возникающим в результате любой жизнедеятельности, перерастает в войну с самой жизнью. При виде живого существа, входящего в ее владения, в глазах у нее загорается недобрый огонек. «Вытирай ноги, не переворачивай все вверх дном, не трогай это». Если бы она могла, она запретила бы членам своей семьи дышать, такая угроза таится для нее даже в дыхании.

Все, что происходит вокруг, может обернуться для нее новым, неблагодарным трудом, например, если падает ребенок, значит, придется чинить его разорванную одежду. Поскольку она постоянно сталкивается с процессами разложения и вынуждена заниматься работой, не имеющей конца, она теряет любовь к жизни, взгляд ее становится тяжелым, выражение лица — серьезным и озабоченным, она живет в постоянной тревоге и ищет спасения в осмотрительности и скупости. Окна она не открывает: вместе с солнцем в дом могут попасть насекомые, микробы и пыль. К тому же солнце портит обои; старые кресла закутаны в чехлы и посыпаны нафталином; если их открыть, они выцветут. Даже демонстрируя свои сокровища гостям, она не испытывает настоящего удовольствия; вещи, выставленные на всеобщее обозрение, могут потерять свой блеск. Постепенно ее настоятельность перерастает в подозрительность и даже враждебность ко всему живому. Рассказывают же о провинциаль-

ных хозяйках, которые для того, чтобы убедиться, что на мебели нет пыли, проводят по ней рукой в белой перчатке.

Фригидные или обездоленные женщины, старые девы, разочаровавшиеся в своих мужьях жены или женщины, которых слишком властные мужья обрекают на уединенное и бессмысленное существование, с удовольствием погружаются в нервное возбуждение и обиды. Я знала одну пожилую женщину, которая каждый день вставала в пять часов и принималась наводить порядок в шкафах. Вместе с мужем, который обращал на нее мало внимания, и единственным ребенком она безвыездно жила в имении, не имея никаких связей с внешним миром. Она оглушала себя наведением порядка, как другие оглушают себя вином. Действительно, благодаря хозяйственным хлопотам женщина, сама того не замечая, бежит от самой себя. Вот что говорит по этому поводу Шардон: «Это кропотливая и неупорядоченная работа без начала и конца. Из-за нее женщина, уверенная в том, что она нравится своему мужу, быстро перестает за собой следить, опускается, погружается в умственную пустоту и погибает как женщина...».

Причина бегства от самой себя, садомазохизма, заставляющего женщину направлять всю свою энергию на домашнюю работу и забывать о самой себе, нередко кроется в сексуальных отношениях. Поразительно, что страсть к чистоте доходит до крайних форм в Голландии, стране, женщины которой известны своей холодностью, и в пуританских обществах, в которых плотским радостям противопоставляется идеал порядка и непорочности. И отнюдь не отсутствием воды можно объяснить тот факт, что на Средиземноморском побережье грязь не мешает людям наслаждаться жизнью: они любят плоть, животные стороны жизни и поэтому запах человеческого тела, нечистоплотность и даже кишасшие насекомые не противны им.

...Приготовление пищи — это более полезная и более приятная работа, чем уборка. Сначала необходимо сходить за покупками, а это одно из самых приятных занятий для многих хозяек. Женщине тяжело переносить свою оторванность от мира, тем более что однообразная повседневная работа не дает пищи для ее ума. В южных городах женщины с удовольствием шьют, стирают, чистят овощи, сидя на пороге дома и переговариваясь с соседками. Для живущих заперти мусульманских женщин поход к реке за водой становится настоящим событием. Однажды в деревушке Кабили я видела, как женщины сломали колонку, поставленную там по распоряжению администрации. Ведь их лишали единственного развлечения: каждое утро спускаться всем вместе в долину, к воде. Встречаясь в магазинах, в очередях или на улицах, женщины ведут разговоры, благодаря которым утверждаются «хозяйственные ценности», которые вызывают у них ощущение собственной значимости. Они чувствуют себя членами сообщества, которое, хотя бы на короткое время, противопоставляет себя обществу мужчин как нечто существенное чему-то несущественному. Но кроме того, делать покупки — это большое удовольствие, покупка — это открытие, почти изобретение. Так общества, в которых процветает торговля, удовлетворяют свою тягу к поэзии и приключениям. Хозяйкам несвойственно предаваться бесцельным играм; но ведь крепкий кочан капусты или хороший камамбер — это тоже сокровище, и, поскольку торговец всегда старается смошенничать, эти сокровища у него надо выманить. Торговец и покупательница борются между собой, прибегая к различным уловкам, при этом покупательница стремится приобрести лучший товар как можно дешевле. Значение, которое она придает каждому выторгованному грошу, невозможно объяснить лишь желанием свести концы с концами; это игра, в которой ей хочется одержать победу. Хозяйка, придирчиво осматривающая лотки, — это

повелительница: мир со всеми его богатствами и подвохами лежит у ее ног, и она берет себе добычу по вкусу, Дома, выкладывая покупки на стол, она переживает краткий миг триумфа. Консервы и непортящиеся продукты она убирает в шкаф, это запас на будущее. И с удовольствием поглядывает на беззащитные овощи и мясо, с которыми она поступает по своей прихоти.

С появлением газа и электричества магия огня исчезла. Но многим деревенским женщинам еще знакомо радостное чувство, возникающее при превращении мертвой древесины в живое пламя. Женщина, разжигающая огонь, превращается в колдунью. Простым движением руки, взбивая яйца, меся тесто и разжигая огонь, она совершает превращения предметов; материя становится пищей. Неудивительно, что девочки, подражая взрослым женщинам, любят играть в приготовление пищи. Они «понарошку» готовят обед из извести и травы; с удовольствием забавляются с игрушечной плитой, радуются, когда матери разрешают им размять тесто для пирога или разрезать горячую карамель.

Но и о приготовлении пищи можно сказать то же, что мы говорили о наведении чистоты: то, что часто повторяется, быстро надоедает. У индейцев, которые питаются главным образом кукурузными лепешками, из века в век в каждом доме женщины целыми днями месят, пекут, подогревают и снова месят и пекут совершенно одинаковые лепешки и не находят никакого очарования в этом занятии. В ежедневном хождении по магазинам нелегко увидеть поиски спрятанного сокровища, начищенный до блеска кран тоже неспособен долго радовать женщину. Этими прелестями склонны скорее поэтически восторгаться писатели и писательницы, поскольку им либо вовсе не приходится заниматься хозяйством, либо приходится заниматься крайне редко. Но если делать эту работу ежедневно, она становится однообразной и выполняется механически. Она постоянно прерывается жи-

данием чего-то; нужно подождать, пока закипит вода, пока будет готово жаркое, пока высохнет белье.

А если домашняя работа добавляется к профессиональным занятиям, она превращается в непосильное бремя. (Следует учесть, кроме всего прочего, что работница и служащая в противоположность домашней хозяйке тратят время на транспорт). Уход за детьми, особенно если их много, значительно увеличивает количество работы, выполняемой женщиной, в бедных семьях матери целыми днями хлопочут до изнеможения. И напротив, женщинам из обеспеченных слоев населения, которые имеют возможность нанимать прислугу, почти нечего делать. Однако за безделье они расплачиваются скукой, из-за которой многие из них придумывают себе невысказанные сложные обязанности, более изнурительные, чем работа по какой-либо специальности. Одна из моих подруг, у которой бывали приступы нервной депрессии, говорила мне, что, когда она хорошо себя чувствует, она справляется с домашними обязанностями играючи и у нее остается время для занятий, требующих значительно больше сил и внимания. Когда же из-за приступа невращения эти занятия становились для нее недоступными, она целыми днями возилась с хозяйственными делами и все равно не могла их переделать.

Самое грустное заключается в том, что у этой работы нет длительно существующего результата, Женщина склонна видеть в ней самоцель, и чем больше сил и времени она отдает этой работе, тем сильнее эта склонность. Любуясь пирогом, который она вынула из духовки, она вздыхает, так ей жаль, что его сейчас съедят! Ей досадно, что муж и дети ходят по натертому паркету и пачкают его. Вещи, которыми пользуются, ломаются или пачкаются. Поэтому ей бы хотелось, чтобы до них никто не дотрагивался. По этой причине одна хозяйка прячет варенье до тех пор, пока оно не заплесневеет, другая держит под замком мыло. Но ход вре-

мени остановить невозможно. В продуктах, если их долго хранить, заводятся черви, их поедают крысы. Одеяла, занавески и одежду портит моль. Мир сделан не из камня, а из сомнительной субстанции, подверженной разложению. Съедобные вещества так же двусмысленны, как освежаванные чудовища на картинах Дали: они кажутся неизменными, лишены жизни, но на самом деле невидимые силы превращают их в разлагающийся труп. Хозяйка, которая вкладывает душу в вещи, так же как и сами вещи, зависит от изменений, происходящих во внешнем мире: белье желтеет, жаркое подгорает, фарфор бьется, и все это непоправимые бедствия, ведь испорченная вещь утрачивается безвозвратно. А если так, то, значит, в них невозможно найти устойчивую опору.

* * *

В целом в сегодняшнем обществе брак — это пережиток старозаветных нравов. Поэтому положение супруги резко ухудшилось: на нее возлагаются все традиционные обязанности, но при этом она не располагает традиционными правами. Она обязана выполнять домашнюю работу, не получая взамен ни вознаграждения, ни почета. Современный мужчина женится для того, чтобы укрепиться в имманентности, но не для того, чтобы замкнуться в ней. Он хочет иметь домашний очаг, но не желает быть его пленником, он заводит семью, но втайне сохраняет замашки холостяка, он не презирает семейное счастье, но и не стремится к нему как к единственно стоящей цели. Однообразие вызывает у него скуку, он ищет чего-то нового, хочет рисковать, преодолевать препятствия. Ему необходимы товарищи и друзья, которые не дают ему полностью погрузиться в семейные отношения. Еще в большей степени, чем муж, за рамки семьи стремятся выйти дети. Для них настоящая жизнь те-

чет не в семье, она в будущем. Ребенок всегда стремится к чему-то новому. Женщина пытается создать мир, основанный на постоянстве и преемственности; муж и дети стремятся выйти за пределы этого мира, который они воспринимают как нечто само собой разумеющееся. Поэтому женщины, которым неприятно сознавать, что их услуги в любой момент могут оказаться ненужными, начинают навязывать их силой. В этом случае за обликом матери и хозяйки начинается проглядывать мачеха и мегера.

Известно, что женщины, искренне оплакивающие отсутствие мужей, с радостным удивлением обнаруживают в себе способности, о которых даже не подозревали: оказывается, они могут без посторонней помощи управлять делами, воспитывать детей, принимать решения. Они страдают, когда мужья, возвращаясь, вновь обрекают их на недееспособность. Брак подталкивает мужчину к капризному владычеству: ведь желание господствовать — самое распространенное и непобедимое из всех желаний. Отдавая ребенка во власть матери, а жену во власть мужа, мы способствуем укоренению тирании в обществе. Нередко супругу мало того, что жена восхищается им, одобряет его поступки, слушается его советов, видит в нем наставника. Он приказывает, разыгрывает из себя повелителя. Обиды, накопившиеся в нем за всю жизнь, начиная с детства, недовольство, растущее в нем из-за задевающих или ранящих его отношений с людьми, — все это он выплескивает дома, требуя от жены безоговорочного подчинения. Он хочет выглядеть грозным, непобедимым и неумолимым. Поэтому он отдает суровые приказания, а иногда и кричит, стучит кулаком по столу. Такое нелепое поведение мужа является для женщины повседневной действительностью. При этом муж настолько убежден в своей правоте, что малейший намек на независимое поведение женщины кажется ему бунтом. Будь его воля, он и дышать самостоятельно не позволил бы ей. Однако женщи-

ны, случается, восстают. Даже те женщины, которые в начале супружеской жизни высоко ставят мужской авторитет, быстро теряют уважение к нему. Как ребенок в один прекрасный день вдруг осознает, что его отец не такая уж важная персона, так и супруга довольно скоро начинает понимать, что рядом с ней живет не достойный всяческого почитания Властелин, Вождь и Учитель, а простой мужчина, которому по непонятным ей причинам она должна подчиняться. В этом подчинении она видит ничем не оправданную обязанность. Иногда она покоряется мужу с мазохистским удовольствием, выступает в роли жертвы, но за ее смирением проглядывает безмолвный, но бесконечный упрек. Нередко, однако, женщина вступает в открытый поединок с мужем, стремится в свою очередь подчинить его себе.

* * *

Никто не отрицает ни трагедий, ни мелочности семейной жизни. Однако защитники института брака утверждают, что причиной семейных конфликтов является не сама сущность этого института, а злая воля людей. Идеальные супружеские пары были описаны многими писателями, и в частности Толстым в эпилоге романа «Война и мир» — это Пьер и Наташа. Наташа, которая была кокетливой и романтической девушкой, выйдя замуж, к удивлению всех своих близких, не думает ни о туалетах, ни о свете, ни о развлечениях. Она отдает всю себя мужу и детям, становится образцовой замужней женщиной: «В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, составлявшего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодовитая самка».

Она требует от Пьера такой же самоотверженной любви, какую испытывает к нему сама, ревнует его, он вынужден отказаться от развлечений, от дружбы и, так же как На-

таша, полностью посвятить себя семье. Он «не смел ездить в клубы, на обеды... не смел уезжать на долгие сроки, исключая как по делам, в число которых жена включала и его занятия науками, в которых она ничего не понимала, но которым она приписывала большую важность».

Пьер был «под башмаком своей жены», но взамен этого: «Наташа у себя дома ставила себя на ногу рабы мужа... Весь дом руководился только мнимыми повелениями мужа, то есть желаниями Пьера, которые Наташа старалась угадывать».

Когда Пьер уезжает, Наташа не может дождаться его возвращения, без него она страдает. Между ними царит полное согласие, они понимают друг друга с полуслова. В заботах о детях, о доме, о любимом и уважаемом муже она испытывает почти безоблачное счастье.

Эту идиллическую картину стоит рассмотреть более подробно. Наташа и Пьер едины, как душа и тело, говорит Толстой. Но если душа покидает тело, человек умирает. Что же случилось бы, если бы Пьер разлюбил Наташу? Один из самых страстных ревнителей единственной, абсолютной и вечной любви Андре Бретон¹ вынужден признать, что в современной жизни при выборе предмета любви может произойти ошибка. Но будь то ошибка или непостоянство, для женщины это оборачивается одиночеством. Крепкий и чувственный Пьер может испытывать физическое влечение к другим женщинам. Наташа ревнива, рано или поздно их отношения испортятся. В результате он либо расстанется с ней, и это разобьет ее жизнь, либо начнет ей лгать и затаит на нее злобу, что отравит ему жизнь, либо они придут к компромиссу, который неизбежно будет сопровождаться ощущением неудовлетворенности, и тогда они будут несчастливы оба.

---

¹ Бретон Андре (1896—1966) — французский поэт и прозаик первой половины XX в., основатель и теоретик сюрреализма. — *Ред.*

Самое глубокое развенчание мифа о Пьере и Наташе дала чета Льва и Софьи Толстых. Софья испытывает к мужу отвращение, находит его «невыносимым»; он изменяет ей со всеми крестьянками окрестных деревень, она ревнует и скучает. Каждая из ее многочисленных беременностей сопровождается нервозностью, а дети не заполняют ни ее сердца, ни ее повседневной жизни. Для нее домашний очаг — бесплодная пустыня, для него — ад. И кончается все это тем, что она, старая истеричная женщина, полуголой бегаёт по мокрому лесу, а он, несчастный загнанный старик, уходит из дома, разрывая таким образом «союз», который длился всю жизнь.

Конечно, Толстые — это из ряда вон выходящий случай. Многие пары «прекрасно живут», и это значит, что супругам удастся достигнуть компромисса, и они живут бок о бок, не слишком стесняя и не слишком обманывая друг друга.

Но существует одно проклятие, которого им почти никогда не удастся избежать. Это скука. И когда мужу удастся полностью подчинить себе жену, и когда каждый из них живет в собственном мире, по прошествии нескольких месяцев или нескольких лет им не о чем говорить. Семейная пара — это сообщество, члены которого теряют свою автономию, но при этом не избавляются от одиночества. Отношения мужа и жены не развиваются, в них нет динамики, они приобретают застывший характер. Поэтому ни в духовных, ни в эротических отношениях им нечего дать друг другу, нечем обмениваться.

Защитники супружеской любви нередко говорят о том, что она не является любовью и именно поэтому приобретает возвышенный характер. Дело в том, что в последнее время вошел в моду эпический стиль: обыденность в этом случае выдается за романтику, верность — за возвышенное безумие, скука — за мудрость, а супружеская ненависть — за проявление глубокой любви. На деле ненависть двух людей,

неспособных в то же время обходиться друг без друга, это не самое истинное и волнующее, а самое жалкое из человеческих чувств. Идеальным могло бы быть противоположное чувство двух абсолютно самостоятельных индивидов, связанных друг с другом лишь свободным согласием, вытекающим из любви. Толстой восхищался тем, что связь Наташи и Пьера «держалась чем-то... неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души и тела». По гипотезе дуалистов, тело лишь служит оболочкой для души. Следуя этой гипотезе, нужно, по-видимому, предположить, что случайность тяжелым бременем лежит на каждом из членов супружеского союза. Каждый из них должен сознательно принимать и любить необъяснимое и не им избранное присутствие супруга, которое в то же время является необходимым условием и даже формой существования его самого. Однако люди, высказывающие подобные мысли, намеренно смешивают слова «сознательно принимать и любить», и именно этим им удастся многих ввести в заблуждение.

А ведь на деле «сознательно принимать и любить» — это отнюдь не одно и то же. Мы сознательно принимаем свои физические данные, свое прошлое, свое положение в настоящем. Но что касается любви, то это порыв к другому, к особому существованию, это — цель, это — будущее. Кроме того, сознательное отношение к бременю или к тирании выражается не в любви, а в бунте. Отношения людей, рассматриваемые как нечто само собой разумеющееся, не могут иметь ценности. Так, любовь детей к родителям приобретает свое истинное значение только тогда, когда она становится осознанной. Как же можно восхищаться само собой разумеющейся супружеской любовью, которая к тому же лишает супругов свободы? Люди твердят о своем уважении к этой пестрой смеси привязанности, обид, ненависти, правил приличия, смирения, лени и лицемерия, называемой супружеской любовью лишь потому, что она служит им оправданием.

Однако о физической любви, как и о дружбе, можно сказать одно и то же: для того чтобы она была истинной, она должна быть свободной. Но свобода — это не каприз. Любовь требует принятия некоторых обязательств на более или менее длительный срок. При этом лишь индивиду принадлежит право, сообразуясь со своей волей, поступать тем или иным образом, то есть выполнять свои обязательства или отказаться от них. Чувство может быть свободным при условии, что оно не зависит ни от каких не имеющих к нему отношения правил, когда переживающий его человек может быть искренним и ничего не бояться. Супружеская же любовь, напротив, предполагает подавление всех порывов и постоянную ложь. И прежде всего она мешает супругам по-настоящему узнать друг друга. Повседневная близость не ведет ни к пониманию, ни к симпатии.

За неудачные браки ответственность несут не люди, вопреки тому, что говорят Бональд¹, Кант и Толстой, сам этот институт изначально порочен. Разговоры о том, что мужчина и женщина, которым даже не было позволено свободно сделать свой выбор, должны полностью удовлетворять друг друга в течение всей своей жизни, чудовищно гнусны и неизбежно приводят к лицемерию, лжи, вражде и несчастью.

Онтологическая неизбежность адюльтера

Но будь женщина сексуально удовлетворена, или холодна по природе, или обманута, она все равно придает огромное значение вниманию мужчин. Будничный взгляд мужа, который она встречает ежедневно, не оживляет ее; ей нужны глаза, таящие тайну и в ней самой открывающие тайну; ей необходим рядом духовный наставник, которому она может доверить свои маленькие тайны, который способен вы-

---

¹ Бональд Луи-Габриель-Амбруаз (1754—1840) — французский публицист и философ. — *Ред.*

звать к жизни поблекшие образы прошлого, дать повод для улыбки, от чего в уголке ее ротика всегда появляется ямочка, при этом она совершенно по-особенному взмахивает ресницами; она только тогда соблазнительна, привлекательна, мила, излучает любовь, когда ее любят, ее желают.

Если женщина более или менее удовлетворена замужеством, то ее интерес к другим мужчинам диктуется только тщеславием: она как бы призывает их избрать ее кумиром; она соблазняет, она нравится, она очень довольна и получает удовольствие, мечтая о запретной любви, при этом думая: «Если бы я захотела...»; она предпочитает пленить сразу нескольких поклонников, нежели придаться серьезному роману с одним; более пылкая, но менее непримиримая, чем молоденькая девушка, она своим кокетством требует от мужчин подтверждения ее ценности, значимости и власти над ними.

Может случиться, что после более или менее длительного периода верности наступит время, когда женщина перестанет ограничиваться флиртом и кокетством с мужчинами. Изменить мужу ее чаще всего толкает обида. Адлер утверждает, что неверность женщины — это всегда месть; это, пожалуй, слишком; однако приходится считаться с тем фактом, что она и в самом деле гораздо реже уступает обольстительности любовника, нежели желанию бросить вызов своему мужу: «Он не единственный на свете — есть и другие, которым я нравлюсь, — я что, его рабыня? — нет, он считает себя очень хитрым и пусть останется в дураках».

Очень часто в объятия любовника женщину бросает не столько обида на мужа, сколько разочарование в нем; она не хочет мириться с мыслью, что ей никогда не познать чувственных наслаждений, блаженного удовольствия, счастья — блаженства любви, ожиданием которого была окрашена вся юность. И вот женщина, обделенная в замужестве чувственным удовольствием, не знающая эротического удовлетво-

рения, которой к тому же отказано в свободе проявления ее собственных, свойственных ей одной чувств, по иронии судьбы и следуя естественной диалектике попадает в сети адюльтера, нарушает супружескую верность.

«Мы воспитываем наших девиц, можно сказать, с младенчества исключительно для любви, — говорит Монтень, — их привлекательность, наряды, знания, речь, все, чему их учат, преследует только эту цель, и ничего больше. Их наставницы не запечатлевают в их душах ничего, кроме лика любви, хотя бы уже потому, что без устали твердят поучения, рассчитанные на то, чтобы внушить им отвращение к ней».

Чуть ниже он добавляет: «Итак, величайшая глупость — пытаться обуздать в женщинах то желание, которое в них так могущественно и так естественно».

А вот что заявляет Энгельс: «В связи с моногамией постоянно возникают две характерные социальные фигуры: любовник и рогоносец... Наряду с моногамией и гетеризмом адюльтер становится неизбежным социальным явлением, его воспрещали, за него строго наказывали, но бороться с ним было бесполезно».

* * *

Моралисты высказывают возмущение тем фактом, что общественное мнение находится на стороне любовника, но ведь это же смешно — защищать мужа, доказывая, что в глазах общества, то есть в глазах других мужчин, он более значителен, чем его соперник: важно-то другое, как его оценивает жена. А оттолкнуть он может жену по двум причинам. Прежде всего, ему принадлежит неблагодарная роль своего рода пионера; а требования девственницы весьма противоречивы: с одной стороны, она мечтает, чтобы ею овладели, с другой — требует особого уважения к себе, все это почти заведомо обрекает мужа на провал; жена может уже никогда не обрести в его объятиях чувственного пыла, навсегда

остаться рядом с ним холодной женщиной; другое дело — любовник, он не причиняет физической и моральной травмы, связанной с лишением девственности, с ним не ассоциируется болезненное чувство унижения, испытываемое целомудренной девушкой при первой близости; неизбежная травма — познание неведомого — с ним не соотносится: женщина в основном знает, что ее ждет во взаимоотношениях с любовником; более естественная, более готовая к этим отношениям, которые ее уже не ранят, не такая наивная, как в первую брачную ночь, она больше не отождествляет любовь сердце и физическое влечение, чувства и чувственное волнение, душевные порывы и эротические переживания; когда женщина находит себе любовника, то в нем именно любовника она и хочет найти. Полная ясность в этом отношении и определяет свободу выбора.

Второй изъян, довлеющий над мужем, как раз и заключается в определенной несвободе: как правило, его терпят, он — не избранник. Либо девушка соглашается выйти замуж, покоряясь судьбе, потому что так положено и выбора у нее нет, либо мужчина ее любит, и она решает не отказывать ему; в любом случае, даже если она выходит замуж по любви, став женой, она попадает в подчинение к мужу, он ее повелитель; по отношению к нему она выполняет свой супружеский долг, и нередко муж ей представляется тираном. Выбор любовника, конечно же, зависит от многих обстоятельств, и все-таки главное — он обеспечен свободой; выйти замуж — это вроде обязанности, а вот иметь любовника — это роскошь, шик; женщина уступает мужчине-любовнику, потому что он ее добивается, очень настойчиво ее об этом просит и она уверена если не в его любви, то по крайней мере в его желании; ведь его отношение к ней — это не подчинение закону. У любовника есть и еще одно преимущество, его престиж не теряется в повседневной жизни, полной различных трений, благодаря этому он сохраняет свою

привлекательность, обольстительность: его нет рядом, он совсем не такой, как тот, что рядом, он — другой. И у женщины при встрече с ним возникает впечатление, что она выходит за свои пределы, получает доступ к новым ценностям, овладевает новыми богатствами: она ощущает себя другой. Как молоденькая девушка мечтает, чтобы пришел герой-освободитель и вырвал ее, увел из отчего дома, так и замужняя женщина ждет встречи с другим мужчиной, который избавит ее от кабалы супруга.

Когда женщина соблюдает свою неприкосновенность, свою верность, так это бывает потому, что она опасается, что ее муж окажется скомпрометированным в глазах любовника. Женщина даже способна вообразить себе, что, переспав с мужчиной — пусть хоть раз, хоть наскоро, где-нибудь на диванчике, — она одержала верх над законным супругом. Но адюльтер — это лишь дивертисмент в супружеской жизни; он может помочь переносить цепи принуждения и насилия, но не разрывает их. Это всего лишь подобие побега, и это никаким образом не позволяет женщине по-настоящему распорядиться своей судьбой.

Ницшеанство гетеризма

Брак имеет своим прямым продолжением и проституцию. «Гетеризм, — говорит Морган, — сопутствует человечеству на всем пути развития цивилизации в виде туманного призрака рядом с семьей». Предусмотрительности ради мужчина требует от жены нравственной чистоты, но его самого не удовлетворяют условия, выполнение которых он ей навязывает.

«Цари Персии хотя и приглашали своих жен на пиры, — рассказывает Монтень, одобряющий их мудрость, — но когда желания их от выпитого вина распаялись и им начало казаться, что еще немного и придется снять узду со

страстей, они отправляли их на женскую половину, дабы не сделать их соучастницами своей безудержной похоти, и звали вместо них других женщин, к которым не обязаны были относиться с таким уважением».

Проститутка — это козел отпущения; мужчина выплескивает на нее свою мерзость, с ее помощью как бы освобождается от своей гнусности, низости, она прикрывает его подлость, и при этом он ее не признает. Работает ли она на законном основании, с веденя полиции, или подпольно, с ней все равно обращаются как с парией.

Если подходить с экономической точки зрения, то положение проститутки ничем не отличается от положения замужней женщины. «Между теми, которые торгуют собой посредством проституции, и теми, которые продаются способом замужества, есть единственная разница — она в цене и длительности соглашения», — говорит Марро в работе «Половая зрелость». И для одной, и для другой половой акт означает служение, тогда как у проститутки много клиентов и каждый платит за себя. Первую — один мужчина, ее муж, охраняет от всех остальных, вторая же защищена множеством мужчин от тирании одного-единственного. И в том, и в другом случае прибыль, извлекаемая обеими за счет своего тела, ограничена конкуренцией; муж всегда помнит о своей возможности в случае чего взять в жены другую женщину: выполнение «супружеских обязанностей» — это не одолжение, не любезность, не милость, это соблюдение условий соглашения, это подразумевается заключением супружеского акта. В случае проституции мужское желание, не столько единичное, сколько специфическое, удовлетворяется любым телом. И супруге и гетере только тогда удастся заставить мужчину служить своим интересам, когда они каким-то образом обретают превосходство над ним, получают власть и влияние. Однако между ними есть и большая разница, она состоит в том, что законная жена, будучи су-

ществом угнетенным, в качестве замужней женщины пользуется при этом уважением как человеческая личность; и это уважение — серьезная преграда притеснению. А у проститутки нет прав личности, в ее положении фокусируются все проявления женского рабства.

* * *

Наивно спрашивать себя, что толкает женщину на путь проституции; сегодня уже никто не верит в теорию Ломброзо, не делающего различия между проститутками и криминальными элементами, и тех и других он считал дегенератами; как утверждает статистика, умственный уровень, в общем, у проституток несколько ниже среднего, а некоторые из них просто откровенные дебилы: ведь женщины, умственные способности которых замедлены в развитии, охотно выбирают себе ремесло, не требующее от них никакой специализации, никакого обучения; однако большинство проституток совершенно нормальны, а встречаются среди них и очень умные женщины. И не какая-то фатальная наследственность или особый физиологический изъян приводят в проституцию. В действительности в том обществе, где наличествуют нищета и безработица, каждая профессия тотчас приобретает своих служителей; пока будет необходимость в полиции и проституции, будут и полицейские, и проститутки.

Кроме того, в среднем оба эти ремесла дают больший доход, чем многие другие. Было бы лицемерием удивляться масштабу проституции, предложение определяется спросом, в данном случае со стороны мужчин; это извечный и универсальный экономический процесс.

Благомыслящие моралисты издевательски заявляют, что все рассказы, вызывающие жалость и сочувствие к проституткам, предназначаются наивному клиенту. Действительно,

во многих случаях проститутка могла бы зарабатывать на жизнь иным способом; однако, если избранный путь ей не кажется самым худшим, это вовсе не доказывает, что у нее в крови порок; скорее следует осудить то общество, где это ремесло представляется женщине менее отвратным, чем какое-нибудь другое.

Возникает вопрос: почему та или иная женщина избирает проституцию? Но корректнее было бы спросить: а почему бы ей ее не избрать? Не случайно публичные женщины очень часто бывают из тех, что оторваны от своих родных мест; считается, что 80 процентов парижских проституток происходят из провинции или прибыли из деревни. Близость семьи, забота о своей репутации в связи с этим могли бы помешать женщине избрать для себя профессию, в общем не вызывающую уважения; однако, затерявшись в большом городе, утратив прежние общественные связи, она теряет и представление о «морали», точнее, оно становится абстрактным и поэтому никак не препятствует ее поведению. Большое число девушек из этой среды позволяют лишиться себя невинности первому встречному, а далее они уже не видят ничего особенного в том, чтобы отдаваться любому.

Очень часто женщина видит в проституции временный способ поправить материальное положение, однако уже сто раз писали о том, как она незаметно втягивается в ремесло в силу разных причин. Как раз сравнительно редки случаи так называемой «торговли белыми», то есть «торговли женщинами», когда женщина оказывается втянутой в дело насильно, путем ложных обещаний, мистификаций и т.д. Но, раз попав в сферу проституции, женщина вынуждена оставаться в ней зачастую против своей воли. Поначалу необходимые ей средства дает сутенер или содержательница публичного дома, которые таким образом присваивают себе все права на нее, забирают себе большую часть ее заработка, и освободиться от них ей очень трудно.

Что же касается отношений проститутки и клиентов, то существуют разные мнения на этот счет, да и случай на случай не приходится. Нередко утверждается, что для своего любимого она хранит особый поцелуй, одаривая им его уста, и особую нежность, что для нее нет никакого сравнения между объятиями по любви и профессиональными объятиями. Свидетельства мужчин по этому поводу вызывают сомнения, поскольку их тщеславие стимулирует самообман, и они с готовностью дают себя провести с помощью разыгрываемых комедий, якобы погружающих их в стихию наслаждений. Действительно, поведение и состояние проститутки меняются в зависимости от обстоятельств, от того, работает ли она, так сказать, на «конвейере», что физически изнуряет, или у нее короткий визит клиента, или «рабочая ночь», или свидание с хорошо знакомым клиентом, отношения с которым стали привычными.

А в общем, проститутка работает бесстрастно, холодно. Некоторые из них к большинству своих клиентов относятся не просто с безразличием, а еще и с примесью презрения. Но все же многие из проституток испытывают обиду и отвращение к мужчинам; их испорченность им омерзительна. То ли потому, что в бордель мужчины идут, дабы дать выход своим порокам, в которых они не осмеливаются признаться ни женам, ни любовницам, то ли сам бордель возбуждает, стимулирует развращенность, только большинство мужчин требует от проститутки «фантазий». Впрочем, есть проститутки, специализирующиеся на «фантазиях», и оплачиваются они дороже.

Большая часть проституток морально адаптируется к своему делу; это совсем не означает, что у них наследственная или врожденная порочность, аморальность, — они просто чувствуют себя, и не без оснований, частью общества, требующего от них именно таких услуг. Они прекрасно знают, что назидательные речи полицейских, регистри-

рующих их, чистейшее пустословие, а возвышенные чувства, афишируемые клиентами за стенами борделя, их мало смущают.

* * *

От рядовой проститутки до знаменитой гетеры — дистанция огромного размера, у этой лестницы множество ступенек. Основное различие между ними состоит в том, что проститутка выступает на торгах как представительница некоей общей категории себе подобных и в силу существующей в этой среде конкуренции обречена оставаться на жалком жизненном уровне, тогда как гетера делает ставку на свою особенность: если ей удастся добиться успеха, она может рассчитывать на высокое положение. Красота, обаяние, сексапильность необходимы для достижения этой цели, но и их недостаточно: нужно, чтобы ее оценило общественное мнение. Ее стоимость выявляется через желание мужчины, но она получает признание лишь тогда, когда мужчина открыто, перед всем миром назовет эту стоимость, провозгласит ее цену. В веке минувшем это были дом или дворец, экипаж, жемчуга — свидетельства власти «колотки» над своим покровителем, которые возводили ее в ранг дамы полусвета; она удерживалась в своем высоком положении до тех пор, пока мужчины продолжали разоряться ради нее.

Сейчас нет больше «полусвета», среды, в которой могла бы самоутверждаться подобная репутация. Амбициозность и честолюбие находят другие пути для самоутверждения. Признание завоевывается новыми способами. Последнее воплощение гетеры — это кинозвезда, она появляется на экране и далее роднится со своими героинями. Она предлагает мужчинам женщину их мечты, а они за это отдают ей состояние и создают славу.

Грань между проституцией и искусством всегда была хрупка, поскольку красота и сладострастие как-то двусмыс-

ленно соединяются; на самом деле не красота пробуждает желание; эта платоновская теория любви предлагает похоти свои лицемерные оправдания. Фриния, обнажающая грудь перед ареопагом, якобы предоставляет возможность созерцания чистой идеи. Показ неприкрытого тела становится зрелищем, явлением искусства; американские «бурлески» сделали из раздевания драму. «Обнаженное тело невинно, целомудренно», — заявляют старые господа и под видом коллекционирования «художественно выполненных ню» собирают порнографические фото. В борделе момент, когда клиенты делают выбор, — это настоящий парад; этот парад может принимать более сложные формы — «живые картинки», «артистичные позы».

Проститутка, желающая выделиться, повысить свою стоимость, не ограничивается пассивным показом своего тела; она стремится обнаружить особые таланты. Греческие «флейтистки» пленяли мужчин своей музыкой и танцами. Женщины из племени, обитающем в Улед-Наиле, исполняют танец живота, испанки танцуют и поют в Барио-Шино, и для тех и для других это способ предложить себя в изысканной манере особому ценителю. Некоторые мюзик-холлы, как некогда кафешантаны, кабаре, представляют собой попросту бордели. Любое ремесло, любой вид деятельности, связанный с обнажением женского тела, может быть использован в «галантных» целях.

Нет сомнения, есть танцовщицы мюзик-холла, есть платные партнерши для танцев в кабаре, обнаженные танцовщицы, партнерши для проведения времени за столиком, сексапильные красотки, манекенщицы, певицы, актрисы, которые не смешивают эротическую часть своей жизни с ремеслом; и чем большего мастерства, технического совершенства, выдумки требует их ремесло, тем в большей степени оно становится самоцелью; однако нередко женщина, «предлагающая себя» публике, впадает в соблазн использовать свой

шарм и с помощью интимной коммерции заработать себе на жизнь. И только куртизанка обзаводится ремеслом, которое служит ей ширмой. Не каждая Золушка мечтает только о волшебном принце: муж или любовник, она подозревает, может превратиться и в ее тирана; поэтому она предпочитает мечтать о собственном смеющемся изображении на афишах больших кинотеатров. Но все-таки чаще всего благодаря «протекциям» мужчин она достигает этой цели; именно мужчины — муж, любовник, вздыхатель — обеспечивают ее триумф, предлагая ей свое состояние или имя, свою известность. Потребность нравиться окружающим, нравиться толпе, массе очень роднит звезду с гетерой. В обществе они играют сходные роли: гетерами я называю всех женщин, которые не только свое тело, но и свою личность в целом рассматривают как капитал, годный для эксплуатации. Их жизненная позиция не имеет ничего общего с жизненной позицией творческого человека, созидателя, который, выходя за грань возможного в своем творчестве, превосходит самого себя, выходит за пределы изначальных данных и, становясь другим, зовет к свободе, открывая ей будущее; гетера не снимает покрывала с мира, не прокладывает дорог в трансцендентное; она, напротив, использует это стремление к трансцендентному для извлечения личной выгоды. Гетера, предлагая себя восхищенным поклонникам, не отрицает пассивную женственность, которой предписано пребывать во власти мужчин, но наделяет ее волшебной силой, что позволяет держать мужчин в ловушке своим присутствием, кормиться этим, если хотите, пожирать их и затягивать вместе с собой в имманентность.

Этот путь позволяет женщине обрести некоторую независимость. Одаривая собою многих мужчин, она не принадлежит никому в отдельности; накопленные деньги, приобретенная известность, которой она пользуется как ходовым товаром, обеспечивают ей экономическую самостоятельность.

Самыми свободными женщинами Древней Греции были не матроны, не рядовые проститутки: ими были гетеры. Куртизанки эпохи Возрождения, японские гейши несравненно свободнее всех своих современниц.

Парадоксально, но факт: те женщины, которые максимально используют свое женское начало, свою женскую природу, достигают положения, сходного с положением мужчины; отталкиваясь от своего пола, который отдает их во власть мужчин как объект, они становятся субъектом. Они не только зарабатывают себе на жизнь, как мужчины, но и жизнь их проходит исключительно в мужском окружении; исповедуя свободу нравов, вольные в своих намерениях, придерживаясь широких взглядов, они могут подняться до редчайшей свободы разума. Самые изысканные, выдающиеся из них нередко окружены артистами, писателями, которые скучают в обществе «порядочных женщин». В гетере находят самое пленительное воплощение мужские мифы: она более чем какая-либо другая женщина, воплощает в себе плоть и дух, она — идол, вдохновительница, муза; художники и скульпторы ее выбирают своей моделью; поэты мечтают о ней; интеллектуал обнаружит в ней все сокровища истинно женской «интуиции»; в отличие от матроны, матери семейства, у нее легкий, свободный ум, потому что она не погрязла в лицемерии. Особенно одаренные гетеры не удовлетворяются ролью Эгерии¹, они испытывают потребность в своей самоценности автономно, независимо от той цены, которую ставит на них выбор Другого; свои пассивные добродетели они хотели бы перевести в актив. Они являют себя миру как суверенные субъекты, они пишут стихи, прозу, занимаются живописью, сочиняют музыку. Возможен и такой вариант, когда женщина использует мужчину

---

¹ *Эгерия* — персонаж древнеримской мифологии, нимфа-пророчица, тайная супруга римского царя Нумы Помпилия, которому она внушила его религиозные и гражданские законы. — *Ред.*

как инструмент и при его посредстве начинает исполнять сугубо мужские функции: так через своих могущественных любовников правили миром «великие фаворитки».

Такое освобождение находит свое выражение, помимо всего прочего, и в эротическом плане. Заставляя мужчину платить деньги или оказывать ей какие-либо услуги, женщина как бы компенсирует комплекс женской неполноценности; деньги здесь играют очистительную роль; они сводят на нет борьбу полов. Если многие женщины, отнюдь не профессиональные проститутки, стремятся заполучить от своих любовников денежные чеки и подарки, так это не из скупости: заставить мужчину платить — это значит сделать его своим орудием. Женщина таким путем защищает-ся, чтобы не стать самой орудием в руках мужчины; он полагает, что «имеет ее», но это сексуальное обладание иллюзорно; это она его имеет, и в гораздо более серьезном смысле — в экономическом. Ее самолюбие удовлетворено. Теперь она может отдаться объятиям любовника; она не уступает чужой воле; она «не обязана» доставлять удовольствие, это она скорее получает удовольствие как дополнительную прибыль; о ней уже нельзя сказать, что ее «взяли», поскольку ей заплачено.

Надо сказать, что куртизанка считается фригидной женщиной. Для своей же пользы она должна уметь управлять и своим сердцем, и своим чревом; сентиментальная или чувственная, она рискует стать жертвой мужского превосходства, подпасть под его влияние, а он станет ее эксплуатировать, всецело подчинит себе либо заставит страдать. Мужские объятия — особенно в начале карьеры — нередко унижают ее; бунт против мужского высокомерия находит свое выражение во фригидности. Гетеры, как и матроны, охотно делятся друг с другом «трюками», позволяющими им работать на притворстве. Это презрение, это отвращение, питаемое к мужчине, — свидетельство того, что в игре «эксплуата-

тор — эксплуатируемый» они совсем не уверены в своем выигрыше. И в самом деле, в большинстве случаев зависимость — вот их удел.

* * *

Как одни женщины пользуются замужеством в собственных интересах, так другие используют любовников для достижения политических, экономических и других целей. И те, и другие выходят за рамки своего положения.

У них нет одного мужчины-господина. Но вместе с тем они испытывают самую насущную потребность в мужчинах. Если мужчина перестанет ее желать, куртизанка теряет все средства для существования; даже дебютантка знает, что ее будущее в их руках; даже кинозвезда, лишившись мужской поддержки, видит, как падает ее престиж. Красавица из красавиц не может быть уверена в завтрашнем дне, ибо ее власть сродни волшебству, чародейству, а волшебство капризно; чары изменчивы; она так же прикована к своему покровителю — мужу или любовнику, — как «добропорядочная» супруга к своему супругу. Она не только обязана услаждать его в постели, но и выносить его постоянное присутствие, его речи, его друзей, а главное — его спесь. Когда сутенер оплачивает своей подопечной туфли-лодочки на высоком каблуке, атласную юбку, он вкладывает свои средства, чтобы возвращать их себе в виде ренты, обирая свою жертву; промышленник же, производитель, одаривая жемчугами и мехами свою подругу, демонстрирует с ее помощью свое состояние и мощь, свое положение; зарабатывают ли посредством женщины деньги или, напротив, тратят их на нее — это все то же порабощение, все та же кабала. Дары, которыми ее осыпают, превращаются для нее в цепи.

Да и богатые туалеты, драгоценности — принадлежат ли они действительно ей? Случается, что, поссорившись, мужчина требует вернуть ему все когда-то им купленное. Чтобы

«сохранить» своего покровителя, при этом не отказываясь от своих удовольствий, женщина хитрит, прибегает к уловкам, обману, лицемерию, всему тому, что бесчестит и семейную жизнь; ей не то чтобы приходится прибегать к раболепию, раболепна сама по себе вся эта игра. Если она красива, пользуется известностью, она может поменять своего сегодняшнего господина на другого, коль ей становится невою с ним. Однако красота требует забот, она — хрупкое сокровище; гетера ведь полностью зависит от своего тела, а время безжалостно; для нее борьба со старением принимает самый драматический характер. Если ей удастся добиться престижного положения, она может жить за счет него, независимо от возрастных изменений лица и форм тела.

Но забота об имени, составляющем ее самое верное достояние, подчиняет ее самой страшной тирании — тирании общественного мнения. Всем известно, что звезды Голливуда попадают в подлинное рабство. Даже их тело не принадлежит им; это продюсер решает, какого цвета должны быть их волосы, какими должны быть их вес, фигура, вообще типаж; иногда, чтобы изменить линию щеки, им удаляют зубы. Диета, гимнастика, примерка костюмов, макияж — все это повседневная каторга. «Личная жизнь» предполагает выходы в свет, флирты; их частная жизнь становится частью общественной жизни. Звезде, отказывающейся покориться этим требованиям, придется познать либо резкое, либо постепенное, но неизбежное падение. Проститутка, отдающая только свое тело, возможно, в меньшей степени поработена, чем женщина, которая превратила желание нравиться в свое ремесло. Женщине, «достигшей положения», у которой в руках настоящее дело, талант которой признан — будь она актрисой, певицей, танцовщицей, — удается избежать удела гетеры; ей может посчастливиться познать истинную независимость; большинство же всю жизнь пребывают в страхе; им беспрестанно приходится вновь завоевывать и публику, и мужчин.

Тот вечный бой, который приходилось выдерживать гетерам, чтобы «выйти в люди», не располагает к сантиментам, и чувства общечеловеческой солидарности, человеческого братства у них не возникает; слишком дорогой ценой, рабским унижением заплатили они за свой успех. Избитые истины, высказывания, лишённые живого смысла, отражающие чудовищные предрассудки, надуманные, неестественные эмоции — все это составляет сюжеты и колорит их бесед на общественные темы, и часто кажется, что они начисто, до самых сокровенных тайников души лишены искренности. Ложь и преувеличение разрушают сам язык.

В жизни гетеры все напоказ; слова, мимика, жесты служат совсем не для выражения мысли, чувств, а для эффекта — чтобы произвести впечатление. Перед покровителем разыгрывается комедия любви: временами гетера хочет верить, что это не игра. Перед обществом разыгрывается благопристойность, престиж; в конце концов, гетера начинает верить, что она и впрямь зеркало всех добродетелей, священный идол. Постоянная ложь управляет внутренней жизнью гетеры, и все ее измышления, все хорошо продуманные выдумки заимствуют у истины ее свойства. Бывают порою и в жизни гетеры непредвиденные события: любовь не проходит совсем мимо нее; случаются «увлечения», «страсти»; и иногда она даже чувствует, что «влюблена». Однако та, что уделяет чрезмерное внимание своим капризам, чувствам, удовольствиям, очень скоро может расстаться со своим «положением». Как правило, гетера ведет себя с осторожностью супруги, нарушающей верность; ей так же нужно, чтобы ни общество, ни ее покровитель ничего не узнали об ее романах; таким образом, у нее нет возможности уж очень много внимания и времени уделять своим «сердечным друзьям»; они только служат некоторым отвлечением, отдыхом. К тому же, можно сказать, каждая гетера слишком заботится о своем успехе, чтобы позволить себе забыть и отдалиться истинной любви. Что же касается женщин, к ним гетера иногда испытывает чувствен-

ное влечение; относясь враждебно к мужчинам, навязывающим свое господство, она находит в объятиях подруг и сладострастное наслаждение, и ощущение реванша.

Самая большая беда гетеры состоит не только в том, что ее независимость — это обманчивая изнанка тысячи зависимостей, но, прежде всего, в том, что сама свобода ее отрицательна. Большинство же женщин, связанных с искусством, видят в нем лишь средство, а не цель своей жизни, не связывают с ним никаких настоящих жизненных планов. Кинозвезда, в частности, находится в полной зависимости от режиссера, ей нет необходимости проявлять какую-либо творческую активность, делать что-либо по собственной инициативе, созидать. Используется, эксплуатируется то, что уже есть в ней; она не создает нечто новое. Да к тому же немногим удается пробиться в звезды. В «галантности», в ее подлинном смысле, для трансцендентности пути заказаны, и здесь также скука, тоска сопутствуют пребыванию женщины в имманентности.

Молох, в жертву которому гетера приносит удовольствие, любовь, свободу, — это ее карьера. «Карьера» же гетеры разворачивается во времени, тогда как она сама остается все тем же объектом, той же имманентностью, вся суть которой в ее имени. Имя пишется на афише буквами, размер которых увеличивается по мере того, как его носительница завоевывает себе место под солнцем, в зависимости от этого и произносят его с разной интонацией. Смотря по темпераменту, женщина ведет свою линию либо осторожно, либо смело и открыто. Одни вкушают удовольствие, переключая красивое белье в шкафу, другим же необходим пьянящий дух, авантюры. Они только и делают, что непрерывно поддерживают в состоянии приемлемого равновесия свое шаткое положение, постоянно подвергающееся угрозе рухнуть, что и случается порою; а другие всеми силами создают себе известность и словно строят Вавилонскую башню, безуспешно стремящуюся дотянуться до неба.

Известны женщины, включающие любовные похождения в другую деятельность, связанную с риском, вот они-то и есть настоящие авантюристки: это шпионки, как Мата Хари, или секретные агенты; инициатива, как правило, им не принадлежит, они скорее исполнительницы чужих проектов, орудие в руках мужчин. Но в общих чертах поведение гетеры аналогично поведению авантюриста; так же, как и он, гетера зачастую находится где-то на полпути от серьезного к авантюристному в прямом смысле этого слова; она руководствуется вполне вещественными ценностями: это деньги и слава; но умение добиться их она ставит так же высоко, как и обладание ими; в конце концов, высшую значимость в ее глазах имеет ее личный успех.

Этот индивидуализм она оправдывает более или менее последовательным нигилизмом, совершенно искренним, тем более что она убеждена в собственном враждебном отношении к мужчинам, а в женщинах она видит только соперниц. Если она достаточно умна, чтобы испытывать потребность в моральном оправдании, она обратится к ницшеанским идеям и даже неплохо усвоит их; она станет утверждать преимущественное право избранного, элиты, властвовать над чернью. Ее собственная персона ей представляется сокровищем, одно появление на свет которого — уже истинный дар для всех; а поэтому, занимаясь только самой собой, она считает, что тем служит обществу. Гетера очень ценит славу, но не только из-за экономических соображений: в славе она ищет апофеоз собственного нарциссизма.

Синдром влюбленности

Многие женщины, исполненные чувства своего превосходства, не могут, однако, самостоятельно продемонстрировать его миру. Они стремятся заполучить в качестве посредника мужчину, которого убеждают в своих достоинствах. Они не разрабатывают собственных проектов, не

создают своих ценностей, но стремятся присвоить уже созданные. Поэтому они обращаются к тем мужчинам, которые уже обладают влиянием и славой, становятся их музами, вдохновительницами, советчицами в надежде отождествить себя с ними.

Это женщины, в которых живет чисто субъективное желание стать значимыми, Они не преследуют никаких объективных целей, но считают себя вправе присвоить достижения Другого. Отнюдь не всегда им это удается, но они прекрасно умеют не замечать свои поражения и убеждать себя в своей непобедимой обольстительности. Они убеждены в том, что достойны любви и восхищения, способны внушать желание, и это вселяет в них уверенность в том, что их на самом деле любят, желают, что ими восхищаются.

Подобные иллюзии могут породить настоящий бред. У Клерамбо¹ были основания считать эротоманию чем-то вроде профессионального «брёда». Чувствовать себя женщиной — значит чувствовать себя объектом желания, считать себя желанной и любимой. Знаменательно, что из десяти больных, страдающих «иллюзией любимых существ», девять — женщины. Совершенно ясно, что воображаемый любовник — апофеоз их самовлюбленности. Они хотят, чтобы он обладал абсолютной ценностью; он должен быть священником, адвокатом, врачом, суперменом. А поведение подобных больных-мужчин всегда отмечено одним общим признаком: воображаемая любовница превосходит всех женщин, она обладает неотразимыми, всепобеждающими добродетелями.

Эротомания может сопровождать различные психозы, но содержание ее неизменно. Большая озарена и возвеличе-

---

¹ *Клерамбо Мишель* (1873—1934) — французский психиатр, исследовал и описал различные психиатрические синдромы. В частности, «синдром эротомании» — разновидность бреда страсти с убежденностью больного в том, что он является объектом любви человека, стоящего выше его по социальному положению. — *Ред.*

на любовь великого человека, внезапно сраженного ее прелестью, он демонстрирует ей свои чувства, хотя и не прямо, но настойчиво, тогда как она от него ничего не ждет. Иногда такие отношения остаются платоническими, в других случаях приобретают сексуальную форму, но самым характерным в них является то, что могущественный и славный полубог любит больше, чем любим, и что он проявляет свою страсть необычным и двусмысленным образом.

Подобный бред легко переходит в манию преследования. Нечто похожее происходит и с нормальными женщинами. Самовлюбленная женщина не может допустить, что окружающие не испытывают к ней жгучего интереса, и, если она располагает убедительным доказательством того, что ей не поклоняются, она сразу же начинает думать, что ее ненавидят. Любые критические замечания она объясняет ревностью и досадой. Все ее неудачи происходят из-за гнусных махинаций, и, таким образом, в ней еще глубже укореняется мысль о собственной значимости. Она очень склонна к мании величия или к мании преследования, которая является антиподом первой. Центр ее мира — это она, и, поскольку ей известен лишь ее собственный мир, она становится абсолютным центром вселенной.

Однако комедия самолюбования, разыгрываемая женщиной, вредит ее реальной жизни. Воображаемый персонаж домогается обожания воображаемой публики. Женщина, поглощенная своим «я», отрывается от действительного мира, она не стремится установить реальные отношения с другими людьми. Самовлюбленная женщина не допускает и мысли о том, что ее могут воспринимать не той, какой она хочет казаться. Именно этим объясняется тот факт, что, будучи постоянно сосредоточенной на самой себе, она так ошибочно о себе судит и так часто ставит себя в смешное положение. Она неспособна слушать, она лишь говорит, да и то только для того, чтобы разыгрывать свою роль.

Самовлюбленная женщина слишком пристально вглядывается в себя, чтобы что-то увидеть, но и в других людях она понимает только то, что сама им приписывает. Все то, что она не может отождествить с собой, с собственной историей, остается чуждым для нее.

* * *

Влюбленная женщина, которая заключает любовника в имманентность жизни влюбленной пары, обрекает его, как и самое себя, на смерть. Самовлюбленная женщина, не видящая ничего, кроме своего воображаемого двойника, уничтожает себя. Ее воспоминания застывают, поведение становится шаблонным, она повторяет одни и те же слова и жесты, из которых постепенно исчезает всякий смысл. Именно этим объясняется то жалкое впечатление, которое производят многие женские «дневники» и написанные женщинами «автобиографические произведения». Занятая одним лишь самовосхвалением женщина, которая ничего не делает, не реализуется как личность и, следовательно, восхваляет ничтожество.

Ее несчастье заключается в том, что, несмотря на все старания обмануть себя, она осознает свое ничтожество. Между индивидом и его двойником не может быть никаких реальных взаимоотношений, потому что двойника не существует. Самовлюбленную женщину ожидает полный крах. Ей не удастся ощутить себя целостным, полноценным существом, она не может сохранить иллюзию, что быть «в себе» — значит быть «для себя». Одиночество она переживает как случайность и покинутость. Вот почему, если, конечно, она не изменяется, она всегда обречена бежать от себя самой к толпе, к шуму, к людям. Было бы глубоким заблуждением считать, что, избирая себя в качестве высшей цели, она сбрасывает цепи зависимости, напротив, она попадает в самое тяжелое рабство. Она не может найти опору в своей сво-

боде, поскольку превратила себя в объект, которому постоянно грозит и внешний мир, и чужое сознание. Мало того, что ее тело и лицо суть уязвимая плоть, которая со временем стареет. С чисто практической точки зрения украшать идола, возводить его на пьедестал, строить для него храм — это дорогостоящее занятие.

Поскольку для женщины воплощением ее судьбы является мужчина, женщины обычно измеряют свой успех количеством и качеством покоренных их властью мужчин. Но здесь вновь вступает в игру взаимность; «пожирательница мужчин», которая стремится сделать из мужчины свое орудие, не может, тем не менее, стать независимой от него. Ведь для того, чтобы привязать его к себе, ей нужно ему нравиться. Американские женщины, которые стремятся стать идолами, превращаются в рабынь своих поклонников. Они одеваются, живут и дышат только мужчинами и для мужчин. На деле самовлюбленная женщина так же зависима, как гетера. Господства мужчины ей удастся избежать только в том случае, когда она соглашается подчиниться тирании общественного мнения. Эта связь не предполагает взаимности. Если бы она стремилась добиться признания со стороны Другого и признавала бы его свободу как цель, признавала на деле, она перестала бы быть самовлюбленной женщиной. Парадокс ее позиции заключается в том, что она требует, чтобы ее высоко ценил мир, за которым она сама не признает никакой ценности, поскольку в ее глазах в счет идет только она одна. Одобрение окружающих — это бесчеловечная, таинственная и капризная сила, которую нужно пытаться покорить с помощью магии. Несмотря на внешнее высокомерие, самовлюбленная женщина знает, что ей грозит опасность. Поэтому она беспокойна, чувствительна, раздражительна, постоянно настороже. Ее тщеславие никогда не бывает удовлетворено. С годами она со все большей тревогой ждет похвал и успеха, все чаще подозревает, что вокруг нее

плетутся заговоры. Растерянная, снедаемая одними и теми же мыслями, она погружается во тьму лицемерия и нередко, в конце концов, замыкается в параноическом бреду. Именно к ней удивительным образом подходит изречение: «Кто захочет спасти свою жизнь, погубит ее».

* * *

Слово «любовь» имеет не один и тот же смысл для мужчин и женщин, что является источником возникающих между ними недоразумений. Байрон совершенно верно заметил, что в жизни мужчины любовь представляет собой лишь одно из занятий, тогда как для женщины она и есть жизнь. Ту же мысль выразил Ницше в «Веселой науке»: «Одно и то же слово «любовь» в действительности значит различные вещи для мужчины и женщины. Совершенно ясно, как понимает любовь женщина: это не просто преданность, это полная самоотдача, душой и телом, без всяких ограничений и в любых обстоятельствах. Именно это отсутствие каких бы то ни было условий превращает любовь женщины в веру, естественную, которую она способна исповедовать. Когда мужчина любит женщину, он *ждет*¹ от нее такой же любви. Сам он вовсе не требует от себя именно такого чувства, какое испытывает женщина. И если бы нашлись мужчины, которые стремились бы к столь полному самоотречению, то, право же, они просто не были бы мужчинами».

В определенные моменты своей жизни мужчины могут быть страстными любовниками, но ни одного из них нельзя назвать «великим влюбленным». Переживая самые бурные порывы, они никогда не жертвуют собой до конца. Даже когда падают на колени перед любовницей, их главное стремление — это обладать ею, сделать ее своей. Как суверенные субъекты, они всегда остаются средоточием собст-

---

¹ Выделено Ницше. — *Примеч. авт.*

венной жизни, и любимая женщина для них является одной из ценностей в ряду других. Они хотят приобщить ее к своему существованию, а не дать поглотить себя. Для женщины же любовь — это полное отречение от себя ради своего господина.

«Любящая женщина забывает о своей личности, — пишет Сесиль Соваж¹. — Это закон природы. Женщина не может существовать без повелителя. Без повелителя она похожа на растрепанный букет».

На самом деле речь идет не о законе природы. Наличие различных представлений о любви у мужчин и женщин — это свидетельство различия их «ситуации». Индивид, являющийся субъектом, личностью, обладающий благородным стремлением к трансцендентности, делает все, чтобы усилить свое влияние на мир, он честолюбив, деятелен. Но второстепенное существо не может найти абсолютную ценность в собственной субъективности; существо, обреченное на имманентность, не может реализовать себя в поступках. Замкнутая в сфере относительного, с детства предназначенная для мужчины, приученная видеть в нем господина, с которым ей не дозволено сравниться, женщина, которая не задушила в себе желания быть человеком, мечтает превзойти себя в стремлении к этому высшему существу, соединиться, слиться с полновластным субъектом. У нее есть только одна возможность: душой и телом затеряться в том, кто преподнесен ей как абсолютная ценность. Поскольку она в любом случае обречена на зависимость, то вместо того, чтобы подчиняться тиранам — родителям, мужу, покровителю, — она предпочитает служить божеству [любви]. Она добровольно и с таким жаром желает своего рабства, что оно кажется ей выражением ее свободы.

---

¹ *Соваж Сесиль* (1883—1927) — французская писательница, чье творчество было посвящено раскрытию тайн женского мира. — *Ред.*

Но любовь занимает не так уж много места в реальной жизни женщины. Ее муж, дети, дом, удовольствия, тщеславие, светские и сексуальные отношения, продвижение по социальной лестнице значат для нее гораздо больше. Почти все женщины мечтают о «великой любви», некоторые из них прикасаются к ней, другим достается суррогат, они познают ее неполной, ущербной, смехотворной, несовершенной, лживой. Но очень немногие действительно посвящают ей всю свою жизнь.

Несчастье женщины заключается в том, что ее окружают почти непреодолимые искушения. Все толкает ее на легкий путь; вместо того чтобы побуждать ее бороться за себя, ей предлагают скользить по течению, пока она не достигнет волшебного блаженства. А когда она замечает, что была завожена миражем, уже слишком поздно и силы ее иссякли.

Психоаналитики нередко утверждают, что в любовнице женщина ищет образ отца. Но этот последний очаровывал ее в детстве не потому, что он был ее отцом, а потому, что был мужчиной. И этой магией обладают все мужчины. Женщина стремится не подменить одного другим, а породить определенную ситуацию, ту, в которой она находилась, будучи девочкой и живя под защитой взрослых. Она была глубоко интегрирована в семейную жизнь и наслаждалась покоем, почти полностью покоряясь воле родителей. Благодаря любви она вновь обретет отца и мать, вернется в детство. Ей так хочется вновь увидеть потолок над своей головой, спрятаться за стенами от своей растерянности перед миром, за законами, которые защитили бы ее от свободы. Многие женщины хотят благодаря любви вернуться в детство, им нравится, когда любовники называют их «маленькой девочкой, дорогой деткой». Мужчины хорошо знают, что слова: «Ты похожа на совсем маленькую девочку» — больше всего трогают женское сердце.

Многим из женщин мучительно не хочется становиться взрослыми, многие упорно «разыгрывают» ребенка, как

можно дольше продолжая вести себя и одеваться по-детски. Превратиться в ребенка в объятиях мужчины — это для них высшее счастье. Именно об этом поется в популярной песенке: «В твоих руках я чувствую себя такой маленькой, Такой маленькой, любовь моя...». Эта тема без конца повторяется в любовных разговорах и переписке. «Беби, малютка моя», — шепчет любовник, а женщина называет себя «твоя малышка, твоя крошка».

Рассказ психастенической больной, случай которой описан Жане¹ в работе «Навязчивые состояния и психастения», является яркой иллюстрацией подобного поведения: «С тех пор как я себя помню, все глупости и добрые поступки, которые я совершала, имели одну причину: стремление к совершенной и идеальной любви, которой я могла бы отдаться полностью, доверить все мое существо другому существу, Богу, мужчине или женщине, которые были бы настолько выше меня, что мне уже не нужно было бы думать о своем поведении в жизни, заботиться о себе. Найти кого-нибудь, кто полюбил бы меня настолько, что захотел бы взять на себя заботу о моей жизни, кого-нибудь, кому бы я слепо повиновалась и к кому питала бы полное доверие, зная, что он оградит меня от любой слабости, и кто с большой любовью и нежностью прямо повел бы меня к совершенству. Как я завидую идеальной любви Марии Магдалины к Христу. Быть пылко любящей ученицей обожаемого учителя, достойного подобной любви, жить и умереть для своего бога, верить в него без тени сомнения и, наконец, обрести полную победу Ангела над зверем; всем своим телом чувствовать тепло его объятий, быть такой маленькой, затеряв-

---

¹ Жане Пьер (1859—1947) — французский психолог, психиатр, философ. Свою концепцию называл «психологией поведения», основанной на категориях «активности», «деятельности», «психического напряжения» и др. В этих понятиях Жане объяснял неврозы, психастении, истерии, которые трактовались исходя из единства эволюции психических функций в фило- и онтогенезе. — Ред.

шейся в его покровительстве, настолько принадлежать ему, что больше не существовать самой по себе».

Мы уже видели, что в действительности мечты о слиянии с другим, о самоуничтожении представляют собой страстное желание «быть». Во всех религиях поклонение Богу неотделимо для верующего от заботы о спасении собственной души. Безраздельно отдаваясь божеству, женщина надеется, что благодаря ему она обретет самое себя и воплощенный в нем мир. В большинстве случаев она ждет, что любовник наполнит смыслом ее существование, возвеличит ее «я». Многие женщины способны полюбить только в случае, если они сами любимы. И, наоборот, для того, чтобы влюбиться, им порой достаточно проявления любви. Девушка смотрит на себя глазами мужчины. В грезах женщина полагает, что она обрела себя благодаря устремленному на нее мужскому взгляду. Женщина чувствует себя высшей, надежнейшей ценностью. Отныне, благодаря любви, которую она внушает, она имеет, наконец, право лелеять себя. В любовнике она с восторгом обретает свидетеля.

Любовь — это проявитель, благодаря которому в бесцветном отрицательном образе, таком же бесполезном, как неудачный негатив, начинают играть яркие, положительные черты. С ее приходом лицо женщины, линии ее тела, воспоминания детства, пережитые горести, платья, привычки, весь ее мир и вся ее личность — словом, все, что с ней связано, освобождается от случайности и превращается в необходимость. Она становится драгоценным подарком, положенным на алтарь ее божества.

* * *

Вот почему мужчины, обладающие весом в обществе и умеющие льстить женскому тщеславию, могут стать объектом женской страсти, даже если внешне они совершенно непривлекательны. В их высоком общественном положении

воплощаются Закон, Истина, а в их убеждениях отражается неоспоримая реальность. Женщина, которую они восхваляют, начинает чувствовать себя бесценным сокровищем.

Только в любви женщина может привести в гармонию эротику и самовлюбленность. Эти две системы противостоят друг другу, и из-за этого женщине очень трудно приспособиться к сексуальной жизни. Она должна превратиться в предмет из плоти, стать добычей, но это противоречит тому поклонению, с которым она к себе относится. Ей кажется, что ласки портят и пачкают ее тело или унижают ее душу. Поэтому некоторые женщины предпочитают фригидность, полагая, что таким образом они сохранят в целостности свое «я». Другие разделяют животные страсти и возвышенные чувства. Штекель замечает, что «многие женщины испытывают оргазм, лишь впад в животное состояние». В физической любви они видят унижение, которое невозможно примирить с такими чувствами, как уважение и привязанность. Только очень циничная, равнодушная и гордая женщина может рассматривать физические отношения как взаимное удовольствие, в котором каждый из партнеров получает свою долю. Мужчина, так же как женщина, а иногда и сильнее, протестует, если его хотят использовать как орудие наслаждения¹. Но именно у женщины обычно возникает впечатление, что ее партнер пользуется ею как вещью.

Любовный акт требует от женщины глубокого отчуждения; ее охватывает пассивное томление, с закрытыми глазами, безликая, потерянная, она чувствует, как ее уносят волны, как ее затягивает буря, как она проваливается во тьму. Это тьма плоти, чрева, могилы; она растворяется, соединяется с Целым, ее «я» исчезает. Но вот мужчина отстраняется — она сброшена на землю, она лежит в постели, в ком-

---

¹ См., в частности, роман «Любовник леди Чаттерлей». Устами Меллорса Лоуренс выражает ужас перед женщинами, которые хотят превратить его в орудие наслаждения. — *Примеч. авт.*

нате горит свет; она вновь обретает имя, лицо, но она повержена, превращена в добычу, в объект.

Подобное разочарование бывает мучительнее, чем разочарование ребенка, когда рушится авторитет его отца: ведь женщина сама выбрала того, кому отдала в дар все свое существо. Даже если избранник достоин самой глубокой привязанности, он все равно остается земным человеком, и женщина, преклоняющая колена перед высшим существом, обращает свою любовь не к нему. Ее вводит в заблуждение собственная серьезность, из-за которой она придает достоинствам своего возлюбленного абсолютное значение, то есть не хочет признать, что их носителем является человеческое существо.

Из-за этого заблуждения между ней и предметом ее обожания разворачивается пропасть. Она восхваляет его, повергается перед ним ниц, но она не может стать ему настоящим другом, потому что не осознает, что в мире его подстерегают опасности, что его планы и цели шатки, а сам он хрупок. Видя в нем Бога, Истину, она неправильно судит о его свободе, которая отмечена нерешительностью и страхом. Этот отказ мерить любовника человеческой меркой объясняет многие парадоксы женского поведения. Женщина просит что-либо у любовника, и он удовлетворяет ее просьбу, следовательно, он великодушен, богат, великолепен, он царь и бог; если же он отказывает, он превращается в скупца, мелочно-го и жестокого человека, он животное, демон. Так и подмывает спросить: если «да» удивляет как нечто в высшей степени необычное, то почему так поражает «нет»? Если отказ представляет собой проявление столь отвратительного эгоизма, то почему такое восхищение вызывает согласие? Нет ли места для просто человеческих качеств между сверхчеловеческими и бесчеловечными?

Дело в том, что поверженное божество — это не человек, а самозванец; у любовника есть лишь одна возможность: доказывать, что он действительно тот самый царь, которого

обожает женщина. В противном случае он разоблачает себя как узурпатор. Если женщина больше не любит его, в ней растет желание растоптать его. Во имя славы, которой влюбленная увенчала своего возлюбленного, она отказывает ему в праве на какую бы то ни было слабость. Она разочаровывается и раздражается, если он не соответствует тому образу, которым она его подменила. Если он устал или рассеян, если ему не вовремя хочется есть или пить, если он ошибается или противоречит сам себе, она заявляет, что он «недостоин сам себя», и ставит ему это в вину. Таким образом, она доходит до того, что упрекает его за любое дело, которое ей самой приходится не по нраву. Она судит собственного судью и для того, чтобы он был достоин оставаться ее повелителем, отказывает ему в праве на свободу. Порою ей легче поклоняться отсутствующему божееству, чем присутствующему. По всем этим причинам лишённые иллюзии женщины заявляют: «Не нужно ждать сказочного принца. Мужчины — просто ничтожные существа».

* * *

Именно в этом состоит проклятие, тяготеющее над страстной женщиной: ее возвышенное представление о мужчине неизбежно превращается в требовательность. Отрекаясь от себя ради другого, она хочет в то же время взять свое: ей необходимо завладеть человеком, которому она отдает все свое существо. Она дарит ему себя безраздельно, но он должен обладать всеми совершенствами, чтобы достойно принять этот дар. Она посвящает ему все свое время, но и он должен быть постоянно рядом с ней. Она хочет жить лишь им, но она хочет жить полной жизнью, для этого он должен посвятить всего себя ей.

Сначала влюбленная женщина с упоением удовлетворяет желания любовника, затем, как легендарный пожар-

ник, совершающий поджоги из любви к своему ремеслу, она старается пробуждать в нем желание для того, чтобы иметь возможность удовлетворять его. Если это ей не удастся, она чувствует себя до того униженной и ненужной, что любовнику приходится разыгрывать пылкость, которой он на самом деле не испытывает. Превратившись в рабыню, женщина нашла самый надежный способ поработить мужчину. В этом состоит еще один обман любви, который с такой обидой разоблачают многие мужчины.

Действительно, жертвы, которые принимает любовник, превращаются в опутывающие его обязательства, при этом он лишен даже преимущества выглядеть человеком, который что-то дает сам. Женщина требует, чтобы он с благодарностью нес крест, который она на него возлагает. И ее тирания ненасытна. Влюбленный мужчина властен, но, если он получил то, чего желал, он чувствует себя удовлетворенным. Что касается взыскательной женской преданности, то она не знает границ. Любовник, доверяющий своей любовнице, не имеет ничего против ее отлучек или занятий вдали от него; он уверен, что она принадлежит ему, и предпочитает обладать не вещью, а свободным существом. Для женщины же отсутствие любовника — это всегда пытка. Он для нее — всевидящее око, судия, и, устремляя свой взгляд не на нее, он тем самым чего-то ее лишает: все, что он видит помимо нее, украдено у нее. Когда он далеко от нее, и она сама и весь мир перестают существовать. Он покидает ее и изменяет ей даже тогда, когда, будучи с ней рядом, читает или пишет. Она ненавидит его, когда он спит. Божественный повелитель не имеет права предаваться покою имманентности, и женщина враждебно смотрит на его поверженную трансцендентность. Ей не нравится животная инертность этого тела, существующего в данный момент не для нее, а для себя, предоставленного случайности, платой за которую является ее собственная случайность.

Бог не должен засыпать, иначе он превращается в прах, в плоть. Он должен постоянно бодрствовать, иначе его творение теряется в небытии. Для женщины спящий мужчина — это предатель и скупец. Случается, что любовник будит возлюбленную, но он делает это, чтобы предаться ласкам, она же будит его просто для того, чтобы он не спал, не отдалялся от нее, думал только о ней, постоянно пребывал с ней, в комнате, в постели, в ее объятиях, как Бог в алтаре. Это постоянное желание женщины, она тюремщица.

В то же время она не готова согласиться на то, чтобы мужчина стал просто ее пленником, и больше ничем. В этом состоит один из болезненных парадоксов любви: становясь узником, божество лишается своей силы. Женщина спасает свою трансцендентность, посвящая ее мужчине, он же должен соединить ее с миром. Если оба любовника полностью погружаются в страсть, их свобода вырождается в имманентность. Единственный выход для них — это смерть, именно в этом отчасти заключается смысл сказания о Тристане и Изольде. Любовники, которые хотят принадлежать лишь друг другу, не могут остаться в живых: они умрут со скуки.

Женщина осознает эту опасность. Если не считать приступов исступленной ревности, она сама требует, чтобы мужчина действовал, завоевывал мир. Какой же он герой, если не совершает никаких подвигов. Дама обижается, когда рыцарь покидает ее и отправляется совершать новые подвиги, но, если он остается у ее ног, она презирает его. Именно в этом заключаются трудности и муки любви: женщина хочет всецело владеть мужчиной и в то же время требует от него, чтобы он был выше всего того, чем можно было бы обладать. Свободное существо не может принадлежать никому, и женщина, которая хочет удержать при себе человека, являющегося, по выражению Хайдеггера, «отсутствующим существом», хорошо знает, что эта попытка обречена на провал.

Женщину с ясной головой идолопоклонническая любовь может привести только к отчаянию. Ведь любовница, требуя, чтобы любовник был героем, гигантом, полубогом, хочет, чтобы он интересовался не только ею, и в то же время для нее счастье возможно лишь при условии, что она полностью завладеет возлюбленным.

«Из того факта, что женская страсть заключается в абсолютном отказе от каких бы то ни было собственных прав, как раз вытекает, что противоположный пол не может испытывать подобных чувств, не может стремиться к самоотречению, — говорит Ницше¹. — Ведь если бы в любви оба любовника отрекались от себя, то я уже не знаю, к чему бы это привело, разве что к ужасной пустоте. Женщина хочет, чтобы ею обладали... ей нужен кто-нибудь, кто бы ею обладал, не отдаваясь сам, не забывая о собственном «я», а, напротив, желая обогатить его любовью... Женщина отдается, а мужчина благодаря этому возвышается...».

Обогащая возлюбленного, женщина по крайней мере чувствует себя счастливой. Она не может стать всем для него, но старается думать, что она ему необходима. Степень необходимости невозможно измерить. Если он «не может жить без нее», она считает себя основой его драгоценного существования и определяет этим собственную цену. Она с радостью служит ему, но он должен принимать ее служение с благодарностью, в соответствии с обычной диалектикой преданности дар превращается в требование. Добросовестно мыслящая женщина начинает задаваться вопросом; действительно ли он нуждается во мне? Мужчина лелеет ее, желает ее с неповторимой нежностью и пылом. Но, может быть, и к другой женщине он мог бы испытывать неповторимые чувства?

Многие влюбленные женщины поддаются на самообман, они не хотят признавать, что в неповторимом всегда при-

---

¹ Ф. Ницше. «Веселая наука». — *Примеч. авт.*

существует нечто общее. Мужчина подталкивает их к этой иллюзии, потому что поначалу он разделяет ее. Нередко его страстное желание как бы бросает вызов времени. В тот момент, когда он хочет эту женщину, он хочет ее со всей своей страстью и только ее одну. Конечно, мгновение это — абсолют, но этот абсолют — мгновение. Обманутая женщина начинает мыслить категориями вечности. Поскольку объятия повелителя превращают ее в богиню, ей начинает казаться, что она, и только она одна, родилась богиней и была предназначена богу. Однако желание мужчины не только бурно, но и преходяще, оно удовлетворяется и быстро угасает. Женщина же чаще всего, отдавшись мужчине, становится его пленницей. На эту тему существует немало легкого чтива и популярных песенок: «Юноша шел мимо, девушка пела... Юноша пел, девушка плакала».

Даже если мужчина длительное время привязан к женщине, это еще не значит, что она ему необходима. Она же требует именно этого: самоотречение может спасти ее, только наделив властью. Нельзя пренебречь правилами игры во взаимность.

Итак, на ее долю выпадают либо страдания, либо самообман. Нередко поначалу она цепляется за ложь. Она полагает, что мужчина любит ее такой же любовью, какой любит его она. Стараясь обмануть себя, она принимает желание за любовь, эрекцию за желание, любовь за религию. Она принуждает и мужчину лгать ей: «Ты любишь меня? Так же, как вчера? Ты меня не разлюбишь?». Эти вопросы она очень ловко задает как раз в тот момент, когда у мужчины нет времени дать искренние и обстоятельные ответы или когда обстоятельства не позволяют ему этого сделать. Она настойчиво задает их в пылу любовных объятий, выздоравливая после болезни, плача или прощаясь с ним на вокзале. Вырывая у него желаемые ответы, она превращает их в трофеи. Даже не получая ответов, она слышит их в его молчании.

Каждая по-настоящему влюбленная женщина в той или иной степени страдает паранойей. У меня была одна подруга, которая, долго не получая писем от отсутствующего любовника, говорила: «Когда хотят разорвать, то об этом пишут». Затем, получив недвусмысленное письмо, она заявила: «Тот, кто действительно хочет разорвать, не пишет об этом».

Слушая исповеди женщин, нелегко отделить здравомыслие от патологического бреда. Поведение мужчины, описываемое охваченной паникой влюбленной женщиной, всегда кажется экстравагантным. Он — невропат, садист, бесхарактерный человек, страдающий от комплекса неполноценности, мазохист, дьявол, подлец или все они вместе взятые. Никакие, даже самые тонкие психологические объяснения не проливают свет на его поведение.

Слишком упорный самообман приводит женщину к психическому заболеванию. Большим эротоманией всегда кажется, что любовник ведет себя загадочно, парадоксально, Поэтому их бред легко берет верх над реальностью. Нормальная женщина чаще всего, в конце концов, осознает истинное положение вещей, понимает, что любовник ее разлюбил. Но до тех пор, пока обстоятельства не вынуждают ее признать это, она всегда немного лукавит. Даже при взаимной любви в чувствах любовников существует глубокое различие, которое женщина старается не замечать. Необходимо, чтобы мужчина был способен найти смысл жизни не в ней, поскольку сама она надеется обрести оправдание своего существования в нем. Мужчине необходима женщина потому, что она бежит от своей свободы, ему же, если он обладает свободой, без которой не был бы не только героем, но и просто мужчиной, не нужен никто и ничто. Женщина принимает зависимость в силу своей слабости, но как же может стать зависимым от нее тот, кого она любит за силу?

Женщина со страстной и требовательной душой вряд ли может обрести покой в любви, потому что цели, к которым она стремится, противоречивы. Если она страдает и мучается, то рискует стать обременительной для мужчины, рабыней которого она мечтала быть. Не чувствуя себя необходимой, она становится назойливой, невыносимой. Женщинам часто приходится переживать подобную драму. Мудрая и уступчивая возлюбленная примиряется со своей судьбой. Она не может заменить любовнику все, стать для него необходимой и довольствуется тем, что она ему полезна. Другая легко может занять ее место, и она удовлетворяется тем, что пока еще они вместе. Она признает свою зависимость, не требуя взаимности. На этих условиях на ее долю может выпасть скромное счастье, но даже тогда оно не будет безоблачным¹. Возлюбленная страдает от ожидания еще больше, чем супруга, если в жене сильнее всего говорит голос возлюбленной, то домашние и материальные хлопоты, различные занятия и удовольствия теряют в ее глазах всякую ценность. От скуки ее может спасти только присутствие мужа. «Когда тебя нет рядом, мне кажется, что на белый свет и смотреть не стоит, все, что случается, представляется мне безжизненным, а сама я превращаюсь в пустое платье, брошенное на стул», — пишет Сесиль Соваж вскоре после замужества.

Мужчина воспринимает женщину как существо, подобное ему в своей имманентности, поэтому он нередко разыгрывает из себя Бубуроша². Ему трудно представить себе, что

---

¹ Совсем по-другому чувствует себя женщина, обретшая в браке автономию. В этом случае супруги, каждый из которых остается самостоятельным, свободно отдают друг другу любовь. — *Примеч. авт.*

² «Бубурош» — пьеса французского писателя Жоржа Куртелина (1858—1928). В ней наиболее полно отразилась психология самодовольного мещанина: небольшая доза скептицизма, немного иронии, высокомерия и упоение растительной жизнью, убаженной сытым обедом и бездумным досугом за чашкой кофе или игрой в карты. — *Ред.*

в ней есть нечто, что ускользает от его понимания. Мужская ревность — это обычно мимолетный порыв чувств, такой же, как и сама мужская любовь. Этот порыв может быть бурным и даже опасным, но тревога редко поселяется надолго в сердце мужчины. Для мужчины ревность чаще всего есть компенсация за что-то: когда у него плохо идут дела, когда жизнь бьет его, он уверен, что это все женские козни.

Женщина же, которая любит мужчину за его качество Другого, за его трансцендентность, постоянно чувствует себя в опасности. Между предательским отсутствием и неверностью разница невелика. Как только женщина чувствует, что любима меньше, чем раньше, она начинает ревновать, а поскольку она очень требовательна, то она чувствует это почти всегда. Ее упреки и претензии, какими бы причинами они ни были вызваны, всегда выливаются в сцены ревности. Так она выражает нетерпение и скуку ожидания, горькое чувство зависимости, сожаление о своей искалеченной жизни.

Каждый взгляд, который мужчина бросает на другую женщину, ставит на карту ее судьбу; ведь ради него она отреклась от себя. Именно поэтому она так сердится, если ее любовник даже вскользь взглянет на другую. А если он напоминает ей о том, что недавно она не могла оторвать глаз от незнакомого мужчины, она убежденно отвечает: «Это совсем другое дело». И она права. Мужчина ничего не получит от взглядов женщин, она дарит ему себя только в том случае, если ее плоть становится его добычей. Женщина же, на которую бросают полные вождления взгляды, немедленно превращается в привлекательный и желанный объект, при этом возлюбленная, которой пренебрегают, «возвращается в прах, из которого она вышла».

Итак, она постоянно настороже. Что он делает? На кого смотрит? С кем разговаривает? То, что она получила благодаря желанию, может быть отнято у нее улыбкой, достаточно

одного мгновения для того, чтобы изгнать ее из «сияющего света бессмертия» в сумерки повседневности. Все, что она имеет, ей дала любовь, потеряв ее, она потеряет все. Неясная или определенная, безосновательная или обоснованная, ревность представляет собой для женщины страшную пытку, потому что она подрывает ее веру в любовь. Если измена несомненна, она должна либо отказаться воспринимать любовь как религию, либо отказаться от подобной любви. Это такое глубокое потрясение, что нет ничего удивительного в том, что сомневающаяся и заблуждающаяся влюбленная женщина поочередно мучается то от желания узнать убийственную правду, то от страха перед ней...

Женщине нужно придумать что-нибудь, чтобы вновь соблазнить любовника, стать той, которую он хотел бы встретить и которой хотел бы обладать. Но все усилия тщетны, ей не удастся возродить в себе образ Другой, который когда-то привлек мужчину и который может привлечь его в иной женщине. В любовнике живет то же двойственное и невероятное требование, что и в муже: он хочет, чтобы любовница была абсолютно «его» и в то же время «чужой», новой, он хочет, чтобы она в точности соответствовала его мечте и при этом отличалась от всего, что он может вообразить, чтобы она отвечала его ожиданиям и была удивительно неожиданной. Это противоречие разрывает женщину и обрекает ее на поражение. Она пытается стать такой, какой ее хочет видеть любовник. Многие женщины, которые в начальную пору любви, утверждающей их в самолюбовании, расцветают, — доходят до маниакального, путающего состояния униженности, как только начинают чувствовать охлаждение любовника. Поглощенные одной мыслью, опустившиеся, они раздражают любовника. Слепо отдаваясь мужчине, женщина теряет свою свободу, которая поначалу придавала ей такую соблазнительность. Мужчина ищет в ней свое отражение, но если это отражение слишком по-

хоже на него, ему становится скучно. Одно из несчастий влюбленной женщины заключается в том, что любовь уродует и уничтожает ее, она становится рабыней, служанкой, слишком послушной тенью, слишком похожим отражением. Осознавая это, она приходит в отчаяние, от которого ее достоинства умаляются еще больше. Она плачет, жалуется, устраивает сцены и окончательно теряет всякую привлекательность. Человек «существующий» определяется тем, что он делает. Она же для того, чтобы «быть», доверила себя созданию другого человека, отказавшись от всякой самостоятельной деятельности.

Нередко она понимает, что ведет себя неправильно, и пытается возродить свою свободу, вновь стать для любовника непредсказуемой. Тогда она начинает кокетничать. Если она возбуждает желание в других мужчинах, пресыщенный любовник вновь начинает проявлять к ней интерес. Однако подобные уловки таят в себе опасность. Если мужчина отдает себе в них отчет, они лишь подчеркивают жалкую зависимость любовницы, Но и в случае успеха они рискованны; мужчина пренебрегает женщиной, потому что уверен в том, что она принадлежит ему, но из-за этой же уверенности он к ней привязан. Неизвестно, чему повредит неверность: пренебрежению или привязанности. Может случиться, что оскорбленный мужчина отвернется от охладевшей к нему любовницы. Да, он хочет, чтобы она была свободна, но в то же время он хочет, чтобы она была ему преданна. Эта опасность известна женщине, она парализует ее кокетство. Влюбленной женщине редко удастся удачно играть в такую игру, слишком силен ее страх попасться в собственные сети. Если в ней еще сохраняется уважение к любовнику, ей противно обманывать его, ведь в ее глазах он остается богом. Выигрывая, она ниспровергает своего идола, проигрывая, гибнет сама. Спасения нет.

Мужчины многократно провозглашали, что для женщины любовь — это высшее свершение. «Женщина, которая любит, как женщина становится еще больше женщиной», — говорит Ницше. А вот слова Бальзака: «В высоком смысле жизнь мужчины есть слава, а жизнь женщины есть любовь. Женщина равна мужчине лишь тогда, когда она превращает свою жизнь в вечный дар, тогда как жизнь мужчины — это вечное действие».

Но и в этих словах заключен жестокий обман, поскольку мужчинам нет дела до дара, приносимого им женщинами. Мужчине не нужна ни безоговорочная преданность, которой он требует, ни идолопоклонническая любовь, которая тешит его тщеславие. Он их принимает только при условии, что не должен отвечать взаимностью, которой требует подобная позиция женщины. В соответствии с его проповедями женщина обязана дарить себя, но этот дар раздражает его. И растерянная женщина остается один на один со своими отвергнутыми дарами и со своим бесполезным существованием. В тот день, когда женщина сможет любить благодаря своей силе, а не благодаря слабости, когда она будет любить не для того, чтобы бежать от себя, а для того, чтобы себя найти, не для того, чтобы отречься от себя, а для того, чтобы себя утвердить, — в тот день любовь станет для нее, как и для мужчины, не смертельной опасностью, а источником жизни. Пока же она в самом патетическом виде представляет собой проклятие, тяготеющее над женщиной. Бесчисленные мученицы любви свидетельствуют против несправедливости судьбы, предлагающей им в качестве единственного спасения бесплодный ад.

Богоискательство или сублимация неосуществленной любви

Любовь предписана женщине как ее высшее призвание. Обращая свои чувства к мужчине, женщина ищет в нем бога. Если же она разочарована или слишком требовательна, она поклоняется божественному началу в лице самого Бога. Конечно, бывали и мужчины, горевшие тем же пламенем, но, во-первых, их немного, а во-вторых, их рвение всегда принимало интеллектуальную и весьма рафинированную форму. Что касается женщин, становящихся Христовыми невестами, то имя им легион и отдаются они своей судьбе с поразительной эмоциональностью. Женщина привыкла жить на коленях, обычно она ждет, что спасение придет к ней с небес, где царствуют мужчины. Они тоже скрыты от нее облаками. Их величие открывается ей, когда она проникает по ту сторону завесы их плотского присутствия. Возлюбленный часто отсутствует, он общается со своей обожаемой женщиной, прибегая к неким знакам, она может познать его сердце только благодаря догматической вере, и чем выше она его ставит, тем непонятнее кажется ей его поведение. Мы уже видели, что при эротомании подобную веру не может поколебать никакое опровержение. Женщине не нужны ни свидания, ни прикосновения для того, чтобы чувствовать рядом с собой присутствие божества. Идет ли речь о враче, священнике или Боге, она связывает с ними одни и те же бесспорные истины и рабски подставляет свою душу волнам любви, нисходящим свыше. Любовь к мужчине и любовь к Богу переплетаются в ней не потому, что вторая является сублимацией первой, а потому, что первая также представляет собой порыв к трансцендентному, к абсолютному. В любом случае влюбленная женщина хочет спасти

свое случайное существование, соединив его с Целым, воплощенным в суверенной Личности.

Это совмещение обращает на себя внимание во многих случаях — патологических и нормальных, — когда обожествляется любовник или Бог приобретает человеческие черты, у многих набожных женщин наблюдается глубокое смешение образа мужчины и Бога. Промежуточное положение между небом и землей чаще всего занимает исповедник. Он слушает кающуюся женщину, открывающую перед ним душу, земным ухом, но в его устремленном на нее взгляде сияет небесный свет. Это человек, сопричастный Богу, это Бог, присутствующий на земле в облике человека.

Любая верующая женщина безотчетно стремится к высшему источнику ценностей. Мужчина-посредник зачастую нужен ей для того, чтобы вознестись к пустынным небесам, но она вполне может обойтись без него. Гораздо более серьезно обстоит дело, когда, как это иногда случается, набожность накладывается на эротоманию. Эротоманка чувствует себя отмеченной любовью некоего верховного существа. Именно ему принадлежит инициатива в любовных отношениях, он любит ее более страстно, чем она его, он втайне от всех подает ей неопровержимые знаки своих чувств, он ревнует и раздражается и даже не останавливается перед наказанием, если его избранница не проявляет достаточной пылкости. Однако он никогда не появляется как реальный человек из плоти и крови. Все то же самое можно сказать о верующей женщине: Бог испокон веку лелеет душу, которую озаряет своей любовью. Для нее он пролил свою кровь, для нее готовит сияющие чертоги, и ей остается лишь с готовностью отдаваться пламенным чувствам.

Сегодня все признают, что эротомания может быть как платонической, так и сексуальной. Точно так же плоть в той или иной степени причастна к чувствам, которые верующая женщина посвящает Богу. Она выражает их так же, как это

делают земные любовники. Вспомним знаменитое видение святой Терезы: «В руках у ангела было длинное золотое копьё. Время от времени он пронзал им мое сердце так, что доставал до внутренностей. Когда он вынимал копьё, казалось, что он вырывает внутренности, и от этого во мне вспыхивал жар божественной любви... Когда мой духовный супруг вынимает копьё, которым он пронзил мне душу, я явственно чувствую, как боль проникает в самую глубину моего существа и разрывает его».

Иногда благочестиво замечают, что исступленно верующая женщина прибегает к эротическим выражениям из-за бедности языка. Но тело у нее тоже только одно, и поэтому она заимствует у земной любви не только слова, но и внешнюю форму поведения. Отдаваясь Богу, она ведет себя так же, как женщина, которая отдается мужчине. Однако это нисколько не умаляет ценности ее чувств. Когда Анжель де Фолинью¹ становится вслед за порывами своего сердца то «бледной и иссохшей», то «тучной и краснолицей», когда она проливает потоки слез или простирается ниц, то все эти явления нельзя, конечно, рассматривать как чисто «духовные». Но объяснить их лишь ее чрезмерной «возбудимостью» — это все равно, что говорить о «снотворных свойствах» мака. Тело ни в коем случае не может быть источником субъективного опыта, поскольку в своем объективном виде оно само олицетворяет субъект.

Именно этот последний и переживает все состояния в целостности своего существования. Противники и почитатели религиозных подвижниц полагают, что сексуальное истолкование восторгов святой Терезы низводит ее до уровня истерички. Но истеричный человек теряет свое достоинство не потому, что его тело активно выражает наваждения,

---

¹ *Фолинью Анжель де* (1248—1309) — монахиня, известная своими мистическими видениями, которые она отразила в книге «Древо распятой жизни Христа». — *Ред.*

а потому, что он подвержен наваждениям, что его свобода парализована и уничтожена, Однако власть, которую факир может приобрести над своим организмом, не превращает его в раба. Движения тела могут выражать порыв к свободе. Тексты святой Терезы не позволяют двусмысленного толкования и доказывают правильность статуи Бернена, который изобразил святую изнемогающей от сокрушительного наслаждения. И, тем не менее, было бы неправильно считать, что в основе ее чувств лежит «сексуальная сублимация». В ней нет предварительного тайного сексуального желания, которое превращается в любовь к Богу. Влюбленная женщина также не испытывает предварительного, ни на кого не направленного желания, которое затем обращалось бы к тому или иному индивиду. Любовное смятение возникает в ней только тогда, когда появляется любовник, и сразу обращается на него. Так, в едином порыве святая Тереза стремится слиться с Богом и чувствует это слияние всем своим телом. Она не попадает в рабскую зависимость от своих нервов и гормонов, скорее следует восхищаться силе ее веры, проникающей в самую глубину ее плоти.

Женщина прежде всего ищет в божественной любви то, что влюбленная ищет в любви мужчины; апофеоз своего самолюбования. Можно представить себе, какое опьянение охватывает самовлюбленную женщину, когда зеркалом ей служит все небо. Ее обожествленный образ вечен, как сам Бог, он никогда не померкнет, в то же время в своей горячей, трепещущей, утопающей в любви груди она ощущает душу, созданную, искупленную, лелеемую возлюбленным Отцом; она одновременно обнимает и своего двойника, и самое себя, бесконечно возвышенную Богом. Следующие тексты святой Анжел де Фолинью ярко показывают это. Вот что говорит ей Иисус: «Моя нежная дочь, дочь моя, возлюбленная моя, мой храм. Дочь моя, моя возлюбленная, люби меня, ведь я люблю тебя так сильно, так сильно, как

ты не можешь любить меня. Вся твоя жизнь: то, что ты ешь, то, что ты пьешь, как ты спишь, — все нравится мне. При твоём посредстве я совершу великие дела в глазах народов; благодаря тебе я буду познан, благодаря тебе мое имя прославит множество народов. Дочь моя, супруга моя кроткая, я очень люблю тебя.

Дочь моя, к которой во мне столько нежности, сколько не может быть у тебя ко мне, моя отрада, сердце всемогущего Бога лежит теперь на твоём сердце... Всемогущий Бог вложил в тебя много любви, больше, чем в какую-либо другую женщину этого города, он сделал тебя своей отрадой».

И еще: «Я так люблю тебя, что не замечаю больше твоих слабостей, мои глаза больше не смотрят на них. Я вложил в тебя бесценное сокровище».

Избранница не может не отвечать страстной любовью на столь пылкие откровения, нисходящие с такой высоты. Она пытается соединиться с возлюбленным, прибегая к приему, привычному для влюбленной женщины: к самоотречению. Большинство испуганно верующих женщин не удовлетворяются лишь пассивным посвящением себя Богу. Они стремятся к активному самоуничтожению и достигают этого умерщвлением плоти. Конечно, аскетизм практиковался также монахами и верующими мужчинами. Но ожесточение, с которым женщина издевается над своей плотью, не сравнимо ни с чем. Религиозная подвижница истязает свою плоть для того, чтобы иметь право притязать на нее. Доводя ее до гнусного состояния, она обращает ее в орудие своего спасения. Только этим можно объяснить странные эксцессы, которым предавались некоторые святые. Святая Анжель де Фолинья рассказывает, с каким наслаждением она пила воду, в которой только что омывала руки и ноги прокаженным: «Эта вода наполнила нас такой нежностью, что весь обратный путь мы были преисполнены радостью. Никогда я не пила с таким наслаждением. У меня

в горле застрял кусок чешуйчатой кожи, оторвавшейся от язвы прокаженного. Вместо того чтобы выплюнуть его, я с большим усилием его проглотила. Мне казалось, что я вышла от причастия. Я никогда не сумею выразить охватившую меня радость».

Набожность принимает плотскую окраску особенно в странах, народам которых свойственна пылкая чувственность, таких, как Италия и Испания. В одной деревне в Аbruззе женщины до сих пор в кровь царапают языки, обливая камни на дороге, ведущей к кресту. Поступая таким образом, они лишь подражают Спасителю, который защитил людскую плоть, унизив свою собственную. Женщины воспринимают это великое таинство значительно конкретнее, чем мужчины.

* * *

Нередко Бог является женщине под видом супруга, иногда он предстает перед ней во всем своем величии, сияя белизной и красотой. Он облачает ее в свадебный наряд, коронует ее, берет за руку, обещает ей божественный апофеоз. Но чаще всего он является в виде человека из плоти и крови. Обручальное кольцо, которое Иисус подарил святой Екатерине и которое она невидимо носила на пальце, — это то «кольцо из плоти», которое ему обрезали во время обряда обрезания. Но что самое важное, Бог для женщины — это измученное окровавленное тело: ведь самый сильный пыл охватывает ее, когда она созерцает распятие. Она отождествляет себя с Девой Марией, которая обнимает прах своего Сына, или с Магдалиной, которая стоит у креста и на которую падают капли крови Возлюбленного.

Так женщина дает волю садомазохистским видениям. Глядя на унижение Бога, она восхищается падением Человека. Образ бездыханного, пассивного, израненного распято-

го Христа вытесняет образ бело-розовой жертвы, отданной на растерзание хищникам, на поругание мужчинам, пронзенной кинжалом, образ, с которым женщина в детстве так часто отождествляла себя. Она с глубоким потрясением видит, что Мужчина, Мужчина-Бог взял на себя ее роль. Ведь это она пригвождена к кресту в ожидании Воскресения. Да, это она, у нее есть доказательства этого: ее лоб окровавлен от тернового венца, ее руки, ноги, ребра пронзены невидимыми гвоздями. Из трехсот двадцати одного мученика, известного католической церкви, лишь сорок семь — мужчины, остальные же, — женщины, которые чаще всего уже достигли климактерического возраста. На одну из самых знаменитых мучениц, Екатерину Эммерих, благодать снизошла в молодом возрасте. Когда ей было двадцать четыре года, она возжелала мученичества, и ей привиделся окруженный сиянием юноша, который подошел к ней и возложил ей на голову терновый венец. На следующий день виски и лоб у нее распухли и начали кровоточить. Четыре года спустя она в молитвенном исступлении увидела израненного Христа. Из его ран исходили лучи, острые, как заточенные лезвия. После этого видения на руках, ногах и боках святой выступили капли крови. Она исходила кровавым потом, кашляла кровью.

Нетрудно понять, почему женщины с таким необычным трепетом относятся к превращению кровавых пятен в чистое золотое пламя. Они никогда не забывают о крови, текущей из тела самого достойного из всех мужчин. Святая Екатерина Сиенская говорит об этом почти во всех своих письмах. Анжель де Фолинью до изнеможения смотрела на сердце Христа и на зияющую рану у него на боку. Екатерина Эммерих надевала красную рубашку для того, чтобы быть похожей на Иисуса, который уподобился «тряпице, пропитанной кровью»; она все видела «сквозь кровь Иису-

са». Мария Алакок¹ при уже упоминавшихся обстоятельствах в течение трех часов упивалась Святым Христовым Сердцем. Она предложила верующим для поклонения огромный сгусток крови, окруженный пылающими стрелами любви. В этой эмблеме отразилась великая женская мечта: от крови к славе через любовь.

Некоторых женщин удовлетворяет внутреннее общение с Богом, то есть экстатические состояния, видения, разговоры с Богом. Другим необходимо подтверждать свою религиозность мирскими конкретными делами. Переход от созерцания к действию осуществляется в двух весьма различных формах. Есть женщины, стремящиеся к активной деятельности, такие, как святая Екатерина, святая Тереза, Жанна д'Арк; у них — ясные цели и трезво избранные способы их достижения. Их откровения служат лишь для того, чтобы предметно представить их убеждения и заставить пойти по пути, который уже возник в их воображении. Но есть и самовлюбленные женщины, такие, как г-жа Гийон², г-жа Крюденер³. Скрыто пылающий в них жар неожиданно приводит их «в апостольское состояние». У них нет ясного осознания

---

¹ *Алакок Маргарита-Мария* (1647—1690) — французская монахиня. Её мистические видения, изложенные ею в сочинении «Поклонение сердцу Иисуса», послужили толчком к возникновению культа Священного Сердца Иисуса, официально признанного Католической церковью в 1765 году. — *Ред.*

² *Гийон де Шеснуа* (Жанна-Мари Бувье де ла Мотт; 1648—1717) — одна из ярких представительниц христианского мистицизма во Франции XVII века, исповедовала идеи, близкие к протестантской идеологии. Утверждала, что путь к Господу ведет через простую, личную молитву (что позже стали называть «квиетизмом» — духовным уединением для личного поклонения Богу). За активную пропаганду этих идей Гийон арестовали и посадили в крепость Бастилию, где она пробыла с 1698 по 1703 год. — *Ред.*

³ *Крюденер Варвара-Юлиана* (1764—1824) — русская подданная немецкого происхождения, проповедница христианского мистицизма, оказывала сильное духовное влияние на императора Александра I. — *Ред.*

своей миссии, они — совершенно так же, как дамы-благотворительницы, в суете сует не очень заботятся о том, что конкретно делают, им важно лишь, чтобы это было нечто значительное. Так, г-жа Крюденер стала считать, что наделена особыми способностями, лишь после того, как мир узнал ее в качестве посланницы и писательницы; судьбой Александра I она занялась не для того, чтобы осуществить те или иные идеи, а чтобы утвердить себя в качестве боговдохновенного существа.

Если женщине достаточно намек на красоту и ум для того, чтобы ощутить свою одухотворенность, то, разумеется, считая себя избранницей Божией, она полагает, что ей поручена высокая миссия: она проповедует туманные теории, охотно создает секты, ее опьяняет мысль, что через членов вдохновляемого ею сообщества ее личность многократно повторяется.

Религиозный пыл, так же как любовь и даже самовлюбленность, совместим с активной, независимой жизнью. Но сами усилия, направленные на достижение индивидуального спасения, ведут лишь к гибели. Женщина либо вступает во взаимоотношения с нереальным, своим двойником, Богом, либо создает нереальные взаимоотношения с реальным существом. Ни в том, ни в другом случае она не в состоянии воздействовать на мир, не может вырваться за рамки своей субъективности, обрести подлинную свободу...

Эпилог¹

Распря между мужчиной и женщиной будет продолжаться до тех пор, пока они не признают взаимного равенства, то есть до тех пор, пока женственность будет увековечивать себя в качестве неизменной сущности, — кто более,

---

¹ Из книги С. Бовуар «Второй пол». — Ред.

мужчина или женщина, заинтересован в поддержании этой ситуации? Женщина, сбрасывая с себя оковы, хочет, тем не менее, сохранить свои прерогативы; а мужчина в свою очередь предпочел бы сбросить свои привилегии и потребовать от женщины, чтобы та согласилась с определенными ограничениями. Монтень прав, говоря: «Легче обвинить один из полов, чем оправдать другой».

Хулить или одобрять, подвергать порицанию или раздавать похвальные листы — тщетно. Ведь на самом деле очень трудно разорвать этот порочный круг, каждый пол одновременно — и жертва другого пола, и собственная; между двумя противниками, соревнующимися в своей устремленности к чистой, абсолютной свободе, легко можно было бы установить согласие: нужно только, чтобы война не приносила пользы ни одной из сторон; однако в том-то и сложность, что каждый из воюющих лагерей не только враг, но и сообщник, пособник своего противника; женщина готова сдаться, мужчина готов уступить; подобная позиция внушает сомнения и не оправдывает себя: каждый зол на другого, каждый обвиняет другого в несчастьях, случившихся будто исключительно по причине уступок, из-за искушения пойти навстречу, проявить обходительность, способность к пониманию; мужчина и женщина более всего ненавидят друг в друге свой собственный провал, поражение своих недобрых намерений, неудавшуюся низость...

Но уже сегодня существует немало пар, где сексуальные отношения партнеров равноправны. У таких пар на смену понятиям победы и поражения приходит понятие взаимного обмена. В самом деле, мужчина так же, как женщина, может становиться пассивной плотью, которой играют гормоны и родовой инстинкт, заложником смутного желания. В свою очередь, охваченная плотской страстью женщина, так же как мужчина, добровольно и активно дарит свое тело партнеру. Каждый из них по-своему переживает странную неод-

нозначность существования, явленного их телами. Если в этих схватках каждый видит в Другом своего противника, то на деле оба борются против себя, проецируя на партнера ту часть себя, которую он стремится отринуть. Вместо того чтобы преодолеть противоречивость ситуации, каждый стремится выйти из нее за счет другого, обвиняя его во всех низостях и приписывая себе благородство. А ведь если бы оба они с трезвой скромностью, той, что выражает подлинное достоинство, признали равную ответственность за их отношения и увидели в Другом себе подобного, то смогли бы пережить драму эротических отношений как истинные друзья.

Сам факт бытия в качестве человеческого существа значим гораздо более, чем все особенности, отличающие одного человека от другого. Превосходство не может быть даным раз и навсегда. То, что древние называли «добродетелью», определяется на том уровне, «который зависит от нас». Два начала борются в представителях обоих полов: плотское и духовное, конечное и трансцендентное. И мужчины и женщины подвержены влиянию времени, их подстерегает смерть, они имеют ту же глубокую потребность друг в друге. Благодаря свободе и те, и другие могут обрести истинное величие, и если они сумеют правильно ею воспользоваться, то надуманные преимущества каждого из полов рассыплются в прах и, возможно, между мужчинами и женщинами возникнет подлинное братство.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Анна Николаева.</i> Предисловие. «Манифест любви»	
Жан-Поля Сартра и Симоны Бовуар	5

Часть I

Жан-Поль Сартр. Любовные поражения

Самообман в любви	14
Любовь является конфликтом	21
Тройная разрушаемость любви. Мазохизм как принятие виновности	42
Безразличие, желание, ненависть, садизм	46

Часть II

Симона де Бовуар. Отношения отчуждения

Взаимоотношения полов совершенно необязательно свойственны человеческой природе	92
Точка зрения психоанализа	95
Отвращение от секса. Неоправданная имманентность плоти	114
Лесбиянство. Патология или осознание естественного состояния?	134
Неосмысленная изменность брака	150
Манихейство домашнего очага	170
Онтологическая неизбежность адюльтера	186
Нищестанство гетеризма	190
Синдром влюбленности	204
Богоискательство как сублимация неосуществленной любви	227
Эпилог	235

Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар

АЛГОРИТМ ЛЮБВИ

*Редактор О.В. Селин, художник М. Медведь,
верстка А.А. Кувшинников, корректор В.В. Авдеева*

ООО «Алгоритм-Книга»

Тел.: 617-0952, 617-0825

Оптовая торговля: «Центр политической книги» - 733-9789

«Столица-Сервис» - 375-3211, 375-2433, 375-3673

«ГД АМАДЕОС» 513-5777, 513-5985

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 19.10.07. Подписано в печать 27.11.07.

Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Печ. л. 7,5. Тираж 4000 экз. Заказ

ВЫШЛА В СВЕТ:

Серия «Старая гвардия»

За оградой Рублевки

Автор **Александр Проханов**

Лидер и идеолог русского сопротивления, блестящий писатель и публицист, главный редактор газеты “Завтра” Александр

Проханов в советское время был во всех горячих точках планеты, участвовал в боевых операциях афганских событий. 15 лет назад такой горячей точкой стала его любимая родина. Все эти беспросветные для России годы он в сражение на невидимом фронте необъявленной, но жестокой войны.

Многие его очерки-картины в новой книге ужасают реальностью окружающего бытия, и все же энергетика слова содействует не унынию и отчаянию, а крепости и стойкости духа.

ВЫШЛА В СВЕТ:

Серия «Старая гвардия»

Матрица “Россия”

Автор **Сергей Кара-Мурза**

После 1991 г. Россия, как говорят, переживает “системный” кризис. Но его глубина и продолжительность таковы, что надо говорить о “системной” катастрофе - за 90-е годы были подпилены основные

устои российской цивилизации. Не все они рухнули, сейчас понемногу мы поворачиваем к их восстановлению и модернизации.

Но ущерб понесли огромный, и возрождение потребует колоссальных усилий и средств.

